

№ 66

0

К. П.

**НѢКОТОРЫХЪ СОБЫТІЯХЪ
ВЪ БУХАРѢ, ХОКАНДѢ И КАШГАРѢ.**

**ЗАПИСКИ
МИРЗЫ-ШЕМСА БУХАРИ,**

ИЗДАНЫЯ ВЪ ТЕКСТѢ, СЪ ПЕРЕВОДОМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ,

И. П. ГРИГОРЬЕВИЧЪ,

A13 8/2 6/112

Управляющаго Областью Оренбургскихъ Киргизовъ, Дѣйствительнаго Члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и Члена-Корреспондента Императорской Академіи Наукъ и Императорскаго Археологическаго Общества.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1861.

ИЗ 6/112

О

**НѢКОТОРЫХЪ СОБЫТІЯХЪ
ВЪ БУХАРѢ, ХОКАНДѢ И КАШГАРѢ.**

ЗАПИСКИ

МИРЗЫ-ШЕМСА БУХАРИ,

ИЗДАНЫЯ ВЪ ТЕКСТѢ, СЪ ПЕРЕВОДОМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ,

В. В. ГРИГОРЬЕВЫМЪ,

Управляющимъ Областью Оренбургскихъ Киргизовъ, Дѣйствительнымъ Членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, и Членомъ-Корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ и Императорскаго Археологическаго Общества.

2761

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1861.

Около двадцати-пяти лѣтъ уже торіуетъ и проживаетъ въ Оренбурѣ, пользуясь довѣріемъ и уваженіемъ соотечественниковъ, бухарецъ по имени Мирза-Шемс, по отцу Мирза-Юсуфовъ, по происхожденію хаджа, изъ Хусейнова потомства. Предки его занимали при бухарскихъ ханахъ должность мункишевъ (секретарей), дѣдъ, Мирза-Якупъ, былъ дѣфтердаромъ во время Даніаль-Аталыка, отецъ, Мирза-Юсуфъ, тоже служилъ по части писемоводства при Миръ-Хайдеръ, а родная сестра Мирзы-Шемса была замужемъ за старшимъ сыномъ послѣднiю, Миръ-Хусейномъ. Родившись въ 1804 году, Мирза-Шемс находился съ-дѣтства при Дворѣ, зналъ лично дожившую до глубокой старости дочь Абуль-Фейзъ-Хана Елдузъ-Бенюмъ (бывшую въ замужествѣ за Рахимъ-Бикомъ, а потомъ за Шахъ-Мурадъ-Бикомъ, мать Миръ-Хайдера и прабабку нынѣшнiю эмира Миръ-Музаффера), даже находился при ней на посылкахъ когда былъ ребенкомъ, а потомъ состоялъ при Миръ-Хусейнѣ, въ родѣ пажса, и былъ въ числѣ немногихъ сторонниковъ преданности коихъ этотъ царевичъ избранъ былъ возведеніемъ своимъ на престолъ. По кончинѣ Миръ-Хусейна, Мирза-Шемсъ поступилъ на службу къ брату его Омару; оставилъ послѣднiю, когда ему пришлось плохо, передался на сторону втораго сына Миръ-Хайдерова Насруллаха, и вмѣстѣ съ нимъ побѣднсно вступилъ въ Бухару; но затѣмъ, опасаясь раздѣлить участь другихъ приверженцевъ Миръ-Хусейна и Омара, юловы которыхъ десятками снималъ ежедневно новый эмиръ, бѣжалъ изъ Бухары въ Шегрисевъ, а оттуда въ Хокандъ, идъ сверженный Омаръ нашель пріютъ у хана тамошнiю Мухаммедъ-Али. По смерти Омара, принялъ онъ, отъ нечего дѣлать, участіе въ походѣ на Би-

тайскій—Туркестанъ, предпринятомъ потомкомъ бывшихъ владѣтелей этой страны, ходжею Мухаммедъ—Юсуфомъ; вмѣстѣ съ нимъ торжественно тамъ, и вмѣстѣ съ нимъ воротился въ Хокандъ, когда предпріятіе не удалось. Затѣмъ снова переселился въ Бухару, пять—шесть ѣздилъ оттуда съ караванами въ Россію, наконецъ поселился окончательно въ Оренбургъ, завелъ здѣсь торговлю, женился, и живетъ безвыѣздно, за исключеніемъ 1845—1849 годовъ, когда отправлялся на поклоненіе въ Мекку черезъ Москву, Одессу, Константинополь и Іерусалимъ. Въ прошломъ 1860 году онъ опять пустился въ Мекку.

Этому Мирзѣ—Шемсу имѣлъ я случай, летомъ 1859 года, оказать ничто не стоившую мнѣ, но важную для него услугу, по поводу которой познакомился съ нимъ, а знакомство навело меня на мысль попросить его написать воспоминанія свои о тѣхъ событіяхъ въ Бухаріи и Кашгаріи, которыхъ въ молодости своей былъ онъ свидѣтелемъ. Дѣлая это предложеніе, я имѣлъ въ виду, что записки Мирзы—Шемса хотя сколько—нибудь пополнятъ недостатокъ историческихъ свидѣній нашихъ о Средней—Азій даже за повѣншее время; во всякомъ случаѣ рассказы очевидца, не имѣющаго нужды скрывать истину, должны были имѣть цѣну въ томъ наборѣ извѣстій изъ третьихъ, изъ пятыхъ рукъ, который, въ запискахъ Мейндорфа, Боркса, Уатэна, составляетъ единственный источникъ нашихъ познаній о дѣлахъ и лицахъ въ Бухаріи и Китайскомъ—Туркестанѣ. Мирза—Шемсъ охотно согласился удовлетворить моему желанію, и черезъ нѣсколько времени рукопись его была уже въ моихъ рукахъ.

При первомъ приступѣ къ чтенію, трудъ Мирзы—Шемса поразилъ меня самою пріятною неожиданностію: воспоминанія его оказались написанными не на томъ персидскомъ языкѣ, который бухарское правительство употребляетъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ своихъ, и ученые бухарскіе въ своихъ сочиненіяхъ, а на томъ простонародномъ нарѣчій, которымъ дѣйствительно говорятъ между

собою бухарскіе Таджики, и о котормъ до сихъ поръ европейскіе орьенталисты почти не имѣли понятія. Нѣсколько десятковъ страницъ текста на этомъ нарѣчїи были хорошею находкою для филолога. Зато, при дальнѣйшемъ чтенїи, Записки не вполне удовлетворили ожиданїямъ моимъ въ историческомъ отношенїи. Автору ихъ вѣдуналось, почему-то, начать изложенїе бухарскихъ событїй съ похода Надиръ-Шахова на Мавераннаиръ, то есть съ 1740-хъ годовъ, а это, какъ-бы хорошо память его ни сохранила рассказы отца и дѣда, естественно должно было вовлечь его въ хронологическіе промахи. Потомъ, я не нашелъ въ нихъ такой обстоятельности въ описанїи событїй, какой желалъ. Тѣмъ-не-менѣе, въ воспоминанїяхъ Мирзы-Шемса оказалось мною совершенно новыхъ, любопытныхъ и вполне достоверныхъ подробностей. Таковы, напримѣръ, слобщаемыя имъ о воцаренїи по монгольскимъ обычаямъ Миръ-Хайдра, походѣхъ его на Мервъ, и бунтахъ Кипчаковъ и Хатайцевъ, о странномъ вступленїи Миръ-Хусейна въ бухарскїй кремль, объ осадѣ Бухары эмиромъ Насрудлахомъ, о житїи-бытїи Омаръ-Хана въ Хокандѣ, наконецъ — объ обстоятельствахъ вторженїя въ Китайскїй-Туркестанъ и бѣства оттуда Мухаммедъ-Юсуфъ-Ходжи. Сверхъ того, и въ цѣломъ, записки Мирзы-Шемса давали, казалось мнѣ, довольно хорошее понятїе о жалакомъ положенїи Средней-Азїи подъ управленїемъ узбецкихъ ея влестителей. Я и рѣшился перевести эти записки, пополнивъ ихъ, въ примѣчанїяхъ, всѣмъ что извѣстно доселѣ изъ друныхъ источниковъ о бухарскихъ и кашгарскихъ событїяхъ въ періодъ описываемомъ Мирзою-Шемсомъ, такъ-чтобы его и мой трудъ представляли въ-совокупности возможно полный сводъ этихъ событїй.

Зимною 1859 — 1860 года намѣренїе это приведено было въ исполненїе, и я рѣсоловилъ уже приступить къ печтанїю изготовленной рукописи, какъ узналъ, находясь въ Петербургъ весною прошлаго года, что въ числѣ рукописей, прїобрѣтенныхъ г. Лерхомъ во время пребыванїя его въ Бухарь въ 1858 году, находятся по-

дробныя монографіи правленій *Рахимъ-Бика*, *Даніаль-Бика* и *Шахъ-Мурадъ-Бика*, и что переводомъ этихъ монографій и приотомленіемъ ихъ къ изданію занимается В. Е. Вельминовъ-Зерновъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, я рѣшилъ что, имѣя въ виду изданіе, въ непродолжительномъ времени, превосходныхъ матеріаловъ для исторіи правленія *Рахимъ-Бика*, *Даніаль-Бика* и *Шахъ-Мурадъ-Бика*, печатать текстъ и переводъ той части записокъ *Мирзы-Шемса*, въ которой разсказываетъ онъ объ этихъ владѣтеляхъ, впадая безпрестанно въ историческія и хронологическія ошибки,—было бы совершенно излишне; потому, ограничиваюсь изданіемъ текста сихъ записокъ и перевода оныхъ съ примѣчаніями, лишь начиная съ ханствованія *Миръ-Хайдера*. Въ заключеніе помѣщается обзоръ діалектическихъ, въ грамматическомъ и лексикографическомъ отношеніяхъ, отличій персидскаго языка, употребительнаго у бухарскихъ *Таджиковъ*, составленный мною на основаніи всего текста записокъ *Мирзы Шемса*.

Оренбургъ.

въ январь 1861 года.

В Г.

О НѢКОТОРЫХЪ СОБЫТІЯХЪ
ВЪ БУХАРѢ, ХОКАНДѢ И КАШГАРѢ.

ЗАПИСКИ МИРЪЫ-ШЕМСА БУХАРИ.

I. ХАНСТВОВАНИЕ ЭМИРА МИРЪ-ХАЙДЕРА.

По кончинѣ эмира Шахъ-Мурада (1), сановники государственные, собравшись, изъ числа сыновей покойнаго пожелали видѣть на ханствѣ Миръ-Хайдера (2), почему посланъ былъ гонецъ въ Карши (3), чтобы привезти его оттуда въ Бухару какъ можно поспѣшнѣе. Когда-же прибылъ онъ сюда, народъ и служилые люди (4), поздравивъ его государемъ, изъявили желаніе чтобы торжество вояренія имѣло мѣсто по всѣмъ правиламъ и обрядамъ принятымъ со временъ Чингисъ-Хана. Вслѣдствіе этого, везиръ Хакимъ-Кушбиги получилъ приказаніе заготовить огромное число одеждъ (5) всякаго сорта, а повара — пустить въ дѣло котлы большаго размѣра и наварить, запечь всякаго рода кушаньевъ. Разсказываютъ, что для этого издержено было 150 менновъ бухарскихъ (6) одного риса. Въ кремль (7) города Бухары хранятся два трона: одинъ извѣстный подъ названіемъ Абуль-Фейзъ-Ханова, другой — Рахимъ-Ханова (8); но для готовившагося тор-

жества устроили помость съ наметомъ, лицевою стороною обращенный къ Меккѣ, длиною 80 алчиновъ, глубиною алчиновъ 20 или менѣе, и подъ наметъ этотъ поставили на помость тронъ изъ мрамора въ 5 алчиновъ длиною и шириною (9). По обѣимъ-же сторонамъ этого помоста, устроили два другихъ, тоже лицомъ къ Меккѣ, каждый въ шестьдесятъ гёзовъ (10) длины и десять гёзовъ глубины. На помость по правую руку садятся сейиды и улемы (11): первымъ — Накибъ, потомъ Фейзы, далѣе Ураки-Келангъ, Казыи-Келангъ, Шейхъ-уль-Исламъ, Казыи-Аскеръ, Аълемъ, Ураки-Хурдъ, Муфтии-Аскеръ, Ренсъ города Бухары, и прочіе должностные ходжи и улемы (12). Въ наметѣ по лѣвую руку садятся: первымъ — Аталыкъ, потомъ Диванъ-Биги, далѣе Перваначи, Дадхагъ, Инакъ хранитель печати, Токсаба должностной, Ишекъ-ага-Баши и Мирахуръ (13); слѣдующимъ за Мирахуромъ сидѣть не дозволяется, они стоятъ. Такимъ образомъ, по каждую сторону трона садится человекъ 10—12 сановниковъ. Которые изъ нихъ старше по достоинству, тѣ садятся выше. Накибъ и Аталыкъ считаются равными. Когда все было приготовлено, означенные чины собрались и заняли въ порядкѣ мѣста свои. Передъ трономъ разостлали бѣлую кошму. Миръ-Хайдеръ возложилъ на голову себѣ вѣнецъ украшенный драгоценными камнями, и сѣлъ на кошму. Тогда за четыре угла кошмы вѣлись Накибъ, Аталыкъ, Диванъ-Биги и Перваначи, подняли на ней Миръ-Хайдера, и опустили на тронъ. При этомъ произведена была раздача значительнаго количества золотой и серебряной монеты. Затѣмъ принесли кушанья. По окончаніи угощенія, присутствовавшіе, какъ-

дый смотря по достоинству, получили халать шалевый, парчевый, газетовый (14) или бархатный: девять тысяч халатов пожаловано было въ этотъ день. Слава о такомъ пышномъ вопареніи Миръ-Хайдера разнеслась повсюду. Со всѣхъ сторонъ, изъ Кабула Земанъ-Шахъ, изъ Ирана Фехтъ-Али-Шахъ, изъ Хоканда Алимъ-Ханъ, изъ Ургенча Ильтизеръ-Ханъ (15), прислали пословъ для поздравленія съ благополучіемъ. По прибытіи въ Бухару, послы эти были допущены къ цѣлованію руки эмирской, и, удостоенные царскою его ласкою, возвратились во-свои. Онъ-же, на томъ основаніи, что мать его была дочерью Абуль-Фейзъ-Хана (15 bis), и потому Чингисовой крови, повелѣлъ читать хутбѣ и бить монету въ свое имя (16). Когда, такимъ образомъ, увѣрился Миръ-Хайдеръ въ покорности подданныхъ своихъ всѣхъ сословіи, какъ горожанъ, такъ и кочевниковъ, а дѣла правленія пошли обычнымъ порядкомъ, призвалъ онъ Хакима-Кушбиги, и повелѣ съ нимъ такую бесѣду: »Что только было у меня на умѣ, и чего ни желалъ я, всего этого, по благости Господней, я достигъ, всѣмъ этимъ владѣю; и, какъ сказано въ двустипши:

Все, чего ни желаешь, все то получишь,

Если только будешь стремиться постоянно къ достиженію желаннаго,

желанія мои удовлетворены. Но, — остается еще нѣчто, а именно то, что братья мои Динъ-Насиръ-Бикъ и Миръ-Хусейнъ-Бикъ (17) сидятъ одинъ въ Мервѣ (18), другой въ Самаркандѣ (19). Въ настоящее время, конечно, кольцо покорности въ ушахъ у нихъ держится крѣпко, и ни тотъ, ни другой, изъ повиновенія мнѣ не выходятъ; да можетъ притти пора, когда возстануть

они на меня. Не худо подумать объ отвращеніи этого заразіе.
Извѣстно, вѣдь, что

Воду ручья при истокѣ его можно горстью вычерпать,
Въ половодіе же и на слонѣ черезъ него не перейдешь.

Пошло-ка я къ народу и служилымъ людямъ Мерва и Самарканда грамоты такого содержанія, чтобы они, схвативъ Динъ-Насиръ-Бика и Хусейнъ-Бика, представили ихъ ко мнѣ, и что за это награжу я ихъ царскою милостію моею такъ, что вѣкъ свой будутъ дивиться и благодарить, а если не исполнять этой воли моею, такъ пойду на нихъ со многимъ войскомъ, городà ихъ поберу и съ землею сравняю, имущества отдамъ на разграбленіе, жителей, мужчинъ и женщинъ, перерѣжу». — Хакимъ-Кушбиги изготовилъ грамоты такого содержанія, и отправилъ по назначенію. Грамота, посланная въ Самаркандъ, не успѣла еще прибыть туда, какъ Миръ-Хусейнъ-Бикъ, съ нѣсколькими изъ довѣренныхъ (20) людей, бѣжалъ уже въ Шегрисебъ (21). Что касается до другаго письма, отправленнаго къ жителямъ Мерва, эти-последніе, по полученіи письма, сами принесли его-къ Динъ-Насиръ-Бикъ, — ради того что заботливъ онъ былъ о народѣ и добръ до служилыхъ людей, — говоря: «все мы жизнию и имуществомъ своимъ готовы жертвовать за нашего царевича; что ни прикажетъ онъ, все съ радостію исполнимъ». Обиженный выказанною жителями преданностію, Динъ-Насиръ-Бикъ написалъ и послалъ къ Миръ-Хайдеру такое письмо: «По коичиѣ родителя нашего, области ему принадлежавшія слѣдовало бы, какъ общее наследіе, раздѣлить между братьями поровну; вмѣсто того, вы все захватили себѣ. Осталась въ рукахъ мо-

ихъ земляца: и ту хотите вы отнять; но люди сами своими же руками не отдають своего достоянія, а отстаиваютъ его не жалѣя головы». — Отдавая Мервѣ въ управленіе Динъ-Насиръ-Бикъ, эмиръ Шахъ-Мурадъ оставилъ ему до десяти тысячъ человекъ добраго войска изъ бековъ и безкадѣ бухарскихъ: послѣдствіемъ было то, что изъ одной семьи отецъ былъ въ Бухарѣ, а сынъ въ Мервѣ, изъ другой отецъ жилъ въ Мервѣ, а сынъ въ Бухарѣ. Прочитавъ письмо Динъ-Насиръ-Бика, Миръ-Хайдеръ распалился гнѣвомъ, собралъ многочисленное войско, и пошелъ на Мерв. Съ немалою силою тоже, вышелъ на встрѣчу и Динъ-Насиръ-Бикъ. Дней двадцать происходили между ними кровопролитныя сшибки, много головъ пало съ обѣихъ сторонъ, и Миръ-Хайдеръ долженъ былъ возвратиться безуспѣшно въ Бухару. Съ тѣхъ поръ онъ ежегодно два-три раза ходилъ войною на Мерв, и, побившись съ Динъ-Насиръ-Бикомъ, опять удалялся въ Бухару. По истеченіи трехъ лѣтъ, предпринялъ новый походъ, но послѣ нѣсколькихъ сшибокъ съ мервскимъ войскомъ, прибѣгнуть къ хитрости: притворился разбитымъ и показалъ тылъ неприятелю. Войско Динъ-Насиръ-Бика пустилось преслѣдовать бѣгущихъ; но на пути, между Мервомъ и Чегарджуемъ (22), Эмиръ остановился, окружилъ преслѣдовавшій его отрядъ въ пять-шесть тысячъ человекъ, истребилъ его, и велѣвъ отрѣзать головы всѣмъ убитымъ, сложили изъ нихъ пирамиду невдалекѣ отъ Чегарджуя: мѣсто это и теперь извѣстно подъ именемъ *Калъ-Менаръ* (пирамида изъ череповъ). Когда вѣсть объ этомъ дошла въ Мерв до Динъ-Насиръ-Бика, онъ посадилъ на аргамаковъ двухъ женъ своихъ, двухъ-

трехъ малолѣтнихъ дѣтей, и, взявъ съ собою человѣкъ пять-десять самыхъ близкихъ и довѣренныхъ людей, поскакали во весь духъ къ Менгеду, куда и добрался въ шесть дней. Миръ-Хайдеръ, получивъ въ Чегарджуѣ извѣстіе о бѣгствѣ Динъ-Насиръ-Бика, вернулся къ Мерву, и вступилъ въ оный безпрепятственно. Отдохнувъ здѣсь нѣсколько дней, правителемъ города поставилъ военачальника Елканъ-Бія, значительную часть жителей выселилъ (23), затѣмъ возвратился съ торжествомъ побѣдителя въ Бухару. Нѣсколько лѣтъ послѣ сего прошло въ тишинѣ внутренней и вышней. Эмиръ предался въ это время ученью и книгочетству, и когда въ теченіи десяти лѣтъ окончили полный курсъ наукъ, набралъ въ ученики къ себѣ отъ 400 до 500 муллъ, и восемь-девять часовъ въ день проводилъ въ преподаваніи имъ (24). Въстѣсь-гѣмъ принималъ онъ ежедневно и просьбы отъ народа. Двѣсти-триста человѣкъ учащихся постоянно въ присутствіи его твердили свои уроки, и отпускались не прежде какъ прочтя всѣ положенныя книги (25). Но коварная судьба не допускаетъ чтобы человѣкъ долгое время наслаждался спокойствіемъ и тишиною. Сталъ враждовать Эмиру Ильтнезеръ, ханъ ургенчскій, которому въ это время повиновались многія туркменскія поколѣнія: въ числѣ двухъ-трехъ тысячъ человѣкъ стали они дѣлать вторженія въ бухарскіе предѣлы, разоряя страну, и уводя сельскихъ жителей, съ женами и дѣтьми, въ плѣнъ. Въ два-три года увлекли они такимъ образомъ въ Ургенчъ (26) отъ 40 до 50 тысячъ семействъ сельскихъ обывателей Бухарин. Между-гѣмъ возникли безпокойства и съ другой стороны. Въ Миянкалѣ (27) есть двѣ крѣпости: Ча-

лакъ—Курганъ и Янгы—Курганъ (28), между коими будетъ около 25 чакримвъ (29) разстоянiя; окрестности ихъ населяють два рода узбеккiе: Хатайцы и Кипчаки, простирающiеся численною до 120,000 семействъ. Заключивъ союзъ между собою, оба рода эти взбунтовались противъ Эмира, захватили въ руки свои обѣ помянутыя крѣпости, и посадили въ нихъ правителями, въ одной — хатайца Маъмура, въ другой — кипчаковца Адына—Кула, а эти отправили письма въ Хокандъ, Шегрисебъ, Ургенчъ, приглашая владѣтелей тамошнихъ соединиться съ ними, и разобрать области бухарскiя по рукамъ. Находя обстоятельства удобными, враги отовсюду подняли головы и нахлынули на Ханство. Тѣмъ же временемъ, по наущенiю Хатайцевъ и Кипчаковъ, возставъ противъ Эмира, Каракашаки (30) овладѣли крѣпостию Чапаръ, находящуюся въ осьми фарсахъ (31) отъ Самарканда, а сами Хатайцы и Кипчаки, сдѣлавъ нападенiе на Кеттѣ—Курганъ (32), отняли эту крѣпость у начальствовавшего въ ней Эйязъ—Бiя, и разграбивъ ее, обогатились добычею. Затѣмъ, Ашимъ—Ханъ правитель хокандскiй, Данияль—Аталыкъ правитель шегрисебзскiй, Каракашаки, Хатайцы и Кипчаки, соединившись, обложили Самаркандъ, а Ильтнезеръ, ханъ ургенчскiй, прибывъ съ сильнымъ войскомъ, осадилъ Чегарлжуй (33). Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Миръ—Хайдеръ разослалъ грамоты къ Сейядъ—Вели—Ниему владѣльцу хисарскому (34), къ правителямъ Балха, Андохя, Мейменѣ, Акчѣ и Шубургана (35), чтобы они со всевозможною быстротою создали войскá свои, и шли къ нему, а самъ сталъ собирать войско въ Бухарѣ и по ея окрестностямъ. Вслѣдствiе

этого, толпы ратниковъ стали подходить со всѣхъ сторонъ. Тогда около десяти тысячъ бухарскаго войска, съ десятью надежными военачальниками, отправилъ онъ подъ Чегарджуй, а самъ, съ собравшеюся изъ областей ратью, двинулся къ Самарканду. Алимъ-Ханъ хокандскій, правитель Шегрисебза, Хатайцы, Кипчаки, все это обратилось вспять изъ-подъ Самарканда, и разошлось по своимъ мѣстамъ. Оставивъ правителемъ въ Самаркандѣ сына своего Миръ-Хусейнъ-Тюрю, Миръ-Хайдеръ съ кошунами (36) Андхой, Мейменѣ и Самарканда, пошелъ на крѣпости Хатайцевъ и Кипчаковъ, бился съ послѣдними дней двадцать, держалъ крѣпости ихъ въ осадѣ, но видя что успѣха нѣтъ, возвратился въ Бухару. Что касается до Ильтнезеръ-Хана, онъ, прибывъ подъ Чегарджуй, осадилъ этотъ городъ, а когда пришло на помощь бухарское войско, имѣлъ съ нимъ многія сшибки, но также принужденъ былъ возвратиться въ Ургенчъ безъ успѣха. Миръ-Хайдеръ, по возвращеніи въ Бухару, правителей Андхой, Мейменѣ и Балха, щедро одаривъ, отпустилъ по домамъ. Миръ-Хусейнъ-Тюря, въ Самаркандѣ, также старался привлечь къ себѣ ласкою мѣстное населеніе, окончилъ постройкою укрѣпленія города, и вообще держалъ себя на-сторожѣ. Не даромъ: Хатайцы съ Кипчаками, Алимъ-Ханъ изъ Хоканда, Давіаль-Аталькъ изъ Шегрисебза, Каракалпаки, все это опять привалило подъ Самаркандъ. Послѣ трехъ мѣсяцевъ осады, Самаркандцы завалили землю ворота города; днемъ и ночью жители всѣхъ состояній взбирались на стѣны, ожидая не увидятъ-ли помощи со стороны Бухары. Въмѣсто помощи прибылъ оттуда гонецъ съ извѣстіемъ, что Ильтнезеръ-Ханъ

ургенчскій со множествомъ Туркменовъ, переправившись черезъ рѣку Аму (37), грабитъ и разоряетъ бухарскіе туманы (38). Миръ-Хайдеръ, вслѣдствіе этого, приказалъ, чтобы жители Бухары, безъ различія состояній, вооружились и выступали въ походъ на коняхъ или пѣшіе. По встрѣчѣ этого ополченія съ ургенчскимъ войскомъ, дней десять происходили сшибки, и много людей пало съ обѣихъ сторонъ. Ургенчцамъ стало приходиться плохо, и они вознамѣрились, убравшись на суда свои, переправиться на ту сторону Аму. Извѣстившись объ этомъ намѣреніи, Миръ-Хайдеръ ударилъ на непріятеля и притиснулъ его къ рѣкѣ. Ильтнезерь-Ханъ бросился со страху въ небольшую лодку, которая стояла у берегу сильно нагруженная, и, отчаливъ, поплылъ—было, но не доѣхалъ и до середины рѣки, какъ лодка, по волѣ Божіей, потонула, а съ нею и всѣ на ней находившіеся. Ища спасенія, Ургенчцы, конные и пѣшіе, стали кидаться въ рѣку, надѣясь переплыть ее, но вмѣсто того перетонули, тѣ-же, которые остались на берегу, были перебиты Бухарцами, такъ-что лишь весьма немногимъ удалось избѣгнуть гибели. Съ богатою добычею возвратились Бухарцы во-свои, раздался радостный бой барабановъ, во всѣ окрестные городѣ посланы были пѣсьма извѣщавшія о гибели Ильтнезерь-Хана и уничтоженіи его войска (39). Вслѣдъ затѣмъ Миръ-Хайдеръ отправился, съ бухарскимъ же кошуномъ, на помощь къ осажденному Самарканду. Узнавъ объ этомъ, осаждавшіе бросили осаду, и разошлись всѣ по своимъ мѣстамъ. Изъ Самарканда Эмиръ направился къ крѣпости Чалакъ, и, окруживъ ее, сорокъ дней держалъ тамъ въ осадѣ Хатайцевъ и Кипчаковъ; въ теченіе

этого времени они ежедневно дѣлали вылазки въ большомъ числѣ, и схватывались съ эмпровскимъ войскомъ. Видя, что кромѣ гибели людей съ обѣихъ сторонъ, никакого толку отъ осады нѣтъ, Эмиръ велѣлъ бить отбой, возвратился въ Бухару, и занялся удовлетвореніемъ просьбъ и нуждъ своихъ подданныхъ. Съшеюей своихъ, Миръ-Насруллаха отправилъ правителемъ въ Карши, а Омаръ-Хана — въ Керминѣ, съ тою цѣлю чтобы Узбековъ этихъ областей удерживать впредь отъ возстанія. Хатайцы-же и Кипчаки послали въ Самаркандъ къ Миръ-Хусейнъ-Тюръ (40) письмо такого содержанія: »Всѣ мы — рабы и слуги ваши. Извѣстно намъ что родитель вашъ Миръ-Хайдеръ не очень васъ жалуеть. Коли угодно вамъ принять наши услуги, мы обѣщаемъ и клянемся что возведемъ васъ на престолъ въ Самаркандѣ, и не только въ Самаркандѣ, а постараемся, такъ и въ Бухарѣ: отъъемъ ее у Миръ-Хайдера, и вамъ ея поклонимся«. Миръ-Хусейнъ былъ весьма знающъ и сообразителенъ въ государственныхъ дѣлахъ. »Область Самаркандская — разсудилъ онъ — вотъ уже семь-восемь лѣтъ разоряется постоянно; враги грабятъ и опустошаютъ ее со всѣхъ сторонъ: соглашусь я на предложеніе Хатайцевъ и Кипчаковъ, возьму ее себѣ, чтобы изба-вить отъ дальнѣйшаго разоренія, а тамъ черезъ нѣсколько времени опять подчинюсь отцу, область-же успокоится между тѣмъ«. Вслѣдствіе этого, послалъ онъ къ Хатайцамъ и Кипчакамъ гонца съ письмомъ такого содержанія, чтобы Адына-Куль и Маъмуръ оба пріѣхали къ Самарканду, а онъ выплеть изъ города нѣсколько военачальниковъ; обѣ стороны дадутъ взаимно обѣтъ вѣрности, а тамъ, сообразно об-

стоятельствамъ, приступлено будетъ къ дѣлу. На это письмо Адына-Куль-Би и Маъмуръ-Би отвѣчали съобща, что черезъ 15 дней явятся къ царевичу; затѣмъ, собравъ каждый по сту, по двѣсти почетныхъ лицъ, сказали имъ, чтобы отправлялись въ Самаркандъ къ Миръ-Хусейнъ-Тюрѣ, и присягнули ему на вѣрность, такъ-какъ отнынѣ Хатайцы и Кипчаки будутъ съ нимъ за-одно. Прибывъ въ Самаркандъ, посланные присягнули тамъ Миръ-Хусейнъ-Тюрѣ, а онъ, областавъ ихъ и пожаловавъ халатами, сталъ собираться къ отцу для объясненія ему дѣла, какъ молва о томъ, что Миръ-Хусейнъ-Тюръ, вступивъ въ союзъ съ Хатайцами и Кипчаками, двигается съ самаркандскою ратью на Бухару, дошла до Миръ-Хайдера. Собравъ на-скоро войско города Бухары и ея тумановъ, онъ поспѣшилъ въ Самаркандъ, пробылъ здѣсь дней десять, въ правители города назначилъ Мухаммедъ-Сеферъ-Бія сына Девлетъ-Кушбигія (41), а Миръ-Хусейнъ-Тюрю, взявъ съ собою, привезъ въ Бухару. Хатайцы и Кипчаки бунтовали противъ Эмира цѣлые семь лѣтъ, а онъ ежегодно, въ пору посѣва, ходилъ травить ихъ поля (42). Наконецъ, туго пришлось бунтовщикамъ, они прибѣгли къ посредству правителей Хисара и Шегрисебза, а Эмиръ сооблаговолить простить виновныхъ. Адына-Куль-Би и Маъмуръ-Би явились съ покорностію въ Бухару, принесли повинную, и разошлись затѣмъ по своимъ мѣстамъ. Случилось это въ 1825 году.

По смерти Ильтнезеръ-Хана, погибшаго въ водахъ Аму, наследовалъ ему братъ его Рахимъ-Ханъ. Онъ тоже враждовалъ съ Бухарою. Ему наследовалъ сынъ его Алла-Кули-Ханъ. Этотъ заключилъ миръ съ Миръ-Хайдеромъ, и согласіе возстановилось (43).

2761

Въ 1826 году у Миръ-Насруллаха, правительствовавшаго въ Карши, родился сынъ — Миръ-Музафферъ-Тюрл, доселѣ здравствующій (44). Насруллахъ прислалъ сказать отцу что ради этого обстоятельства даетъ онъ туй (45). Миръ-Хайдеръ пріѣхалъ къ нему въ гости съ пятью тысячами человекъ, и пировалъ пятнадцать дней; всѣ были угощены и одарены. На возвратномъ пути изъ Карши въ Бухару, Эмиръ вдругъ заболѣлъ, такъ что едва могли усадить его на лошадь, и привезти въ Бухару. Здѣсь слегъ онъ въ постель, и пролежалъ въ тяжкомъ недугѣ осьмнадцать дней. Во все это время, кромѣ Хакимъ-Кушбигя и Мукимъ-Бія, никто изъ сановниковъ не имѣлъ доступа къ Эмиру, а эти оба были извѣстные доброжелатели Насруллаха, и постоянно думали о томъ, какъ-бы возвести его на престолъ. На осьмнадцатый день, въ осьмомъ часу, Эмиръ скончался. Не открывая этого никому, Хакимъ-Кушбиги повѣстилъ всѣхъ находившихся въ Бухарѣ военачальниковъ, а равно гражданскіе и духовные чины, чтобы живо собирались въ кремль выслушать волю Эмира по одному дѣлу. Къ десятому часу всѣ позванные, въ числѣ до 200 человекъ, собрались. Кушбиги обратился къ нимъ съ вопросомъ: »въ случаѣ если, по волѣ Божіей, Эмиръ изволитъ скончаться, котораго изъ сыновей его желаете вы имѣть государемъ«? Всѣ отвѣчали: »того, котораго Вамъ будетъ угодно«. Дѣло въ томъ, что кушбиги есть полный хозяинъ въ кремлѣ, и выборъ престолонаслѣдника присутствовавшие предоставили ему потому, что боялись за свои головы: »Высочайшая воля — продолжалъ Кушбиги — заключается въ томъ, чтобы всѣ присутствующіе выразили желаніе это на письмѣ,

и письмо, скрѣпивъ печатами своими, отправили къ Миръ-Насруллаху, а сами, на случай могущихъ послѣдовать событий, оставались здѣсь въ кремлѣ. Видя что не повиноваться нѣтъ средствъ, всѣ присутствовавшія власти изъявили согласіе, и напшали требовавшееся отъ нихъ посланіе. Въ десять часовъ, врученное чиновникамъ по имени Алукъ-бику и Шерифу, оно было уже на дорогѣ въ Карши, а Кушбиги, приставивъ караулъ къ воротамъ кремля, приказалъ чтобы до прибытія Насруллаха никого ни изъ кремля, ни въ кремль не пускали.

II. ПРИКЛЮЧЕНІЯ МИРЪ-ХУСЕЙНЪ-ТЮРИ.

Въ то время, какъ Миръ-Хайдеръ, смѣнивъ Миръ-Хусейнъ-Тюрю съ градоначальства въ Самаркандѣ, привезъ его въ Бухару, взявъ онъ также съ собою и всѣхъ состоявшихъ при немъ чиновниковъ и служителей. Такимъ образомъ при особѣ Миръ-Хусейна въ Бухарѣ находилось всего отъ 20 до 30 гуламовъ и отъ 10 до 12 слугъ (46), на которыхъ могъ онъ вполне положиться. Въ часъ, одинъ изъ махремовъ Миръ-Хайдера далъ знать тайно въ домъ, гдѣ жилъ Миръ-Хусейнъ, что «нечего сидѣть сложа руки: Миръ-Хайдеръ умеръ, а Кушбиги и всѣ сановники отправили къ Насруллаху приглашеніе прибыть на Ханство; рано утромъ онъ пріѣдетъ и лишитъ васъ жизни». Получивъ это извѣстіе, Миръ-Хусейнъ-Тюря не придумалъ въ-торопяхъ ничего лучше, какъ бѣжать изъ Бухары, и тотчасъ же велѣлъ осѣдлатъ 10-15 лошадей; но когда лошади были готовы, вышла изъ женской половины дома мать Миръ-Хусейна, и съ плачемъ стала уговаривать его

оставить это намѣреніе: »съ десятыю, съ пятнадцатыю чело-
вѣками ты никуда не можешь бѣжать безопасно: на дорогѣ,
или гдѣ-бы ты ни остановился, тебя схватятъ и убьютъ. Съ
надеждой на Бога, создателя 18,000 міровъ, отправляйся къ
воротамъ кремля: если тамъ положишь голову, такъ по-край-
ней-мѣрѣ со славою, и память о себѣ оставишь«. Совѣтъ
матери показался Мирь-Хусейну разумнымъ; онъ простился
съ матерью и приказалъ гуламамъ чтобы они скакали во
всѣ стороны съ крикомъ: »эй, вы, правовѣрные, валите къ
Мирь-Хусейнъ-Тюрѣ, Мирь-Хайдеръ померъ, а Тюря идетъ
въ кремль«. Мирь-Хусейнъ зналъ что жители Бухары ис-
кренно ему преданы. И точно: въ полчаса собралось около
20-30 тысячъ народу. Мирь-Хусейнъ съ десятыю конными
прислужниками своими, а народъ пѣшкомъ, бросились мы (47)
къ кремлю. Увидя это, въ кремлѣ заперли ворота. Какъ за-
перли ворота, толпы народа, сопровождавшія Мирь-Хусейна,
отхлынули во всѣ стороны: имъ показалось, что Кушбиги
высладъ изъ кремля людей, которые схватили и увлекли туда
Мирь-Хусейна. А какъ разсыпался народъ, Мирь-Хусейнъ
остался у воротъ кремля всего съ десяткомъ всадниковъ. По-
раженные изумленіемъ, мы не знали что предпринять, какъ
вдругъ являются къ намъ два извѣстныхъ по всей Бухарѣ
юродивыхъ (48), и говорятъ Тюрѣ: »слѣзайте всѣ съ коней,
ступайте прямо къ воротамъ, мы разобьемъ ихъ топорами«. Мирь-Хусейнъ и всѣ мы, спѣшившись, бросились къ воро-
тамъ, а люди Кушбиги стали кричать намъ съ воротъ: »Мирь-
Хайдеръ Его Величество здравствуетъ, слава Богу: зачѣмъ
пришли? Убирайтесь назадъ, нето никого изъ васъ въ жи-

выхъ не оставимъ». Но мы, не слушая этихъ рѣчей, подошли подъ самыя ворота. Тогда посыпались сверху камни: по четыре, по пяти штукъ попало въ каждого, всѣ были окровавлены. Былъ и изъ ружья сдѣланъ выстрѣлъ: одного изъ нашихъ свалилъ на смерть. Юродивые, несмотря на то, бросились рубить ворота; съ трехъ—четырехъ ударовъ, ворота, при всей толщинѣ ихъ, были разбиты. Миръ-Хусейнъ между-тѣмъ совершенно растерялся и обезсилѣлъ; два гулама подняли его на плечи и внесли внутрь кремля. Здѣсь находилось двѣ-три тысячи солдатъ и дворцовой челяди, двѣсти-триста военачальниковъ и гражданскихъ чиновниковъ: все это попряталось, разсуждая что если вытти въ числѣ пятнадцати человекъ, то не сдобровать имъ отъ Миръ-Хусейна (48 bis). На крышахъ домовъ и медресѣ стояло 40—50 тысячъ народу, глаза на происходившее. Короче сказать Миръ-Хусейнъ, вступя въ кремль всего съ десятью человекъ, донесенъ былъ ими до мигманъ-ханѣ (49), построеннаго Рахимъ-Ханомъ. Тутъ, съ шумомъ и крикомъ, ввалили въ кремль толпы народа, и окружили Миръ-Хусейна, а военачальники, высыпавшіе со всѣхъ сторонъ, бросились ему въ ноги, цѣлуя ихъ. »Приведите сюда дѣдушку (50) Хакимъ-Кушбигія«,—сказалъ имъ Миръ-Хусейнъ,—»я отпускаю ему вину его«. Тотчасъ же привели Кушбиги, плачущаго. Миръ-Хусейнъ милостиво обошелся съ нимъ, и, ободряя трепещущаго, поклялся что голова его будетъ цѣла. Раздался возбѣгающій радость бой барабановъ; съ закатомъ солнца зажглось множество факеловъ и свѣчей. Призвали секретарей, писарей, во всѣ города написали радостный о воцареніи гра-

маты; написали также и къ Мирь-Насруллаху. Къ полуночи грамоты были готовы; каждую вручили особому махрему, и разослали ихъ куда слѣдовало. Съ разсвѣтомъ, надъ тѣломъ Мирь-Хайдера прочитали молитву за упокой души, и предали его погребенію.

Алукъ-Бикъ и Шерифъ, которымъ вручена была соборная грамота государственныхъ чиновъ къ Мирь-Насруллаху, послѣшая по назначенію, прибыли между-тѣмъ въ Карши въ десятомъ часу ночи. Прочитавъ грамоту, Мирь-Насруллахъ приказалъ глашатаямъ своимъ чтобы объявили походъ, и съ двумя-тремястами человекъ, которые изготовились, тотчасъ же пустился въ дорогу. Торопясь, ни съ кѣмъ слова не молвя, прибылъ онъ къ разсвѣту въ Ходжа-Мубарекъ, урочище отстоящее на семь фарсаховъ отъ Карши (51). Здѣсь, примѣтивъ что его сопровождаютъ весьма немногіе, прочіе же отстали на дорогѣ, прибылъ до восхода солнца. Какъ собралось около него человекъ съ тысячю, опять пустился въ путь. Утромъ еще (52), доѣхавъ до водоема Ашикъ, въ пяти фарсахахъ отъ Бухары, остановился снова, въ ожиданіи отставшихъ спутниковъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ вступить въ Бухару; но тутъ прибылъ къ нему махремъ посланный съ грамотою Мирь-Хусейна. Какъ раскрылъ Насруллахъ письмо, да прочелъ, такъ и обомлѣлъ; но бывшіе съ нимъ сановники принялись ободрять его, посадили на коня, и вмѣстѣ съ нимъ вернулись въ Карши. Тотчасъ, по прибытіи туда, Насруллахъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Шегрисебъ со всѣмъ багажомъ (53). Мирь-Хусейнъ, услышавъ объ этомъ, послалъ къ нему письмо, уговаривая не бояться и не искать

безопасности въ бѣгствѣ: «достанетъ-де на всѣхъ насъ Бухарскаго Ханства». Успокоившись и обрадовавшись, Мирь-Насруллахъ отправилъ изъ Карши богатые дары (54). Доставлены были также богатые дары изъ Керминэ отъ Омарь-Ханъ-Тюри. Прочіе-же братья Мирь-Хусейна: Зубейрэ-Ханъ, Гамзэ-Ханъ и Сефедеръ-Ханъ, оставшіеся въ Бухарѣ, находились при немъ неотлучно днемъ и ночью. Онъ ласкалъ ихъ какъ нельзя болѣе. Возсѣвъ на престолъ бухарскій, Мирь-Хусейнъ оказалъ безчисленныя милости, какъ народу, такъ и служилымъ людямъ, и около трехъ мѣсяцевъ властвовалъ наслаждаясь совершеннымъ здоровьемъ. Хакимъ-Кушбиги никакъ не могъ избавиться отъ опасенія что ранѣе или позже впадетъ въ немилость царскую, и продолжалъ желать престола Насруллаху; а какъ у Мукимъ-Бія былъ старшій братъ по имени Шерифъ-Бикъ, который всегда находился при особѣ Мирь-Хусейна, приготавлилъ и подавалъ ему лекарства, то Хакимъ и воспользовался этимъ, подкупилъ Шерифъ-Бика, давъ ему 2000 тиллъ (55), и наобѣщавъ, сверхъ того, всякой всячины, чтобы онъ отравилъ Мирь-Хусейна. Для этого Кушбиги далъ Шерифъ-Бику нѣсколько золотниковъ источеннаго въ порошокъ алмаза, съ наставленіемъ подсыпать его по-немногу въ подаваемыя Эмиру лекарства. Черезъ три мѣсяца, алмазь сталъ обнаруживать свое дѣйствіе, Мирь-Хусейнъ захворалъ и слегъ въ постель. Такъ-какъ хворость усиливалась со дня на день, онъ приказалъ сановникамъ написать къ Омарь-Хану чтобы тотъ прибылъ съ своими Керминейцами и остановился внѣ стѣнъ Бухары. «Отъ этой болѣзни — говорилъ — я не выздоровѣю: пусть, по смерти

моей, братъ Омаръ вступитъ въ городъ и царствуетъ; потому что если престолъ достанется Насруллаху, онъ будетъ злодѣйствовать надъ преданными мнѣ». Согласно съ приказаніемъ Миръ-Хусейна, письмо въ Керминѣ было послано. Омаръ-Ханъ явился, и съ войскомъ своимъ остановился за городомъ. Восемь дней простоялъ онъ такъ. Между-тѣмъ Миръ-Хусейну все становилось хуже; пролежавъ 18 дней тяжко больнымъ, онъ скончался. Тотъ же часъ Омаръ-Ханъ съ Керминейцами своими вступилъ въ кремль, и принялъ присягу въ вѣрности отъ народа и служилыхъ людей.

III. ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОМАРЪ-ХАНА.

Нѣсколько дней по воцареніи своемъ Омаръ-Ханъ оказывалъ народу и служилымъ людямъ разныя милости; но между-тѣмъ днемъ и ночью тянулъ вино и водку. Мало-помалу это стало извѣстно въ Бухарѣ, а тамъ слухи о нетрезвомъ поведеніи Эмира разошлись во все стороны; онъ-же изъ Бухары нигде не выѣзжалъ, и не изъявлялъ никакого желанія знать о томъ, что дѣлается за ея предѣлами. Свѣдавъ о безпечности Омаръ-Хана, Миръ-Насруллахъ отправился съ каршійскимъ войскомъ своимъ къ Самарканду. Правитель тамошній Мухамедъ-Сеферъ-Бій вышелъ къ нему на встрѣчу, и самъ ввелъ его въ Самаркандъ. Вѣсть объ этомъ пришла въ Бухару. Омаръ-Ханъ съ кошуномъ бухарскимъ и артиллеріею, выступивъ изъ Бухары, прибылъ въ Керминѣ. Тѣмъ временемъ Миръ-Насруллахъ, пробывъ въ Самаркандѣ четыре дня, двинулся къ Кеттѣ-Кургану. Правитель сего-по-

сѣдняго также вышелъ на встрѣчу къ нему, и предалъ крѣпость въ его руки. Когда узнали объ этомъ въ Керминѣ, — между Керминѣ и Кеттѣ-Курганомъ всего восемь-девять фарсаховъ разстоянія, — Омарь-Ханъ, имѣвшій при себѣ до двадцати тысячъ войска, выслалъ противъ Насруллаха тридцать военачальниковъ, троихъ братьевъ своихъ (Зубейръ-Хана, Гамзѣ-Хана, Сефедеръ-Хана) и четырнадцать тысячъ войска. На подорогѣ сошлись они съ Насруллахомъ, выступившимъ изъ Кеттѣ-Кургана, по пути къ Керминѣ. вмѣсто боя произошло то, что всѣ военачальники Омарь-Хана, а вмѣстѣ съ ними и три брата его, повѣсивъ себѣ на шею сабли свои, и сойдя съ коней, отправились въ такомъ видѣ къ Мирь-Насруллаху, и приложились устами къ рукѣ его. Въ полдень пришло извѣстіе въ Керминѣ что все войско высланное противу Насруллаха перешло на его сторону, и вмѣстѣ съ нимъ выступаетъ на Омарь-Хана. Суматоха сдѣлалась страшная: котлы съ готовившимся кушаньемъ пошли опрокидывать, шатры снимать какъ-попало, и Омарь-Ханъ, отправивъ артиллерию впередъ, самъ съ четырьмя-пятью тысячами находившагося при немъ войска (въ томъ числѣ и рабъ вашъ) направился съ поспѣшностію къ Бухарѣ; но, по причинѣ медленнаго движенія артиллеріи, въ десятомъ часу ночи едва добрались мы до древней крѣпости Аксачъ, въ трехъ фарсахахъ отъ Бухары. Здѣсь оказалось что изъ войска Омарь-Ханова осталось при немъ не болѣе шести-сотъ человекъ: прочіе обратились вспять, чтобы присоединиться къ Мирь-Насруллаху. Гонимый опасеніями, Омарь-Ханъ, едва давъ вздохнуть артиллерійскимъ лошадямъ, велѣлъ опять запрягать ихъ

и погнать къ Бухарѣ. Рабъ вашъ былъ неразлученъ съ десяти—двѣнадцатью человѣками пріятелей изъ знатной молодежи; коши наши ставились всегда рядомъ. Въ Аксачѣ, посовѣтовавшись, эта молодежь, по примѣру другихъ, тоже рѣшила передаться Миръ—Насруллаху. Я не хотѣлъ отстать отъ нихъ, и вотъ, въ полночь, направились мы изъ Аксача обратно, къ восходу солнца добрались до Хамъ—Робата (56), отдохнули тамъ немного, и, поспѣвая далѣе, не успѣли утромъ пріѣхать въ урочище Маликъ (57), какъ уже показался и Миръ—Насруллахъ съ своимъ войскомъ. Мы сошли съ коней, привѣтствовали его, были допущены къ рукѣ. Проѣхавши съ чакрымъ, онъ изволилъ обратиться съ вопросомъ о здоровьѣ Омаръ—Хана, и обошелся весьма ласково. Мы опять сѣли на коней. Къ послѣ-полуденному намазу прибывъ въ Хамъ—Робатъ, изволили тамъ остановиться и разбить палатки. Съ дороги въ Бухару все продолжали являться кучки солдатъ по десяти, по двѣнадцати человѣкъ, привѣтствовали Эмира, и присоединялись къ его рати. На зарѣ выступили въ дальнѣйшій путь къ Бухарѣ, и прибывъ утромъ къ урочищу Вагази (58), дѣлали здѣсь привалъ, а при закатѣ солнца остановились на урочищѣ Гурбунъ, въ одномъ фарсахѣ отъ Бухары. На-зарѣ поднялись опять, и утромъ расположились въ Базарча, въ четырехъ чакрымахъ отъ Бухары (59). Омаръ—Ханъ велѣлъ завалить всѣ городскія ворота, кромѣ однѣхъ, обращенныхъ въ ту сторону, съ которой сталъ лагеремъ Миръ—Насруллахъ: изъ этихъ воротъ выѣзжали ежедневно тысячь пять—шесть человѣкъ, и послѣ нѣсколькихъ легкихъ сшибокъ съ осаждающими, убирались опять въ го-

родь. Черезъ десять дней завалили и эти ворота. Изъ города производили ежедневно по войску Мирь-Насруллаха отъ двухъ-сотъ до трехъ-сотъ пушечныхъ выстрѣловъ. Войско начало терять духъ; около 40 дней стояли обложивъ городъ и ничего не предпринимая, а тамъ оказался недостатокъ въ провіантѣ, пошли дожди; стало приходиться плохо, а тутъ еще и слухи что Самаркандъ, Кеттѣ-Курганъ и весь Мянкаль опять перешли на сторону Омарь-Хана; человекъ съ тысячю Наймановъ изъ Кеттѣ-Кургана, прибывъ темною ночью съ цѣлью служить Омарь-Хану, успѣли пробраться внутрь города. Сталь безпокоиться Мирь-Насруллахъ; лазутчикъ его однакожь ежедневно проникалъ въ городъ съ записками къ Хакимъ-Кушбигію, и возвращался съ отвѣтами отъ него. Одинъ, безъ соучастниковъ, Кушбиги не могъ помочь ему взять городъ, потому что полное распоряженіе обороною Омарь-Ханъ предоставилъ дадхагамъ по имени Эязъ-Бію и Реджебъ-Бику. Наконецъ Кушбигію, разными кознями и хитростями, удалось склонить на свою сторону какъ того, такъ и другаго, и Мирь-Насруллахъ получилъ отъ него увѣдомленіе чтобы на третью ночь приходиться къ воротамъ: городъ будетъ сдать. Въ условленную ночь подошли къ воротамъ со всѣмъ войскомъ, оказалось однакоже что города по чему-то не могли сдать, и надо было опять убираться въ лагерь. Войско наше готово было разбѣжаться, какъ Кушбиги опять даль знать, чтобы ночью слѣдующаго дня, во вторникъ, Эмиръ подошелъ къ воротамъ: отонремъ ихъ. Ворота эти, съ артиллерією при нихъ, находились въ завѣдываніи Эязъ-Бія. Кушбиги условился съ нимъ чтобы въ полночь дула орудій об-

ратить на городъ, а тамъ откапывать заваль у воротъ. Такъ и сдѣлали. Между-тѣмъ войско Насруллаха подступило къ воротамъ и на-зарѣ вошло черезъ нихъ въ городъ; вслѣдъ затѣмъ и самъ Эмиръ, вступивъ въ городъ, поднялся на площадку надъ воротами, и, сѣвши здѣсь, приказалъ солдатамъ чтобы они кого ни встрѣтятъ изъ воиновъ Омаръ-Хана, убивали, а домъ ихъ грабили: »солдаты бухарскіе разсѣялись теперь по всему городу, по одиначкѣ, по двое: которые будутъ просить помилованія, приводите тѣхъ сюда, и по данному знаку рѣжьте ихъ«. Не болѣе получаса просидѣлъ Миръ-Насруллахъ надъ воротами, а между-тѣмъ въ это время перерѣзано было подъ его глазами четыре-пять тысячъ человѣкъ. Затѣмъ началось убійство по улицамъ города: говорить что отъ семи до осьми тысячъ жителей лишены были жизни въ этотъ день. Хакимъ-Кушбиги и Эязъ-Бій явились на поклонъ къ Эмиру пока еще онъ надъ воротами сидѣлъ. Затѣмъ, посадивъ Эмира на коня, вмѣстѣ съ нимъ отправились въ кремль.

Омаръ-Ханъ, узнавъ о вступленіи Миръ-Насруллаха въ городъ, скрылся изъ дворца въ домъ матери младшаго брата своего по имени Ханъ-Падшахъ. — Лѣтъ двадцать тому пріѣзжалъ въ Оренбургъ, и, пробивъ здѣсь годъ, отправился въ Ургенчъ къ Ишанъ-Накибъ, родственникъ (60) Миръ-Насруллаха. При Миръ-Хайдерѣ этотъ Ишанъ-Накибъ лѣтъ 15 — 20 занималъ въ Мянкалѣ должность правителя Пенджшембѣ (61). Народъ и служилые люди всѣ его любили, но Омаръ-Ханъ почему-то не благоволилъ къ нему: Ишанъ-Накибъ и отѣхалъ въ Карши къ Насруллаху; по его указанію

Насруллахъ и на Самаркандъ пошелъ, его совѣтамъ обязанъ былъ и дальнѣйшими своими успѣхами, наконецъ и при осадѣ Бухары (осада продолжалась всего 54 дня (62) распорядительность его не оставалась безъ дѣла. Когда, на-зарѣ войска Эмира ворвались въ городъ, Накибъ со своими людьми кинулся прямо въ кремль. Здѣсь Ханъ-Падшахъ стала умолять его чтобъ онъ избавилъ Омаръ-Хана отъ смерти, выпросивъ жизнь его у Эмира въ подарокъ себѣ. Съ этою просьбою и обратился Накибъ къ Эмиру, когда тотъ вѣзжалъ въ кремль: «подарите мнѣ — говорить — Омаръ-Хана». — «Дарю вамъ» — отвѣчалъ Эмиръ, и отправился во дворецъ. Выведа Омаръ-Хана изъ кремля, Накибъ помѣстилъ его въ собственномъ домѣ, и черезъ два дня приговорилъ двухъ-трехъ Туркменовъ чтобы отвезли его въ Мервъ, а отсюда-бы другіе Туркмены доставили его въ Гератъ (63).

Воцарившись, Миръ-Насруллахъ ежедневно, въ-теченіе цѣлаго мѣсяца, предавалъ смерти отъ 50 до 100 человекъ. Вслѣдствіе этого многіе бѣжали въ Шегрисебъ и Ургенчъ. Рабъ вашъ, несмотря на то, что вмѣстѣ съ Эмиромъ вступилъ въ Бухару, тоже считъ за лучшее искать безопаснѣйшаго убѣжища, и уѣхалъ въ Шегрисебъ. Много бѣглецовъ собралось сюда, и пробыли мы здѣсь около одиннадцати мѣсяцевъ. Во все это время правитель Шегрисебза Даніаль-Аталикъ оказывалъ намъ большое расположеніе. Омаръ-Ханъ, между-тѣмъ, пробывъ въ Гератѣ одинъ мѣсяцъ, и соединившись съ 15-ю человекъ приверженцевъ, которые послѣдовали туда за нимъ, распрощался съ правителемъ Герата, Камранъ-Шахомъ, и черезъ Андохъ, Мейменѣ, Балхъ,

прибыль въ Кундузъ (64), изъ Кундуза въ Каратегинъ (65), а отсюда пробрался черезъ горы въ Хокандъ, откуда написалъ въ Шегрисебъ чтобы всѣ находившіеся тамъ бѣглецы прибыли въ Хокандъ: «пусть всѣ вмѣстѣ будемъ горе мыкать». По полученіи этого письма, сбѣжавшіеся въ Шегрисебъ стали пробираться въ Хокандъ по пяти, по десяти человекъ. Рабъ вашъ также отправился туда черезъ Хисаръ и Каратегинъ. Правитель хокандскій Мухаммедъ-Али-Ханъ (66) принялъ весьма ласково, и Омаръ-Хана, и сошедшихся къ нему людей. Всѣ мы, человекъ сто или больше, жили вмѣстѣ при Омаръ-Ханѣ. По приказанію Мухаммедъ-Али, всѣ военачальники хокандскіе разъ въ недѣлю приходили къ нему на поклонъ. Расходы по содержанію окружавшихъ Омаръ-Хана Мухаммедъ-Али также принялъ на свой счетъ, и еженедѣльно присылалъ имъ халаты. Осенью, когда Мухаммедъ-Али-Ханъ отправлялся по обыкновенію на птичью охоту въ крѣпость Ярмазаръ (67), приглашалъ онъ туда и Омаръ-Хана съ его людьми, которыхъ тотъ и бралъ съ собою человекъ пятьдесятъ. Обычай Мухаммедъ-Али-Хана относительно этой ежегодной охоты былъ таковъ. Бралъ онъ съ собою, по списку, тысячъ шесть военачальниковъ, махремовъ и шагирдпшей (68). Ежедневно, на каждой станціи, гдѣ останавливались, служители разносили по каждому кошу (69), сообразно съ числомъ людей въ немъ, чай, сахаръ и все потребное. По прибытіи въ Ярмазаръ, — лежитъ онъ въ 17 фарсахахъ отъ Хоканда, — самъ Ханъ останавливался внутри крѣпости, а Омаръ-Ханъ и прочіе располагались въ окрестности. Птиць ловчихъ было у Хана болѣе тысячи. Съ сотнею изъ

нихъ охотился онъ самъ, остальныхъ раздавалъ спутникамъ. Всѣхъ этихъ птицъ вывозили ежедневно на озеро, и пускали на ловлю. Каждая ловчая птица была десять—пятнадцать штукъ дичи. Послѣ полудня, самъ Ханъ съ своего добычею удалялся съ мѣста охоты; прочіе съ набитою ими птицею располагались по берегу озера. Ханъ объѣзжалъ и осматривалъ. Затѣмъ всю добычу дня свозили къ нему на дворъ, и онъ разсылалъ въ каждый кошъ, смотря по числу людей въ немъ, отъ 5 до 10 штукъ убитой птицы. Въ особенномъ обиліи попадались здѣсь фазаны. Проохотившись 16 дней, возвращались въ Хокандъ, привозя съ собою телѣгъ двадцать соленой дичи. Эту дичь Ханъ разсылалъ въ подарокъ всѣмъ участвовавшимъ и неучаствовавшимъ въ охотѣ, штукъ по 50, по 100. — Пятнадцать мѣсяцевъ провелъ Омаръ-Ханъ въ Хокандѣ совершенно благополучно. Послѣ того, обнаружилась тамъ сильная язва (70). Заразившись, онъ слегъ. Это случилось въ пятницу. Мухаммедъ-Али-Ханъ послалъ къ нему всѣхъ врачей своихъ. Разныя лекарства пробовали, пользы однакоже не было, и въ субботу около полудня онъ скончался, завѣщавъ тѣло свое отправить для погребенія въ Бухару. Исполняя желаніе покойнаго, Мухаммедъ-Али-Ханъ отправилъ въ Бухару посла, и, вмѣстѣ съ нимъ, тѣло Омаръ-Хана въ закупоренномъ ящикѣ. Изъ находившихся при Омаръ-Ханѣ, одиннадцать человекъ изъявили желаніе сопутствовать покойному въ Бухару; прочихъ Мухаммедъ-Али-Ханъ принялъ на службу къ себѣ. Изъ означенныхъ одиннадцати человекъ, Его Величество Эмиръ четырехъ умертвилъ, остальные обѣжали и разбрелись по разнымъ сторонамъ. Тѣло Омаръ-

Хана похоронили на Мезарп-Шерифъ (71), около могилы пра-
дѣда его Даніяль-Аталька (72). У Омаръ-Хана родился въ
Хокандѣ сынокъ, который тоже умеръ въ двухъ-лѣтнемъ
возрастѣ.

IV. НѢЧТО О ТИРАНСТВѢ МИРЪ-НАСРУЛЛАХА.

Послѣ смерти Омаръ-Хана пришло извѣстіе въ Хокандъ,
что Его Величество Эмиръ тремъ братьямъ своимъ: Зобейрѣ-
Хану, Гамзѣ-Хану и Сефдеръ-Хану, далъ въ управленіе крѣ-
постцу Нерэ-Зумъ (73), на берегу рѣки Аму, и, вмѣстѣ съ
ними, отправили ихъ женъ, дѣтей и матерей, а чрезъ мѣ-
сяцъ послать туда нѣкоего Гази-Бика и миръ-шеба (74) бу-
харскаго, которые всѣхъ трехъ царевичей съ женами ихъ,
дѣтьми и матерями, отправили на тотъ свѣтъ, и похоронили
въ той же крѣпости (75). Въ теченіе шести-семи лѣтъ, всѣ
военные и гражданскіе чиновники оставшіеся еще на служ-
бѣ со времени Миръ-Хайдера, были отставлены и умерщ-
влены, а имущество ихъ взято на Эмира. Предки этихъ лю-
дей, болѣе двухъ-сотъ, трехъ-сотъ лѣтъ, были, изъ рода въ
родъ, постоянными слугами бухарскихъ государей. Теперь
жены и дѣти ихъ проводятъ жизнь въ нищетѣ. Нынѣшніе
военные и гражданскіе чиновники бухарскіе все люди без-
родные, низкаго происхожденія (76).

V. СКАЗАНІЕ О КАШГАРСКИХЪ ПРАВИТЕЛЯХЪ.

Когда Омаръ-Хана не было уже въ живыхъ, бѣжали
изъ Бухары и прибылъ въ Хокандъ Юсуфъ-Ходжа, пото-
мокъ Его Святѣйшества Махдумъ-Аъзема (77), гробница ко-

того находится въ одномъ фарсахъ отъ Самарканда. Скопчался Его Святѣйшество около четырехъ сотъ лѣтъ тому. При жизни своей, онъ посѣтилъ бѣольшую часть страны Кашгарской, Яркендской, Хотанской и Аккусской (78), и жители этой страны сдѣлались его послѣдователями. Черезъ нѣсколько лѣтъ они явились просить Его Святѣйшество чтобы онъ отпустилъ къ нимъ сына своего, и привезли его въ Кашгаръ (79). Тамъ у этого сына Его Святѣйшества родилось двое дѣтей: Хасанъ-Ходжа и Хусейнъ-Ходжа. Населяють-же тотъ край тоже два колѣна: Акъ-Таклышцы и Кара-Таклышцы. Акъ-Таклышцы сдѣлались духовными послѣдователями (80) Хасанъ-Ходжи, а Кара-Таклышцы — Хусейнъ-Ходжи; потомъ этихъ учителей своихъ они избрали себѣ въ правители: Хасанъ-Ходжа сталъ правительствовать въ Кашгарѣ, Яркендѣ и Хотанѣ, а Хусейнъ-Ходжа — въ Аксу и Или (81). Властвовали они лѣтъ пятнадцать-двадцать, и у каждаго родилось по нѣсколку сыновей. Спустя нѣкоторое время, Хусейнъ-Ходжа, для свиданія съ Хасанъ-Ходжею, прѣхалъ въ Кашгаръ. Случилось, по волѣ Божіей, такъ, что когда братья свидѣлись и передали другъ другу о радостяхъ своихъ и печаляхъ, Хусейнъ-Ходжа въ ту же ночь померъ. Когда стало это извѣстно и простымъ и знатымъ, Кара-Таклышцы вступили въ распрю съ Акъ-Таклышцами, и много народу погибло съ обѣихъ сторонъ: Кара-Таклышцы думали что Хасанъ-Ходжа убилъ брата съ цѣлюю властвовать одному. Кончилось тѣмъ, что управленіе всѣми семью городами дѣйствительно утвердилось за Хасанъ-Ходжею, и потомки его властвовали надъ ними лѣтъ двѣсти. Всѣ мѣста и должности раздавали

они исключительно Акъ-Таклынциамъ, Кара-Таклынци-же находились въ презрѣннѣи и уничиженнѣи, промышляя лишь земледѣлемъ и торговлею. Изъ зависти и ненависти, написали они тайно къ владѣтелю Китая чтобы тотъ прислалъ войско, которому и помогутъ они овладѣть всѣми семью городами (82). Въ то время, — будетъ этому около ста-двадцати лѣтъ, — властвовали надъ семью сказанными городами (83) братья по имени Ай-Ходжа и Гунъ-Ходжа. Китайцы вторглись въ страну съ сильнѣмъ войскомъ, и воевали около семи лѣтъ; наконецъ, доведенные до крайности, оба брата ходжи осаждены были въ Кашгарѣ. Видя что и этого города не въ силахъ отстоять, братья ходжи призвали старшаго изъ сыновей своихъ, и сказали ему: » намъ не миновать здѣсь гибели; тебя-же съ женою, дѣтьми, и со всею казною, которую мы столько лѣтъ собирали, выпроводимъ тайно изъ города. Отправляйтесь на Бедакшанъ (84) и Бухару. Можетъ-быть достигнете благополучно, и племя наше со смертію нашею не пресѣчется«. Коротко сказать, дали имъ въ прикрытіе пятьсотъ хребцовъ, выпустили изъ городъ, и отправили. Черезъ нѣсколько дней Китайцы взяли Кашгаръ, и всѣхъ ходжей умертвили. Что-же касается до путниковъ нашихъ, они благополучно прибыли въ Бедакшанъ, и правитель онаго, по имени Султанъ-Шахъ, оказывалъ имъ гостепріимство въ продолженіе нѣкотораго времени; но сановники Султанъ-Шаха доложили ему что Ходжа везетъ съ собою большую казну: »зачѣмъ допускать, чтобы казна эта даромъ ушла изъ вашихъ рукъ?« Соблазняемый внушеніями лукаваго, Султанъ-Шахъ спросилъ: »при Ходжѣ пятьсотъ хребцовъ; какъ-

же достигнуть намъ цѣли? На это старѣйшіе изъ сановниковъ отвѣчали: » по дорогѣ въ Бухару есть тѣснина съ узкимъ отверстіемъ; пошлемъ туда военачальниковъ; пусть они обѣ стороны ея займутъ стрѣлками, которые перебыютъ проѣзжающихъ изъ ружей«. Черезъ нѣсколько дней, Ходжа распрощался съ Султанъ-Шахомъ, и попросилъ вожака. Вожакъ, привелъ ихъ въ указанное мѣсто, бѣжалъ обратно. Изъ бѣгства вожака стало ясно что устроены козни, да нельзя уже было избѣжать засады. Ходжа имѣлъ сына двухъ лѣтъ. Этого ребенка, чтобы онъ могъ сохраниться въ безопасности, и не погибло племя ходжей, съ однимъ только человѣкомъ, но обильно снабдивъ пищею, скрыли въ боковомъ ущельѣ тѣсины. Затѣмъ вступили въ бой съ Бедахшанцами, и были всѣ, мужчины и женщины, перебиты. Много казны досталось во власть Султанъ-Шаху; но онъ, не довольствуясь этимъ, отправилъ къ Китайцамъ посла съ грамотою: »мы-де неприятелей вашихъ переловили, перебили«. За это китайскій государь насладъ ему множество даровъ, и приказъ отдалъ чтобы впредь по всему Семиградыю Бедахшанцамъ почетъ оказывали, не брали пошлинъ съ ихъ торговцевъ, съ женъ и дѣтей не взымали никакихъ поборовъ и податей. Еще и донынѣ Бедахшанцы пользуются въ томъ Семиградѣ почетомъ и уваженіемъ. Мальчикъ-же двухлѣтній, съ человѣкомъ къ нему приставленнымъ, черезъ нѣсколько времени послѣ того какъ все успокоилось, пробираясь горами, прибыли въ Уратюнѣ (85). Правитель Уратюнѣ, узнавъ о происхожденіи ребенка, воспиталъ его, выростилъ и отправилъ въ Бухару. Бухарскій владѣтель тоже повилъ его, кормилъ и держалъ въ по-

четь (86). Вышепомянутый Мухаммедь-Юсуфъ-Ходжа приходился внукомъ этому ходжѣ. Юсуфъ-Ходжа съ дѣтства своего находился при Мирь-Хусейнѣ, и Мирь-Хусейнъ постоянно жаловалъ его и одарялъ. По прибытіи въ Хокандѣ, Юсуфъ-Ходжа принять былъ Мухаммедь-Али-Ханомъ съ великою почестью, и когда объявилъ что намѣренъ требовать у Китайцевъ возвращенія страны принадлежавшей его предкамъ, Мухаммедь-Али-Ханъ далъ ему двадцать тысячъ войска. Въ Хокандѣ проживало тогда отъ десяти до двѣнадцати тысячъ Кашгарцевъ. Всѣ они, прийдя къ Ходжѣ, присоединились къ нему. Рабъ вашъ тоже отправился съ ними въ Кашгаръ, какъ потому что былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Юсуфъ-Ходжею, такъ и изъ любопытства. Чрезъ 15 дней пути прибыли къ первой китайской караульнѣ. Китайцевъ было тутъ до 200 человекъ. Послѣ трехъ-четырехъ часоваго боя, они были взяты и преданы смерти. Тутъ мы почевали. Впереди, въ двухъ фарсахъ пути, есть другая караульня, сказали намъ. Тотчасъ отправлено было туда нѣсколько лазутчиковъ за вѣстями. Въ полночь они возвратились, и рассказали что анбалъ (87) выслалъ изъ Кашгара 13,000 китайскаго войска, чтобы оно, занявъ караульню, преградило Хокандцамъ путь къ Кашгару. Караульня эта была расположена на самой дорогѣ, между двухъ горъ, и гарнизонъ ея состоялъ изъ 500 Китайцевъ. Тою же полночью, какъ получено было означенное извѣстіе, Юсуфъ-Ходжа, сообщивъ его своему войску, приказалъ садиться на коней; пользуясь темнотою ночи, караульню обошли съ одной стороны, и заняли дорогу выше ея. Когда занялась заря, мы увидѣли что 13,000

Китайцевъ стоять передъ нами. Они тоже, увидавъ что дорога къ караульнѣ уже занята, и пройти въ нее они не могутъ, раздѣлились и стали подыматься двумя отрядами на двѣ высокія горы, съ обѣихъ сторонъ окаймлявшія дорогу; занявши скаты этихъ горъ, открыли они по насъ ружейный огонь. Это продолжалось до полудня; убитыхъ было довольно съ обѣихъ сторонъ. Надъ горами, которыя заняли Китайцы, подымались другія, еще выше. Юсуфъ-Ходжа распорядился чтобы на горы эти вообразась сотня его стрѣлковъ (88). Хотя и съ большимъ трудомъ, это было исполнено. Китайцы очутились такимъ образомъ между двухъ огней; стрѣлки стали бить ихъ изъ ружей сверху, остальное хокандское войско — снизу. Когда три-четыре тысячи пало подъ нашими выстрѣлами, и увидѣли они что избѣгнуть смерти нѣтъ имъ никакого средства, стали они сами убивать другъ друга. По закону этихъ безвѣрныхъ такъ и слѣдуетъ поступать (89). Къ закату солнца, нѣкоторые изъ Китайцевъ, сами себѣ распоровъ брюхо ножемъ, стали кидаться съ горы внизъ головою; другіе кляли себѣ въ пазуху мѣшочикъ съ порохомъ, и, зажигая его, тоже летѣли съ горы вверхъ-ногами. Увидѣвъ такую странность, все войско хокандское придвинулось къ подошвѣ горъ: смотрѣли мы и дивились. Изъ бросавшихся такимъ образомъ, одни скатывались къ подошвѣ горы полуживые, другіе совсѣмъ мертвые, иные въ дребезги разбитые. Всѣ Китайцы погибли окончательно, за исключеніемъ сорока-пятидесяти Калмыковъ, которые, болтая что-то, побросали свое оружіе, и сами пришли къ Ходжѣ. Эти оставлены были въ живыхъ. За пазухой у каждаго мер-

твого китайца солдаты наши находили и брали себѣ по ямбѣ или полуямбѣ (90); ружья-же, луки, копыя, сабли сносили къ Ходжѣ. Много добычи приобрѣло хокандское войско. Эту ночь мы провели тутъ же, на мѣстѣ сраженія. Тѣхъ Китайцевъ, что въ караулѣ сидѣли, оставили мы на произволь судьбы, разсуждая что когда Кашгаръ будетъ взятъ, они сами должны будутъ бросить оружіе, и сдаться. На слѣдующій день, съѣвъ на коней, направились къ Кашгару. До Кашгара отъ помянутой караульни девятнадцать фарсаховъ пути. На третій день ночью, Ходжа съ войскомъ своимъ остановился въ одномъ фарсахѣ отъ Кашгара. Не успѣли расположиться здѣсь, какъ жители Кашгара, мужчины и женщины, стали прибѣгать, крича: «Ходжа нашъ, учитель нашъ!» Къ полуночи собралось около Ходжи до сорока, до пятидесяти тысячъ Кашгарцевъ. Все что было въ Кашгарѣ чиновнаго и должностнаго люду изъ Кара-Таклинцевъ, всё это бѣжало и скрылось въ китайскомъ кульбагѣ (91), который находился въ разстояніи одного фарсаха отъ Кашгара. Раннимъ утромъ, Кашгарцы окруживъ Ходжу, ввели его, вмѣстѣ съ хокандскимъ войскомъ, въ городъ Кашгаръ. Военачальники изъ Кара-Таклинцевъ, не надѣясь ничего хорошаго отъ Ходжи, ушли, какъ сказано, въ кульбагъ къ Китайцамъ. За это, хокандскіе военачальники, захвативъ женъ ихъ и малолѣтнихъ дѣтей, подвергали ихъ истязаніямъ, и, отыскавъ много спрятаннаго имущества, забрали его и отослали къ Мухаммедъ-Али-Хану въ Хокандъ. У женъ и дѣтей нѣкоторыхъ изъ бѣжавшихъ чиновниковъ имѣлись золотыя украшенія съ драгоцѣнными камнями, стоимшія по 500 и по 1000 ямбъ:

эти украшения Хокандцы побрали себѣ. Изъ уваженія къ Мухаммедъ-Али-Хану, Юсуфъ-Ходжа ни слова не сказалъ хокандскимъ военачальникамъ. Вслѣдъ за вступленіемъ въ Кашгаръ, войско хокандское отправилось осаждать китайскій кульбагъ, но, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, лежало на боку. Самъ Мухаммедъ-Юсуфъ-Ходжа, съ кашгарскимъ войскомъ, состоявшимъ изъ Акъ-Таклынцева, двинулся между-тѣмъ на Яркендъ, взявъ этотъ городъ, и основать въ немъ свое мѣстопробываніе. Шестъ съ половиною мѣсяцевъ продолжалось его управленіе, какъ приходитъ въ Кашгаръ вѣсть что Китайцы, въ большихъ силахъ, прибыли въ Фейзъ-Абадъ, и что значительное же китайское войско пошло на Яркендъ. Отъ Фейзъ-Абада (92) до Кашгара всего 12 фарсаховъ пути. При первомъ слухѣ объ этомъ, хокандское войско, осаждавшее кульбагъ, слялось и пришло въ Кашгаръ, а въ Кашгарѣ стало собираться къ возвращенію въ Хокандъ, и выочить свой скарбъ. Видя это, Акъ-Таклынцы и свои пожитки стали тоже выочить, а тѣ, у которыхъ не было лошадей, присоединились къ хокандскому войску, съ дѣтьми и женами своими, пѣшкомъ. Полагали что изъ Кашгара вышло съ Хокандцами 50 — 60 тысячъ народу, мужчинъ и женщинъ. Опасаясь что Китайцы, пришедши, стануть убивать Акъ-Таклынцева, эти несчастные бѣжали большею частью нагіе, голодные; а какъ во время дороги наступила еще стужа, то ихъ померло на пути тысячь до десяти. Черезъ три дня по выступленіи изъ Кашгара, какъ пришли мы на мѣсто называемое Кяни-Кургашинъ (93), присоединился къ намъ и Мухаммедъ-Юсуфъ-Ходжа, тоже съ двумя-тремя тысячами

Акъ — Таклышцевъ, бѣжавшій изъ Яркенда. Подвигаясь отъ станціи до станціи, добрались мы наконецъ и до Хоканда; а вслѣдъ за нами пришла вѣсть, что Китайцы, вступивъ въ Яркендъ и Кашгаръ, предали смерти 80,000 Акъ — Таклышцевъ (94). Черезъ нѣсколько времени Мухаммедъ — Юсуфъ — Ходжа умеръ въ Хокандѣ. Сыновья его, со ста, двумястами человѣкъ и теперь бѣгають иногда изъ Хоканда, и вторгаются въ Кашгаръ; но Китайцы, являсь въ большомъ числѣ, опять принуждаютъ ихъ спасаться въ Хокандъ (95). Поколѣніе Акъ — Таклышцевъ питаеть искреннюю и сильную преданность къ этимъ ходжамъ: четыре — пять разъ подвергшись изъ — за нихъ гибели и разоренію, превосходящимъ всякую мѣру, оно, если сыновья Мухаммедъ — Юсуфъ — Ходжи подымутся снова, опять готово будетъ жертвовать за нихъ головою (96).

Писалъ я о томъ, что своими глазами видѣлъ. За ошибки, за ошибки соблаговолите простить: не довольно спокоенъ духомъ, чтобы писать красивымъ почеркомъ. Окончено въ мѣсяцъ ребіу — сани 1276 года гиджры, 1859 по христіанскому лѣтосчисленію (97).

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Кончина Шахъ-Мурада и воцареніе Миръ-Хайдера имѣли мѣсто въ 1801 году. Шахъ-Мурадъ первый изъ бухарскихъ владѣтелей принялъ титулъ эмира, желая придать правленію своему характеръ религіозный: эмиръ есть сокращеніе *Эмиръ-эль-Мумининъ*, «повелитель вѣрующихъ», титула который носили исключительно Халифы. Но когда именно принялъ онъ этотъ титулъ, неизвѣстно. Довольно-долгое время управлялъ онъ Ханствомъ довольно-статуясь титуломъ *наиба*, т. е. «замѣстника» ханскаго, и, точно, ханомъ бухарскимъ въ его время считался нѣкто Абуль-Гази; но Абуль-Гази носилъ только титулъ ханскій, дѣйствительная-же власть принадлежала исключительно Шахъ-Мураду. Въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ мною Запискамъ о Хивѣ Маіора Бланкеннагела (Вѣстникъ П. Р. Географическаго Общества на 1858 годѣ, книжка третья, стр. 112, примѣчаніе 27) я объяснилъ отношенія существовавшія въ Хивѣ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, между ханами ея по имени и дѣйствительными правителями Ханства. Точно такія же отношенія имѣли тогда же мѣсто и въ Ханствѣ Бухарскомъ. Съ кончины въ 1747 году Абуль-Фейзъ-Хана, владѣвшаго съ 1705 года, ханское въ Бухарѣ достоинство носили послѣдовательно сынъ его Абдуль-Муминъ, и потомъ Обейдуллахъ, управлялъ-же Ханствомъ, отъ имени ихъ, узбекскій военачальникъ Рахимъ-Бикъ, который принялъ титулъ хана лишь по смерти Обейдуллаха. Послѣ Рахимъ-Бика, дѣйствительное управленіе Ханствомъ перешло, съ титуломъ атаалыка, къ племяннику Рахимову Даніалу,

а титулъ ханскій предоставленъ (не позже 1764 года) помянутому уже Абуль-Гази. »По смерти Рахимъ-хана« — читаемъ у Мейендорфа — вступилъ на престолъ слабый Абуль-Гази, происхожденіемъ чингисидъ, но всю власть предоставилъ онъ первому министру своему, Даниль-Би аталыку, родомъ узбеку изъ покодѣнія Мангутъ, по смерти котораго власть перешла къ преемнику его Давлетъ-Кушбигію. Сынъ Даниля, Шахъ-Мурадъ, убилъ Давлета и занялъ его мѣсто; впоследствии онъ женился на вдовѣ Рахимъ-Хана, чтобы войти въ связь съ чингисовымъ родомъ, и продолжалъ пользоваться верховною властію до самой ковчигы Абуль-Гази, послѣдовавшей въ 1785—1786 году. Тогда онъ вступилъ на престолъ принявъ имя Массуми-Гази« (см. Сепковского Supplement à l'histoire des Huns etc. St. Pétersb. 1824. p. 120). Но Абуль-Гази умеръ не въ 1785—1786 годахъ, а гораздо позже. Въ 1795 году былъ въ Бухарѣ, посланный туда нашимъ правительствомъ, горный чиновникъ Т. С. Бурнашовъ, а при немъ Абуль-Гази еще здравствовалъ, но »не вступалъ уже ни въ какія дѣла, и, оставя тронъ, жилъ въ кругу своего семейства, въ одной деревнѣ близъ Бухары. Многие увѣряютъ, — продолжаетъ г. Бурнашовъ, — что онъ принужденъ былъ противъ воли удалиться въ сіе мѣсто, гдѣ приставленъ къ нему караулъ, которому строго приказано не выпущать хана никуда изъ замка, въ коемъ онъ заключенъ, а на содержаніе его опредѣлена небольшая денежная сумма« (Сибирскій Вѣстникъ на 1818 годъ, ч. II, стр. 58). Подтвержденіе извѣстію г. Бурнашова, что въ 1795 году Абуль-Гази Ханъ былъ еще живъ, извѣстію въ достовѣрности котораго В. В. Вельминовъ-Зерновъ заявилъ сомнѣніе (Bulletin de la classe des sciences historiques etc. de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Pétersbourg. Tome XVI, p. 187, note 17), находимъ въ фактѣ приводимомъ у Малькольма, что шахъ персидскій Ага-Мохаммедъ-Ханъ; еще позже того, именно въ 1796 году, намѣреваясь итти войною на Бухару, послалъ письмо къ Абуль-Гази-Хану, требуя отъ него

немедленной выдачи Персиян захваченных въ плѣнъ въ-продолженіе безпрестанныхъ вторженій въ Хорасанъ Шахъ-Мурада (The History of Persia, въ французскомъ переводѣ, vol. III, p. 418 — 419). По Иззетуллаху, Шахъ-Мурадъ, вступивъ въ управленіе Ханствомъ по смерти Даніаль-Би, два года только признавалъ надъ собою главенство Абуль-Гази-Хана, а потомъ потребовалъ чтобы онъ формально отказался отъ управленія (Magasin Asiatique, II, 184). По словамъ муллы Ахмедъ-Сазида, бывшаго въ Оренбургѣ въ 1825-хъ годахъ, Абуль-Гази-Ханъ приходился Абуль-Фейзъ-Хану двоюроднымъ племянникомъ. »Его — рассказывалъ мулла — хорошо кормили и одѣвали, но власти онъ ни какой не имѣлъ. Можно было ходить къ нему пить чай или съ поклономъ, но принести ему жалобу или просьбу подать о чемъ-либо ни кто не отваживался, зная что за это сильно-бы досталось отъ Шахъ-Мурада«. Мирза-Шемсъ, на разспросы мои объ Абуль-Гази, отвѣчалъ: »держали его съ семьей въ городкѣ Уафкентъ, не подалеку отъ Бухары, подъ карауломъ, и только по патницамъ, надѣвъ на него чалму, привозили въ Бухару, въ мечеть, а какъ служба въ мечети отходила, отвозили обратно«. — Иззетуллахъ называетъ Абуль-Гази-Хана потомкомъ Чингиса, сыномъ Ибрагимъ-Хана, который приходился племянникомъ Реджебъ-Мохаммедъ-Хану, происходившему отъ славнаго въ Бухаріи Абдуллахъ-Хана, и враждовавшему въ свое время съ Абуль-Фейзъ-Ханомъ (Magasin Asiatique, II, 184). Персидскій-же писатель, питаемый Малькольмомъ, Миръ-Юсуфъ-Али, рассказываетъ что Абуль-Гази-Ханъ былъ сынъ сейида или ходжи по имени Абдуль-Рахима, по прозванію *шах-бути*, »ветошника«, которое было дано ему ради того, что этотъ святой человекъ имѣлъ привычку собирать ветхую одежду, мыть ее, починивать и потомъ отдавать бѣднымъ или носить самъ. Къ этому Миръ-Юсуфъ-Али присовокупляетъ что младшій сынъ Абдуль-Рахима посаженъ былъ Рахимъ-Бикомъ въ правители побѣжденныхъ послѣднимъ хорезмскихъ поколѣній, но, тотчасъ же по

смерти Рахимъ-Бика, былъ подданными своими лишень жизни (Малькольмъ, I. с. III, 349). Съ именемъ Абуль-Гази-Хана извѣстны двѣ монеты, битыя въ Бухарѣ: одна въ 1199, другая — въ 1200 году гиджры (= 1784—1786 по Р. Х.). На монетахъ этихъ титулуется онъ сейидомъ и бегадиромъ, первымъ — вѣроятно по примѣру предшественниковъ своихъ изъ астраханской династіи, которые всѣ носили титулъ сейида, а вторымъ — неизвѣстно за какіе подвиги.

Вотъ почти все, что знаемъ доселѣ объ Абуль-Гази-Ханѣ, подъ именемъ котораго властвовала надъ Бухаріею Шахъ-Мурадъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Азіи въ прошломъ вѣкѣ, первый богословъ и знаменитѣйшій святоша своего времени. Самыя подробныя доселѣ свѣдѣнія объ этой личности заключаются въ »Исторіи Персіи« Малькольма (III, 334 и 349—376), пользовавшагося многими, неизданными доселѣ, любопытными персидскими мемуарами. Считаемо лишнимъ извлечь изъ этого источника преимущественно, слѣдующія біографическія данныя.

Шахъ-Мурадъ-Бекъ былъ старшій сынъ Даніаль-Аталыка. Наши, Ефремовъ и Буришовъ, называютъ его, сокращенно, Шахъ-Мурадъ-Бекъ. Ефремовъ, служившій въ войскахъ Даніаль-Аталыка, ходилъ подъ начальствомъ Шахъ-Мурада, въ половинѣ 1770-хъ годовъ, въ походъ на Мервъ, окончившійся бѣгствомъ Бухарцевъ. Вообще, по словамъ Миръ-Юсуфъ-Али, первая молодость Шахъ-Мурада прошла далеко не назидательно; благочестію и отшельничеству началъ предаваться онъ не ранѣе, какъ достигнувъ 23-лѣтняго возраста. Вскорѣ затѣмъ умеръ отецъ его Даніаль, объявивъ его своимъ преемникомъ; но Шахъ-Мурадъ надѣлъ дервишскую рясу, заперся въ одной изъ мечетей Бухары, и не хотѣлъ слышать ни о чемъ, что-бы мѣшало ему погружаться въ богомысліе. Онъ отказался даже отъ доли своей въ оставшихся послѣ отца богатствахъ: »никогда не соглашусь я — сказалъ онъ — освѣрнуть руки мои деньгами, пріобрѣтенными насиліемъ и несправед-

ливостями. И мало того, что отказался; одѣвшись въ рубище, повѣсивъ саблю на шею, отправился онъ въ такомъ видѣ по улицамъ Бухары, слезно умоляя жителей чтобы они простили преступленія и проступки покойнаго отца его, и предлагая въ искупленіе ихъ собственную жизнь. Между учеными и святошами Шахъ-Мурадъ успѣлъ уже приобрести себѣ уваженіе, какъ благочестіемъ, такъ ученостію и нѣсколькими отличными богословскими сочиненіями; но народъ еще не зналъ его, и теперь пришелъ въ удивленіе и умиленіе, вида въ такомъ знатномъ молодомъ человѣкѣ столько святости и самоуниженія. Послѣ этого, Шахъ-Мурадъ заключился въ главной мечети города, и цѣлый годъ провелъ въ молитвахъ и созерцаніи, не допуская до себя никого кромѣ нѣсколькихъ любимыхъ учениковъ: въ это именно время написалъ онъ замѣчательнѣйшее изъ своихъ сочиненій *Айль-эль-Хикметъ*, »Источникъ Мудрости«. Слава его какъ совершеннаго суфи росла и распространялась между-тѣмъ. Утомленный честолюбіемъ и распрями его братьевъ, народъ сталъ умолять его принять бразды правленія, но напрасно: поставленный созерцательною жизнью превыше всѣхъ примавокъ и обобщеній мірскихъ, восторженный суфи если снисходилъ до дѣятельности, то не иначе какъ религіозной: съ толпами народа, постоянно окружавшими его каждый разъ какъ выходилъ онъ изъ своего заключенія, Шахъ-Мурадъ отправлялся разорять игорные дома или убѣжища разврата, которыхъ, говорить, было въ Бухарѣ нѣсколько тысячъ. Между-тѣмъ беспорядки въ управленіи увеличивались со дня на день. Произошло волненіе, жертвою котораго сдѣлалось болѣе тысячи человѣкъ. Самъ ханъ Абуль-Гази и вся знать бухарская отправились въ мечеть къ Шахъ-Мураду, повели его оттуда на могилу отца, и здѣсь торжественно умоляли его принять на себя завѣдываніе дѣлами Ханства. Шахъ-Мурадъ, тронутый бѣдственнымъ положеніемъ соотечественниковъ, и неотступными просьбами, поддакъ, но еще не совсѣмъ: обѣщалъ принять участіе въ управленіи лишь совѣ-

тами и указа́нїями, и ограничивался этимъ въ-дѣйствительности, пока Нїазъ-Али, правитель Шегрисебзской Области, отложившейся еще въ правленіе Данїаль-Аталыка, не простеръ дерзости своей до вторженія въ самыя бухарскіе предѣлы. Тогда Шахъ-Мурадъ привалъ титулъ нзїба, пошелъ съ войскомъ на Нїазъ-Али, принудилъ его заплатить за дерзость частію прїобрѣтенныхъ имъ земель, и съ тѣхъ поръ сталъ править Ханствомъ самовластно, оставивъ за Абуль-Гази-Ханомъ, какъ видѣли мы выше, только одинъ титулъ ханскій.

Первымъ дѣломъ его было устроить отправленіе правосудія, вниманіе налоговъ и содержаніе войска въ точной сообразности съ религиозными постановленїями Пслама по симъ предметамъ. Затѣмъ и все остальное повелъ онъ порядкомъ, напомиавшимъ времена первыхъ халифовъ съ примѣсю суфизма, явилъ себя, однимъ словомъ, отшельникомъ на престолѣ. Весь блескъ придворной обстановки предшественниковъ его былъ уничтоженъ. Дворецъ обратился въ судебную палату, гдѣ предсѣдательствовалъ онъ съ сорока избранными законовѣдцами, оказывая всѣмъ и каждому самое нелицепріятное правосудіе. По уголовно-полицейской расправѣ предписанія Корана стали соблюдаться съ величайшею строгостію: разбойниковъ казнили смертью, ворами отрубали правую руку, пьяницъ сѣкли публично; воспрещено было куреніе табуку, и предписано всѣмъ классамъ народонаселенія точное исполненіе религиозныхъ обязанностей: нерадивыхъ полицейскимъ чиновникамъ разрѣшено было побуждать къ тому плетью. Изъ веселой, разгульной, распущенной, Бухара обратилась въ монастырь. Всѣ желавшіе послатить себя изученію религіи принимались въ медресѣ безъ малѣйшаго затрудненія, и получали пищу даромъ: говорятъ что въ одно время число студентовъ доходило въ Бухарѣ до 30,000. По части общественныхъ финансовъ, Шахъ-Мурадъ отиѣнилъ всѣ сборы, кромѣ пошлины съ иностранныхъ товаровъ, и оброка съ казенныхъ земель, но зато требовалъ неуклонной уплаты *джезіи*

(подати съ немусульманъ) и *закята* (религіознаго сбора съ маго-мстанъ), подчинивъ послѣднему даже солдатъ. Затѣмъ, значительнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ явился *хумсъ*, или пагачъ часть добычи взятой у непріятеля, такъ-что Шахъ-Мурадъ имѣлъ возможность назначить войску постоянное жалованье, котораго прежде оно не получало.

Собственною жизнью подавая примѣръ воздержности и умеренности, Шахъ-Мурадъ бралъ на содержаніе свое изъ государственной казны по одной тенгѣ (15 к. с.) въ день — не болѣе того, сколько выдавалось бѣднѣйшимъ изъ студентовъ. Женѣ своей, дочери Абуль-Фейзъ-Хана, давалъ онъ всего по три тенгѣ въ день, да и то упрекалъ ее нерѣдко, что много даетъ; та, впрочемъ, имѣла свое состояніе, и не нуждалась въ этомъ жалованьи; но когда она родила ему сына, Миръ-Хайдера, Шахъ-Мурадъ, съ радости что имѣеть наследника чингисовой крови, разщедрился, и назначилъ на содержаніе сына и матери по пяти тиллъ въ день (около 20 руб. сер.), а когда она произвела на свѣтъ еще двухъ другихъ сыновей, это содержаніе было удвоено. Въ этомъ и другихъ случаяхъ обнаруживалось что суфи былъ не прочь чтобы дѣти его пользовались тѣми удобствами и наслажденіями, которыя самъ онъ, внутренно, или только по-наружности, презиралъ. Семейство его и жило во дворцѣ; самъ-же онъ помѣщался въ одной голой комнаткѣ, куда входъ былъ открытъ всякому, во всякое время дня, носилъ одежду изъ самой грубой ткани, и, какъ истинный суфи, считалъ излишествомъ даже малѣйшую опрятность. Но не имѣлъ того что собственно называется Дворомъ, довольствуясь однимъ прислужникомъ и поваромъ, вѣчно-засаленный, Шахъ-Мурадъ дозволялъ сановникамъ Ханства жить роскошно и великолѣпно; эта противоположность ихъ блеска съ его простотою правилась даже грозному повелителю, рѣзко отличая его отъ всего окружавшаго.

Всѣмъ этимъ внушилъ онъ къ себѣ такое благоговѣйное ува-

женіе, и въ Узбекахъ, и въ Сартахъ, что народъ считалъ его за челоѣка вдохновеннаго свыше, чуть не за пророка, и повиновался безпрекословно и безропотно всякой его волѣ. Газаты — война противу невѣрныхъ — составляетъ одну изъ капитальныхъ заповѣдей Корана, и Шахъ-Мурадъ считалъ священною обязанностию строго исполнять эту заповѣдь, тѣмъ болѣе что она совпадала съ жадностію Узбековъ къ грабежу, и доставляемому добычею давала ему возможность содержать постоянно сильное войско, наводить страхъ на сосѣдей, и, слѣдовательно, ограждать спокойствіемъ собственныя владѣнія. За неимѣніемъ подъ рукою настоящихъ »невѣрныхъ«, которыхъ можно было-бы грабить съ удобствомъ, должность ихъ во мнѣніи православныхъ сунни, каковы Бухарцы, исправляютъ съ успѣхомъ поганые *рефавизы* »отщепенцы«, т. е. Персіяне; и какъ положеніе Восточной Персіи во время Шахъ-Мурада было самое жалкое и беззащитное, то онъ ежегодно почти предпринималъ грабительскія вторженія въ эту сторону, приврывая ихъ религіознымъ характеромъ газата. Первымъ военнымъ подвигомъ Шахъ-Мурада по вступленіи въ управленіе было, какъ мы уже видѣли, усмиреніе шегрисебзскаго владѣльца. Затѣмъ подчинилъ онъ себѣ владѣльца ходжендскаго и многія турменскія поколѣнія, и, послѣ нѣсколькихъ походовъ, покорилъ независимое дотолѣ Владѣніе Мервское, мужественный ханъ котораго Байрамъ-Али довольно-долго отстаивалъ свою независимость. По источникамъ, которыми пользовался Малькольмъ, Байрамъ-Али-Ханъ былъ убитъ въ сраженіи съ Узбеками на берегу Аму-Дарьи, послѣ чего сынъ его Мухаммедъ-Хусейнъ-Ханъ еще нѣсколько времени держался въ Мервѣ, пока не былъ принужденъ къ сдачѣ голодомъ, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Бухару, откуда впоследствии бѣжалъ въ Персію, гдѣ пользовался большою милостию Фетхъ-Али-Шаха. Можетъ быть дѣло такъ и было въ дѣйствительности, но Мирза-Шемъ увѣряетъ что ему навѣрное извѣстно, что не только Мухаммедъ-Хусейнъ, но и отецъ его, самъ Байрамъ-Али-

Ханъ, взявъ былъ въ плѣнъ при покореніи Мерва въ 1200 году гиджры (=1785—86 по Р. Х.), оба отвезены въ Бухару, и здѣсь Байрамъ-Али, по приказанію Шахъ-Мурада, кончилъ жизнь на висѣлицѣ, а сынъ его, черезъ нѣсколько лѣтъ, дѣйствительно спасся бѣгствомъ въ Шегрисебъ, а оттуда въ Персію. Это извѣстіе Мирза-Шемъ подтверждаетъ сочиненною въ Бухарѣ хронограммою событія: سرغلام برید بزیر دار نهاد »Отрубите молодую голову, и пусть она будетъ положена подъ висѣлицу. Чтобы видѣть числительное значеніе этого стиха, надо перевести его въ другомъ смыслѣ, который тоже въ немъ заключается, что и составляетъ достоинство хронограммы, именно такъ: *отсыщите юлову шуламу* (то-есть букву *س* или *غ*), *и приложите ее къ подножію висѣлицы* (то-есть слова *دار*, *даръ*, подножіе коего есть буква *ر* или *ر*); буква-же *غ* имѣетъ числительное значеніе 1000, а буква *ر* = 200, что и составляетъ вмѣстѣ 1200, годъ событія. *неhad* есть старинная форма повелительнаго отъ *نهادن*. — Покореніе Мерва открыло Шахъ-Мураду свободный входъ въ Хорасанъ, и несчастная страна эта, раздираемая междоусобіями мелкихъ владѣльцевъ, сдѣлалась поприщемъ востояннаго грабительства бухарскихъ Узбековъ. Ежегодно часть 60-тысячной арміи Шахъ-Мурада отправлялась туда, подъ личнымъ его предводительствомъ «для искорененія ереси и еретиковъ», грабила беззащитныя селенія, брала окупъ съ городовъ которыми не могла овладѣть, угрожая въ противномъ случаѣ истребленіемъ окрестныхъ жатвъ, и возвращалась домой обремененная добычею, гоня передъ собою стада захваченнаго скота, и толпы полоненнаго народа — мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Обыкновенно набѣги такого рода оканчивались успѣшно для Узбековъ, неудача-же прикрывалась какимъ-нибудь религіознымъ предлогомъ. Такъ, въ походъ подъ Мешгедъ, вида что трудно овладѣть этимъ городомъ, Шахъ-Мурадъ объявилъ, и жителямъ

его, и собственному войску, что Имамъ Риза (патронъ Мешгеда) явился ему во снѣ, и приказалъ пощадить этотъ священный городъ и ближайшія его окрестности. Въслѣдствіе этого, предмѣстія и ближайшія деревни онъ воспретилъ трогать, но зато разграбилъ безъ милосердія остальные округа, и всѣхъ жителей ихъ увезъ въ неволю. Рассказываютъ что въ войскахъ своихъ Шахъ-Мурадъ строго поддерживалъ дисциплину; но это значитъ только, что разбойничьи шайки его даже и въ походѣ исправно творили намазъ пять разъ въ сутки, и исполняли всѣ его приказанія: каждый отдѣлъ войска имѣлъ своего муллу.

Бурнашовъ, бывшій въ Бухарѣ, какъ выше сказано, въ 1795 году, рассказываетъ что въ началѣ этого года предпринять былъ Бухарцами, въ числѣ 15,000 человекъ, походъ на Персію. Войскомъ командовалъ 16-лѣтній сынъ Шахъ-Мурада. Четыре персидскихъ города взяты были приступомъ. Два изъ нихъ, согласившіеся принять суннитское исповѣданіе, которому слѣдуютъ Бухарцы, т. е. согласившіеся оставить расколъ, были пощажены; другіе-же два, которые оказали сильное сопротивленіе, съ причиненіемъ немалаго Бухарцамъ урона, и непріявшіе предложеннаго побѣдителями правовѣрія, были совершенно разорены, и всѣ оставшіеся жители взяты въ плѣнъ и распродавы въ Бухаріи (Сибирскій Вѣстникъ на 1818 годъ, часть III, стр. 105—107).

А вотъ что читаемъ о Шахъ-Мурадѣ у того же г. Бурнашева: »Дворецъ хавскій въ Бухарѣ занимаетъ Шамратъ-Бекъ съ нѣкоторыми чиновниками. При дворѣ его не было ни малѣйшей пышности. Онъ имѣлъ только двухъ супругъ, на содержаніе коихъ производилась весьма малая денежная сумма, и потому онъ долъны безпрестанно упражняться въ разныхъ рукодѣліяхъ, чему Шамратъ-Бекъ, въ свободное отъ государственныхъ занятій время, подавалъ и самъ примѣръ. Платье носилъ онъ простое, безъ всякихъ выаговъ отличія. Обыкновенная его пища состояла изъ хлѣба и воды. Народъ къ сему владѣльцу сохранялъ особенное уваженіе,

почитая его истиннымъ послѣдователемъ магометанскаго закона, и даже за святаго. Не менѣ искусенъ онъ былъ и въ дѣлахъ военныхъ, ибо во время правленія своего Бухарію имѣлъ войну съ Индією, Куканскимъ, Ходжанскимъ, Ташкентскимъ и Хивинскимъ владѣніями; изъ коихъ послѣднія четыре, будучи побѣждены, признали его своимъ протекторомъ, и обязались письменно въ потребныхъ случаяхъ дѣлать вспоможеніе, что однакоже худо исполнить». (Сибирскій Вѣстникъ на 1818 годъ, часть II, стр. 56—57)... »По окончаніи поста начинается у Бухарцевъ праздникъ — рассказываетъ тотъ же путешественникъ: — » въ то время жители ѣздятъ за городъ и забавляются тамъ конскимъ ристаніемъ, борьбою и тому подобнымъ: всѣ таковыя игры и увеселенія были однакоже при Шамратъ-Бекѣ совсѣмъ запрещены» (тамъ же, III, 86).

Разъ въ жизни Шахъ-Мурадъ вошелъ въ невыгодное для него столкновеніе — съ сильнымъ Тимуръ-Шахомъ афганскимъ, у котораго, пока тотъ воевалъ въ Индіи, пообобрагъ онъ мало-помалу почти всѣ владѣнія его на лѣвомъ берегу Аму; но ловкій суфи вышелъ сухъ и изъ этой бѣды. Тимуръ-Шахъ, чтобы наказать Шахъ-Мурада за его вторженія въ свои земли, перешелъ, весною 1789 года, черезъ Гинду-Кушъ, съ армією простиравшеюся, говорятъ, до 100,000 человекъ. Шахъ-Мурадъ собралъ всѣ войска, какія только могъ собрать, и переправился съ ними, на встрѣчу врагу, черезъ Аму. Около Акчѣ произошло нѣсколько нерѣшительныхъ стычекъ между обѣими сторонами, а между-тѣмъ афганская армія, стратегическими распоряженіями Шахъ-Мурада, лишена была подвоза съѣстныхъ припасовъ. Въ такомъ положеніи вещей, и зная что Тимуръ-Шахъ началъ войну неохотно и готовъ отступить отъ нея, лишь-бы это могло быть сдѣлано безъ ущерба его военной чести, Шахъ-Мурадъ открылъ мирные переговоры, и, предоставляя афганскому государю славу побѣдителя, просилъ его прекратить кровопролитіе ради общихъ имъ интере-

совъ Ислама. Тотъ согласился, и миръ былъ заключенъ, при чемъ Шахъ-Мурадъ, оказывая въ сношеніяхъ съ Тимуръ-Шахомъ совершеннѣйшее къ нему уваженіе и покорность, сумѣлъ, по условіямъ мирнаго договора, удержать за собою всѣ приобрѣтенія сдѣланныя на счетъ Афганцевъ. Между-тѣмъ наступила зима, большую часть своей артиллеріи Тимуръ-Шахъ принужденъ былъ оставить въ Балхѣ, а при переходѣ черезъ Гинду-Кушъ значительная часть его арміи погибла въ снѣгахъ отъ холода. Такииъ-образомъ гроза собравшаяся-было надъ Шахъ-Мурадомъ, благодаря умѣнью его вести дѣла и пользоваться обстоятельствами, разразилась безо всякаго для него вреда, прибавивъ къ военной его славѣ еще репутацію искуснѣйшаго дипломата (см. Эльфинстона An account of the kingdom of Cabul. London. 1839. II, 305-306). Изъ двухъ словцовъ, подаренныхъ Тимуръ-Шахомъ Шахъ-Мураду при заключеніи мира, одного и восемь аргамаковъ послѣдній отправилъ съ посломъ своимъ въ С. Петербургъ, къ Императрицѣ Екатеринѣ. Посолъ этотъ присутствовалъ, въ 1797 году, въ Москвѣ при коронаціи Императора Павла. Вслѣдствіе этого посольства, вѣроятно, Императрица Екатерина и послала въ Бухару, на построеніе медресѣ 40,000 руб. сер. Медресѣ это принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Бухарѣ, и, по имени лица, правившаго посольство, извѣстна подъ именемъ Медресѣи-Назаръ-Шъчи.

Подъ конецъ Шахъ-Мурадова владычества близко было уже другое опасное для него столкновеніе — съ персидскимъ шахомъ Ага-Мохаммедъ-Ханомъ; но и тутъ обстоятельства выручили его. Въ 1796 году, Ага-Мохаммедъ-Ханъ предпринялъ походъ въ Хорасанъ, взялъ Мешгедъ, и, собираясь вторгнуться въ бухарскія владѣнія, послалъ письмо къ Абуль-Гази-Хану, въ которомъ, называя Шахъ-Мурада узурпаторомъ, требовалъ возвращенія всѣхъ плѣнныхъ Персіанъ, захваченныхъ послѣднимъ въ-продолженіе набѣговъ его на Персію. На это письмо, адресованное къ Абуль-Гази-Хану, Шахъ-Мурадъ отвѣчалъ циркуляромъ къ хорасанскимъ вла-

дѣльцамъ въ такомъ тонѣ, что слышали-де мы, пожаловалъ къ вамъ господинъ свухъ: коли можете, возьмите его сами, а не можете, такъ мени позвоните; приду и помогу вамъ наказать его». Трудно сказать, кто-бы кого одолѣлъ, если-бы противники сошлись; но русская армія подъ начальствомъ графа Зубова вступила въ это время въ предѣлы Персіи, и, вмѣсто вторженія въ Бухарію, Ага-Мохаммедъ-Ханъ долженъ былъ послѣпить на защиту западныхъ областей своихъ.

Иззетуллахъ рассказываетъ о Шахъ-Мурадѣ что, принудивъ Абуль-Гази-Хана отказаться отъ управленія, онъ выхлопоталъ себѣ у константинопольскаго султана грамоту на званіе наместника государева, и принялъ титулъ Вели-Шеи; султанъ-же произвелъ его собственно только въ чинъ Курджи-Баши (Magasin Asiatique, II, 184).

Ниже (примѣч. 60) приведенъ будетъ рассказъ одного очевидца о Шахъ-Мурадѣ, весьма хорошо его характеризующій; теперь-же заключимъ извлеченія наши замѣткою Мирзы-Шемса что, отличаясь крайнимъ смиреніемъ, проводя на молитвѣ цѣлыя ночи, Шахъ-Мурадъ, хотя и правительствовалъ съ неограниченною властью, никогда однакоже не возлагалъ на себя царскаго вѣнца, и не допускалъ чтобы имя его поминалось въ хутбѣ или изображалось на монетахъ, на томъ основаніи, какъ говорилъ онъ, что «мы не царскаго рода, предки наши простые Узбеки». И дѣйствительно, всѣ доселѣ извѣстныя монеты изъ времени правленія Шахъ-Мурадова, битыя не отъ имени Абуль-Гази-Хана, чеканены Шахъ-Мурадомъ въ честь отца своего, Данііля. На нихъ изображено: *»Покойный Эмиръ-Даніиль, воитель несправедливыхъ«*, и на другой сторонѣ: *»Бита въ Бухарь въ такомъ-то году«*. Монеты эти принадлежатъ къ 1206, 1208 и 1213 годамъ гижры (= 1791-2, 1793-4 и 1798-9 по Р. Х.) См. статью В. В. Вельяминова-Зернова «Бухарскія и Хивинскія Монеты» въ «Запискахъ» Имп. Археологическаго Общества, т. XIII, стр. 418-419.

2. Миръ-Хайдеръ, какъ уже упомянуто выше, былъ старшій

сынъ Шахъ-Мурада отъ дочери Абуль-Фейзъ-Хана, бывшей замужемъ, въ первомъ бракѣ, за Рахимъ-Ханомъ; едва выйдя изъ отрочества онъ начальствовалъ уже войсками отца въ набѣгахъ на Персію, и потомъ посланъ былъ симъ-последнимъ правительствовать въ Карши.

3. *Карши* — самой большой городъ въ Ханствѣ послѣ Бухары, расположенный въ плодородномъ оазисѣ на караванномъ пути изъ Герата и Кабула въ Бухару и Самаркандъ. Здѣсь, по Борису, до 10,000 жителей, а по Мейендорфу — содержится постоянно гарнизонъ въ 2000—3000 человекъ. Наибольшія подробности о Карши сообщены Н. В. Ханьковымъ, посѣщавшимъ его въ 1842 году. См. его «Описаніе Бухарскаго Ханства». Спб. 1843. стр. 108—110.

4. Такъ перевозку я вездѣ выраженіе *سپاه و قفرا*, потому-что въ Бухаріи все народоваселеніе, за исключеніемъ сейидовъ и хождей, дѣлится на два класса: *сипаювъ*, подъ коими разумѣются не одни военные, а всѣ большіе и малые чиновники, все что такъ-или-иначе принадлежитъ къ правительству, словомъ «служилый людъ», и *фукара*, подъ коими разумѣются торговцы, ремесленники, земледѣльцы, невольники, словомъ «земщина» (см. Ханькова: Описаніе Бухарскаго Ханства, стр. 183).

5. Въ подлинникѣ *سرپا*, а *сарпаемъ*, по Мейендорфу, называется въ Бухарѣ un habillement complet, стало быть халатъ, чалма и проч. См. Voyage à Boukhara, p. 289. Халатъ собственно называется *جامه* джамѣ. Отъ персидскаго слова *сарпай*, или правильнѣе *sarapa*, происходитъ и русскій *сарфанъ*.

6. *Менге*, или иначе *батманъ*, равняется, безъ малаго, осьми пудамъ.

7. «Кремлемъ» перевозку я слово *ارک* *аркъ*, потому-что цитадели въ азіатскихъ городахъ, называемыя арками, суть тоже са-

ное, что кремни въ старыхъ русскихъ городахъ: Новѣгородѣ, Москвѣ, Тулѣ, Нижнемъ, и т. д. Такъ-какъ о кремлѣ бухарскомъ безпрестанно упоминается въ настоящихъ запискахъ, то вотъ нѣкоторые о немъ подробности, заимствуемыя у Мейендорфа (*Voyage d'Ogenbourg à Boukhara, fait en 1820. Paris, 1826. Pr. 164—165 и 179*). Аркъ построены въ Бухарѣ, почти по срединѣ города, на холму который называется Нумишкендъ; холмъ этотъ, высокій отъ природы, возвышенъ еще посредствомъ насыпи. Высота его отъ 35 до 40 туазовъ; окружность у подошвы отъ 400 до 500 шаговъ въ діаметрѣ; бокъ, хотя и не перпендикулярны, но весьма круты. Насыпь сдѣлана была при Саманидахъ. На поверхности этого холма, имѣющаго фигуру срѣзаннаго конуса, выстроены аркъ, одна изъ древнѣйшихъ построекъ въ Бухарѣ, возведенная, говорить, за десять столѣтій тому. Стѣны арка имѣютъ до 10 туазовъ высоты, и однѣ ворота. Ворота эти изъ кирпича, съ башнями въ 15 туазовъ по обѣимъ сторонамъ, и обращены на главную площадь города — Рикистанъ. Войдя въ ворота, подымаешься, большимъ корридормъ со сводами, на площадь арка. Здѣсь находятся построенныя изъ глины дворецъ хана и дворцовыя службы, мечеть, гаремъ окруженный садомъ и закрываемый деревьями, домъ гдѣ принимаетъ и работаетъ кушбиги, другой домъ гдѣ его квартира, наконецъ казармы для стражи, конюшни и пр. — Видъ арка со стороны гдѣ находятся ворота, приложенный къ Путешествію Мейендорфа, даетъ понятіе объ этой постройкѣ лучше всякаго описанія. Тотъ же видъ приложенъ и къ Описанію Бухарскаго Ханства, помѣщенному въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» на 1823 годъ.

8. Абуль-Фейзъ-Ханъ властвовалъ съ 1705 по 1747 годъ, когда былъ умерщвленъ военачальникомъ своимъ, прославившимся на службѣ въ войскахъ Надиръ-Шаха, Рахимъ-Бикомъ. Этотъ-же послѣдній, овладѣвъ верховною властію въ Ханствѣ, но, по простому происхожденію своему изъ Узбековъ мавгытскаго колѣна,

не имѣя права на престолъ, возвелъ на оный, «для порядка», сына Абуль-Фейзова, по имени Абуль-Мумина. При возшествіи своемъ на ханство, Абуль-Муминъ, рассказываетъ Иазетуллахъ, былъ ребенкомъ семи лѣтъ (по Эверсману, 8—12 лѣтъ). Рахимъ-Бикъ, по малолѣтству Хана, вступилъ въ управленіе ханствомъ съ титуломъ атаалыка, «дядьки», и потомъ женился на дочери Абуль-Фейзь-Хана. Черезъ шесть съ половиною лѣтъ, когда Абуль-Муминъ пришелъ въ возрастъ, многіе изъ приверженцевъ его рѣшились умертвить Рахимъ-Бика. На обѣдѣ у молодого государя, куда позванъ былъ Рахимъ-Бикъ, человекъ спрятанный въ комнатѣ сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ изъ ружья. Пуля пробила шапку Рахимъ-Бика, но самъ онъ остался невредимъ; сторонники его перерѣзали по этому случаю чиновниковъ государя, а черезъ шесть мѣсяцевъ Абуль-Муминъ-Хана бросили въ колодець, и утопили. Съ уничтоженіемъ такимъ образомъ прямого потомства Абуль-Фейзь-Хана, Рахимъ-Бикъ принялъ ханскій титулъ, и властвовалъ въ Бухарѣ два съ половиною года (*Magasin Asiatique* Клапрота. Paris. 1826. vol. II. p. 184). Эверсманъ также говоритъ что по убіеніи Абуль-Мумина, Рахимъ-Бикъ властвовалъ два съ половиною года, но что умерщвленіе Абуль-Мумина имѣло мѣсто всего чрезъ два-три мѣсяца послѣ того какъ онъ возведенъ былъ на престолъ, вслѣдствіе того будто-бы, что ребенокъ разрубилъ однажды саблею арбузь, и на вопросъ матери зачѣмъ это сдѣлалъ, отвѣчалъ что не арбузь онъ рубить, а голову Рахимъ-Бика (*Reise von Orenburg nach Bokhara*. Berlin. 1823. s. 79). Тотъ же анекдотъ, только иначе, рассказываетъ и Миръ-Юсуфъ-Али. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по возшествіи на престолъ, Абуль-Муминъ, упражняясь въ стрѣльбѣ, и пѣлся въ арбузь, въ которомъ находилъ сходство съ Рахимъ-Бикомъ, сказалъ будто-бы: «ну, теперь выстрѣлимъ въ голову ата-баба» (дядьки-батьки), какъ называлъ онъ Рахимъ-Бика. Послѣдній, вида въ этихъ словахъ намѣреніе мальчика отомстить за смерть отца, рѣшился отправить его на тотъ свѣтъ, такъ чтобы гибель ребенка

приписана была случаю: когда Абдуль-Муминъ стоялъ подлѣ колодца, одинъ изъ товарищей дѣтскихъ игръ его бросился на юнаго государя, и будто-бы нечаянно столкнулъ его вглубь. (Малькольма »Исторія Персіи« въ французск. переводѣ. Paris. 1821). III, 348). Выстрѣлъ въ Рахимъ-Бека, о которомъ говоритъ Изветуллахъ, Ефремовъ приписываетъ женѣ Рахимъ-Бека, дочери Абуль-Фейзъ-Хана (см. ниже примѣчаніе 15 bis). Такъ-или-иначе, во всякомъ случаѣ Абдуль-Муминъ не могъ занимать престола семь лѣтъ, какъ говоритъ Изветуллахъ, потому что въ 1752 году, когда грекъ Григорьевъ (любопытныя показанія котораго о Бухаріи и тамошнихъ событіяхъ напечатаны В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ приложеніяхъ къ первому тому его »Историческихъ извѣстій о Киргизъ-Кайсакахъ«. Уфа. 1853. Стр. 8 - 32) выѣхалъ изъ Бухары, тамъ престолъ ханскій занималъ уже Обейдуллахъ-Ханъ.

Обейдуллахъ этотъ, по Ефремову и Негри, былъ тоже сынъ Абуль-Фейзъ-Хана. Григорьевъ называетъ его сыномъ аральскаго Шахтемиръ-Хана, и такъ рассказываетъ дѣло: »Иптригами своими (Рахимъ-Бекъ) Бухарцевъ возбудилъ къ тому, что они Абулфеансъ Хана, безъ всякой причины, убили, а хата послѣ того ханомъ учредилъ было сына его Абулфеанса Абдулмамши, но, его же Рагимъ Бека возбужденіемъ, и оного убили; и какъ тутошное ханское поколѣніе кончилось, въ чемъ во всемъ онъ Рагимъ Бекъ простирался для того одного, что Бухарское Ханство самъ заступитъ жезалъ, въ которое, по усильству его (т. е. потому что силенъ былъ) Агаццами, вступаться было и сталъ; токмо отъ того отвращенъ братомъ его роднымъ, потому что какъ онъ не ханскаго рода, тобъ оное отъ тутошныхъ же благополучно окончатъ никакъ не могъ; чего ради онъ бекъ своею партіею въ ханы тулъ выбралъ уже посторонняго, и только для виду народу, бывшаго Аральскаго Шатемиръ Хана сына Байдуллу, которому и шибъ (въ 1752 году) не больше шестнадцати лѣтъ, и ни смыслу, ни силы

ни въ чемъ не имѣеть, да и содержать его онъ Рагимъ Бекъ въ своихъ рукахъ какъ когда хочетъ, и такъ всю Бухарию, болѣе нежели настоящій ханъ, властвуетъ самъ; чего ради, въ подкрѣпленіе силы своей и означенныхъ, выведенныхъ съ собою изъ Персіи, Афганцевъ содержать всѣхъ при себѣ съ особливымъ заботливостію, чрезъ что народъ, хотя имъ и не доволенъ и весьма ему не радъ, но опровергнуть его не могутъ. Но какъ къ тому хотя малой случай возымѣють, то они, особливо Узбеки, учинить того не оставляютъ. Но немъ же Рагимъ Бекъ хотя и другіе знатные, Девлетъ Диванбій и прочіе нѣкоторые, тамъ есть, но въ народное пражленіе кромѣ его никто изъ нихъ вступаться не можетъ» (см. 1. с. Стр. 16).

Обейдуллахъ-Ханъ, о которомъ Иззетуллахъ вовсе не упоминаетъ, кончилъ жизнь свою, по Негри, тѣмъ что былъ убитъ Рахимъ-Бикомъ. Когда именно это произошло, неизвѣстно.

Что касается до продолжительности правленія Рахимъ-Бика съ титуломъ аталыка, и потомъ хана, то, по свѣдѣніямъ собраннмъ Негри (у Сивковского въ Supplement etc. p. 120) въ званіи аталыка правительствовалъ онъ при Абуль-Фейзъ-Ханѣ и обоимъ преемникамъ его ханамъ Абдуль-Муминѣ и Обейдуллахѣ — девять лѣтъ, да потомъ два года съ титуломъ хана. Ефремовъ рассказываетъ что Рахимъ-Бикъ ханствовалъ всего одинъ годъ, и умеръ скоропостижно, на третій день болѣзни, отъ сильной опухоли брюха («Десятилѣтнее странствованіе по Бухарѣ, Хивѣ, Персіи и Индіи», Сиб. 1786. Стр. 110).

Что говорится у Борнса о Рахимъ-Бикѣ, будто онъ повелъ Надиръ-Шаха на Бухару, есть чистый, ни на чемъ не основанный вздоръ. Иззетуллахъ-же, называя Абуль-Фейзъ-Хана не государемъ Бухары, а комендантомъ бухарскаго кремля, и Миръ-Хайдера — двоюроднымъ братомъ Рахимъ-Хана, тогда-какъ онъ приносится племянникомъ послѣднему — совершенно перепуталъ обстоятельства и отношенія. Впрочемъ, быть можетъ это вина не

Изетуллаха, а его переводчика, Клапрота. Равнымъ образомъ совершенно ошибочно также извѣстіе Мейендорфа (у Сенковского, въ Supplement etc. p. 129) будто Рахимъ-Бикъ убилъ Абуль-Фейзъ-Хана и двухъ его сыновей въ 1740 году, и самъ умеръ въ 1742. Въ 1840 году Надиръ-Шахъ еще только приходилъ на Бухару, и ввзлъ съ собою Рахимъ-Бика съ его Узбеками, а самъ-же Мейендорфъ говоритъ что эти Узбеки подъ начальствомъ Рахимъ-Бика *мною лѣтъ* служили въ войскѣ Надировомъ. Потомъ, грекъ Григорьевъ выѣхалъ изъ Бухары когда Рахимъ-Бикъ еще правительствовалъ тамъ, а выѣхалъ онъ въ 1752 году. Наконецъ, у меня есть бухарская монета съ именемъ Абуль-Муминъ-Хана (сына Абуль-Фейзова) битая въ 1160 году гиджры = 1747 по Р. Х., стало бытъ и убитый въ 1740 году Мейендорфу въ 1740 году сынъ Абуль-Фейза былъ въ 1747 году еще живъ (монета эта описана В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ поманутой уже статьѣ его, помѣщенной въ Запискахъ П. Археолог. Общества, т. XIII, стр. 408, № 33).

9. *Ачинъ* есть нашъ аршинъ въ 16 вершковъ. Самое слово *аршинъ* есть обрусѣвшее *ачинъ*.

10. *Гезъ* — мѣра неточная, какъ наша маховая сажень; Ханьковъ полагаетъ ее равную приблизительно $1\frac{1}{2}$ аршину.

11. *Сейдами* называются въ Бухарѣ потомки халифовъ Османа и Али происшедшіе отъ дочери Магомета; потомки-же халифовъ Абу-Бикра и Омара, равно-какъ и вышеазванныхъ, но отъ другихъ жезъ, называются *Ходжами* (Ханькова «Описаніе Бухарскаго Ханства». Стр. 182). *Улмами* зовется сословіе законовѣдцевъ и духовенства.

12. О значеніи этихъ чиновъ см. Ханькова, въ указъ сочиненіи, стр. 189 — 192. *Накибъ*, *Фейзы*, *Ураки-Келанъ* и *Ураки-Хурдъ* суть чины, въ которые производится исключительно ходжи Сейидъ-Ата. *Шейхъ-Ум-Исламъ*, *Казыи-Аскеръ*, *Абламъ*, *Муфтии-Аскеръ* и *Рейсъ* — чины принадлежащіе исключительно *ходжамъ*

Джуйбари. Буква *з* послѣ гласной обозначаетъ, по моей транскрипціи, арабскую букву *ع*: *علم* пишу Алямаъ, *معور* Маъмуръ и т. д.

13. О значеніи и принадлежностяхъ сихъ чиновъ см. Ханыкова, въ указанномъ сочиненіи, ст. 184—185. Что-же касается въ-особенности до перваго изъ нихъ, то аталыкъ значитъ собственно «дядьба». Это самое высшее, послѣ ханскаго, достоинство въ Бухаріи. «Первоначально — объясняетъ О. П. Сенковскій — должность аталыка заключалась въ воспитаніи наследника престола и заведываніи его хозяйствомъ. Впослѣдствіи мѣсто аталыка сдѣлалось первымъ при Дворѣ, и получило почти такую же важность какъ должность диванъ-беги или великаго-везира; наконецъ, со времени Махмудъ-Бія, который военными дарованіями и добродѣтелями своими заставилъ уважать себя и болѣе во всѣхъ вѣдѣнияхъ, аталыки бухарскіе присвоили себѣ власть ничѣмъ не уступавшую власти палатныхъ мэровъ (*maîtres du palais*) при «лѣннихъ» меровингскихъ короляхъ Франціи, и кончили, какъ эти мэры, тѣмъ что захватили престолъ своихъ повелителей» (*Supplement etc.*, p. 98). «Что же принадлежитъ до правленія здѣшняго (въ Бухарі) — говоритъ Ефремовъ — то оное самовластно и независимо совершенно отъ воли и власти аталыка, коему и самъ ханъ подвластенъ» (*Десятилѣтнее Странствованіе и проч.*, стр. 97). При Миръ-Хайдерѣ званіе аталыка пожаловано было имъ лишь тестю своему, независимому хану хисарскому, а преемникъ его Миръ-Насруллахъ почтилъ этимъ достоинствомъ единственно владѣтеля шегрисебскаго, когда тотъ отдалъ старшую дочь свою за самаго Эмира, а младшую за сына его (Мейендорфа *Voyage à Boukhara*, p. 259, и Ханыкова «*Описание Бухарскаго Ханства*», стр. 185).

14. Слово *کبختاب* или *کبختا* О. П. Сенковскій объясняетъ (въ *Supplement etc.* p. 116) такъ: *espèce de satin ondoyé très*

connu dans le Levant, а *طاس* — просто espèce d'étoffe. *Ким-хабъ* есть »парча«, а *тасъ* — »глазеть« и вообще »одноцветныя шелковыя матеріи съ золотомъ«.

15. Миръ-Хайдеръ, какъ объяснено выше, вступилъ на престолъ въ 1801 году. Земанъ-Шахъ кабульскій — въ 1793 году. Фетхъ-Али-Шахъ персидскій — въ 1798 году. Объ Алимъ-Ханѣ хокандскомъ неизвѣстно положительно ни то, когда онъ наследовалъ отцу своему Нарбута-Бію, ни то, когда лишился жизни по проискамъ брата и преемника своего Омаръ-Хана (см. »Записки Имп. Географ. Общества«. Кн. III, стр. 192 — 193). Объ Пальтезеръ-Ханѣ ургенскомъ (Н. Н. Муравьевъ называетъ его Ельтезеръ, а Базинеръ — Пальтезеръ) знаемъ, относительно времени вступленія его на престолъ, только то что онъ властвовалъ послѣ 1795 года. См. ниже, примѣчаніе 39.

15 bis. Дочь Абуль-Фейзъ-Хана, бывшая за мужемъ за Рахимъ-Ханомъ, потомъ вышедшая за Шахъ-Мурада, и прижившая съ нимъ двухъ сыновей, Миръ-Хайдера и Хусейнъ-Бика, называлась, по персидскимъ источникамъ Мазькольма, *Елдузъ-Беломъ*, а по Пазетуллаху — *Шемсъ-Бану-Алимъ*. И Рахимъ-Бикъ, и Шахъ-Мурадъ, оба женились на ней чтобы войти въ связь съ родомъ Чингисъ-Хана хотя по женской линіи, и черезъ то приобрести право на престолъ. Мирза-Шемсъ не знаетъ ее имени: »у насъ, — говоритъ онъ, — звали ее просто »старой государыней«, да и вообще избѣгаютъ называть женщинъ по именамъ: я не знаю даже имени сестры моей, бывшей въ замужествѣ за Миръ-Хусейномъ«. Жила она, по словамъ его, до глубокой старости, до 92 лѣтъ. По разирсовымъ свѣдѣніямъ заключающимся въ рукописномъ сборникѣ Г. Ф. Геиса, она умерла въ 1822 году; но едва-ли это вѣрно, ибо въ такомъ случаѣ она должна была родиться въ 1730 году, и Миръ-Хайдера (родившагося въ 1777 году) произвести на свѣтъ мія уже 47 лѣтъ отъ роду. — Ефремовъ считаетъ ее

ошибочно за другую дочь Абуль-Фейзъ-Хана, которая, до замужества съ Рахимъ-Бикомъ, выдана была за мужъ будто-бы за Надиръ-Шаха (эта другая дочь Абуль-Фейзъ-Хана дѣйствительно выдана была за мужъ, только не за самого Надиръ-Шаха, а за племянника Надирова, Али-Кулы-Хана. См. *Geschichte des Nadirschah, von mirsa Mohammed Mabadi Masanderani. Greifswald. 1770. S. 330*), и рассказываетъ что она, желая отомстить Рахимъ-Хану за смерть отца своего, провертѣла тайно отверстие въ стѣнѣ, и однажды, когда Рахимъ-Ханъ обѣдалъ съ своими сановниками, выстрѣлила въ него черезъ это отверстие изъ ружья, но убить его не убила, а толькошибла съ него шапку; и будто Рахимъ-Ханъ заподозрилъ въ этомъ покушеніи русскихъ невольниковъ, за что и перебилъ почти всѣхъ, сколько ни находилось ихъ въ его владѣніяхъ; настоящая-же виновница выстрѣла открыта была будто-бы только уже въ правленіе Давіаль-Аталыка (Десятилѣтнее Странствование, и проч. Стр. 109 и 112).

Въ сборникѣ Генса находимъ извѣстіе, что кромѣ двухъ означенныхъ дочерей Абуль-Фейзъ-Хана (выданной за мужъ за Али-Кулы-Хана, и жены Рахимъ-Бика и Шахъ-Мурада) было ихъ у него еще двѣ: одна — приходившаяся двоюродною сестрою Абуль-Гази-Хану (бухарскому) и вышедшая за мужъ за хана хивинскаго Каипа, сына Батырь-Султана, и другая — которая была въ замужествѣ за ходжею Мухаммедъ-Юсуфомъ, сыномъ ходжи Мухаммедъ-Эмина. Миръ-Хайдеръ убилъ этого Мухаммедъ-Эмина, но Мухаммедъ-Юсуфу далъ званіе накиба. Эта жена Мухаммедъ-Юсуфа, по смерти мужъ, около 1824 года, жила еще въ Бухарѣ съ дѣтьми своими.

16. Извѣстныя до сихъ поръ монеты Миръ-Хайдера, битыя съ его именемъ, принадлежать къ 1215, 1216, 1225, 1226, 1227, 1228, 1230, 1234 и 1237 годамъ гіджры (= 1801, 1802, 1810, 1811, 1812, 1813, 1815, 1818 и 1821 по Р. X.). На монетахъ этихъ оцъ является съ титулами Падишахъ, Сейидъ, Эмиръ и

Эмиръ-эль-Муменинъ. Но кромѣ монетъ съ своимъ именемъ, Миръ-
 въстѣ. На первыхъ надпись: *رحمت باد بر معصوم غازي* «Милосер-
 діе божіе да будетъ надъ Маъсумъ-Гази». Такая монета известна
 съ 1236 годомъ гижры = 1820 - 1 по Р. Х. На послѣднихъ
 изображены сряду именъ отца и дѣда: *امير دانييل معصوم غازي*
 »Эмиръ-Давиаль; Маъсумъ-Гази». Такія монеты известны съ 1231,
 1233 и 1234 годами гижры = 1816, 1817 - 8 и 1818 - 9
 по Р. Х. См. »Записки« Инп. Арх. Общ. т. XIII, стр. 419 -
 424. — *Хутбэ*, въ мусульманскомъ первономъ служеніи, соотвѣт-
 ствуетъ нашей эктени. Право быть поминаемымъ въ эктени, равно-
 какъ и право бить монету съ своимъ именемъ, составляютъ, по-
 всюду на Магометанскомъ Востокѣ, принадлежность одного верхов-
 наго властителя страны.

17. Миръ-Хусейнъ-Бикъ былъ Миръ-Хайдеру единоутроб-
 нымъ братомъ, отъ одной матери, а Динъ-Насиръ-Бикъ имѣлъ ма-
 терью другую жену Шахъ-Мурада, по имени Калмыкъ-Аимъ. Она
 жила въ Мервѣ, и бѣжала отсюда въ Гератъ вмѣстѣ съ нимъ.

18. Есть два города по имени *Мерва*, и находятся они не
 далеко одинъ отъ другаго. Для отличенія ихъ другъ отъ друга,
 одинъ называется *Мерви - Шахджемстанъ*, другой — *Мерви - Руде*.
 Здѣсь идетъ рѣчь о первомъ, правителемъ куда Шахъ-Мурадъ по-
 садилъ Динъ-Насиръ-Бика (по разсказу Мирзы-Шемса) тотчасъ же
 по покореніи этого города въ 1200 году гижры. Нѣкоторыя по-
 подробности о положеніи Мерва въ послѣднее время изложены ниже
 (примѣч. 23).

19. Миръ-Хусейнъ-Бикъ назначенъ былъ Шахъ-Мурадомъ
 въ правители Самарканда вскорѣ послѣ того какъ Миръ-Хайдеру
 давъ былъ имъ въ управленіе Карши. О положеніи Самарканда
 въ наше время см. Н. В. Ханькова въ его »Описаніи Бухарскаго
 Хаивства«, стр. 99 - 105.

20. Въ подлинникѣ *مخرم* махремъ. Слово это повсюду на Мусульманскомъ Востоку означаетъ дворцоваго чиновника и близкаго человека, имѣющаго входъ во внутренніе покои. При бухарскомъ Дворѣ дворцовыя чины называемыя махремами составляютъ особый отдѣлъ, раздѣляющійся на восемь разрядовъ, или степеней. См. Н. В. Хавылова »Описаніе бухарскаго Ханства«, стр. 185—186.

21. *Шегрисебъ*, у нашихъ русскихъ торговцевъ извѣстный подъ именемъ *Шершавеса*, есть главный городъ небольшого владѣнія того же имени, занимающаго гористое пространство между Карши и Самаркандомъ. Населенъ Узбеками Кинегесова Рода, пользующимися у Бухарцевъ весьма воинственною репутациею. По причинѣ этой воинственности, Себзинцы подчиняются бухарскому владѣтельству не иначе, какъ истощивъ все средства сопротивленія, и при первой возможности возстановляютъ свою независимость, избирая себѣ собственнаго правителя. Еще кое-какія подробности объ этомъ владѣніи можно найти у Мейендорфа (*Voyage à Boukhara* etc. p. 135), который говоритъ, между прочимъ, что Шегрисебское Владѣніе, присоединенное къ Бухарскому Ханству Мухаммедъ-Рахимъ-Ханомъ, отложилось отъ онаго въ 1731 году. Это дѣйствительно случилось, но гораздо позже: покойному-же Миръ-Насруллаху опять удалось подчинить Шегрисебъ своей власти. Послѣ походовъ подъ этотъ городъ, повторявшихся нѣсколько лѣтъ сряду, и хотя неудачныхъ (по той причинѣ что Себзинцы дѣлали окрестности города недоступными, наводняя ихъ), однаго истощившихъ силы и средства страны, Насруллахъ, лѣтомъ 1856 года, явился снова подъ стѣны Шегрисеба, и началъ военныя дѣйствія. Видя невозможность сопротивляться долѣе, правительствовавшій тамъ Искендеръ-Валляи (вази-ун-ниемъ) самъ отперъ ворота города, и съ покорностію вышелъ къ Эмиру, который его, со всемъ семействомъ, роднею и должностными лицами, отправилъ на житье въ Бухару, гдѣ подарилъ ему домъ, два фруктовые сада, и

назначил 4000 р. сер. содержания изъ доходовъ съ Каракульскаго Округа. Затѣмъ, большинство обывателей Шегрисебзской Области Эмиръ выселилъ частью въ Карши, частью въ Самаркандъ, а управление ею поручилъ двумъ узбекамъ изъ Мангитскаго Рода, одного посадивъ въ самомъ Шегрисебзѣ, другаго въ городѣ Китабъ, и оставивъ въ томъ и другомъ по 1700 человекъ гарнизона; сверхъ-того, 1500 человекъ своего войска поставилъ въ Яккабагъ, и 1200 въ Чирагчи, двухъ крѣпостяхъ не подалеку одна отъ другой, такъ-чтобы въ случаѣ надобности всѣ эти гарнизоны могли тотчасъ же подать взаимную помощь, и соединиться. Наконецъ, плодомъ покоренія Шегрисебза было еще пріобрѣтеніе для гарема Эмира сестры Псевндера-Валлами, известной красавицы, которая выдава была братомъ за мужъ за одного шегрисебзскаго бека по имени Якупа: этого Якупа Эмиръ сослалъ въ Чарджуй, а жену его взялъ себѣ.

22. *Чарджуй* лежитъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи по пути изъ Бухары къ Мерву, на рубежѣ воздѣльваемого пространства и тянущейся далѣе на югъ безплодной, песчаной степи; защищается небольшою крѣпостцою на возвышеніи; населеніе не превышаетъ 4000 или 5000 душъ, да и то въ жары выкочевываетъ болѣею частью на берега Аму. Такъ пишетъ Борисъ, посѣтившій Чарджуй въ 1832 году (*Travels into Bokhara*. III, 7-8). Имя этого города Мирза-Шемсъ пишетъ постоянно *چهارجوى* *Чегарджуй*, какъ и слѣдуетъ, ибо *Чарджу*, или *Чарджуй*, есть простонародное сокращеніе *Чегарджуй*.

23. *Мерв*, известный у Киргизовъ, а за ними и у Русскихъ Оренбургскаго-Края, торгующихъ съ Азіей, подъ именемъ *Мары*, а у Бухарцевъ — *Мавера*, былъ въ прежнее время весьма пѣтуный и сильно-населенный городъ. Выселеніе части жителей изъ покореннаго города внутрь владѣній побѣдителя есть весьма обыкновенная въ Азіи мѣра предосторожности; но какую страшную тя-

гостию ложится эта предосторожность на благосостояніе переселенцевъ, не говоря уже о чувствахъ привязанности къ родиной! Выше мы видѣли, что Миръ-Насруллахъ поступилъ въ наше время съ покореннымъ Шегрисебзомъ (примѣчаніе 21) точно такъ же, какъ отецъ его поступилъ съ Мервомъ. Упомянувъ что Миръ-Хайдеръ, за привязанность Маверцевъ къ Динъ-Насиръ-Бяку, обезлюдилъ городъ выселеніемъ, Мирза-Шемъ не обозначаетъ числа выселенцевъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Мейендорфомъ, выселены были всѣ жители города въ числѣ 25,000 душъ (Voyage à Boukhara, p. 155). »Мервъ — продолжаетъ Мейендорфъ — служить теперь мѣстомъ ссылки: туда ссылаютъ всѣхъ преступниковъ, которыхъ не хотятъ казнить смертію. Такихъ жителей набирается уже до 500 человекъ, не считая гарнизона въ 400 — 500 человекъ, который содержитъ здѣсь Эмиръ, смѣняя въ три года разъ. Окрестности города начинаютъ снова воздѣлываться; нѣсколько канавъ для поливки полей проведено изъ Мюргаба, рѣки протекающей въ 20 верстахъ отъ Мерва. Но Эмиръ, чтобы воспрепятствовать городу заселиться вновь, и чтобы жители его, пользуясь изолированностію своею, не вздумали сдѣлаться независимыми отъ него, не позволяеть снабжать городъ водою въ обиліи«. Важною основою прежняго благоденствія Мерва была *бендъ* или плотина на Мюргабѣ, которая, не допуская воды рѣки теряться, какъ теперь, въ пескахъ, доставляла средства къ цвѣтущему земледѣію. »Плотина эта, говоритъ Борнст, разрушена была Шахъ-Мурадомъ около 45 лѣтъ тому (писано въ 1833 году). Нынѣ рѣка орошаетъ лишь ближайшія къ ней зѣмни; они покрыты туркменскими кибитками, ибо осѣдлыхъ деревень нѣтъ. Земледѣіе здѣсь поливное, и растительность великолѣпна« (Travels into Boukhara. III, 30 — 31). Выселенные Маверцы живутъ и нынѣ, въ Бухарѣ и Самаркандѣ, особыми кварталами. Говорятъ будто они выучились Бухарцевъ воздѣлывать шелкъ, и ткать шелковыя матеріи, чего эти прежде не умѣли. Что-же касается до опустѣлаго Мерва, то ханъ

хивинскій Мухаммедъ-Рахимъ, находя выгоду въ обладаніи этимъ пунктомъ для дѣйствій противу Персій и непокорныхъ ему Туркменовъ, отнялъ его у Миръ-Хайдера, и населилъ своими Хивинцами. Покойный Миръ-Насруллахъ опять завладѣлъ Мервомъ, но не на долго: черезъ нѣсколько времени Хивинцы снова укрѣпились здѣсь. Чтобы выжить ихъ, Бухарцы подстрекнули Туркменовъ, и тѣ, напавъ на городъ ночью, въ-расплохъ, перерѣзали большую часть жителей, и остались владѣльцами мѣста. Это произошло въ 1846 году. Съ тѣхъ поръ хивинскій ханъ Мухаммедъ-Эмишъ почти каждый годъ собиралъ войско, и ходилъ воевать маверскихъ Туркменъ, но безуспѣшно. Военныя дѣйствія ограничивались болѣею частію тѣмъ что онъ травилъ ихъ дуга, и жегъ послѣдній хлѣбъ, а Маверцы, отогнавъ свой скотъ подальше, сѣялись надъ напрасными усиліями Хана, разорявшими его казну, разбивали отряды его при каждой съ ними встрѣчѣ, и въ 1850 году, когда Хивинцы, въ числѣ 6000 человекъ, захвативъ табуны туркменскихъ лошадей, приступили ночью къ дѣлежу ихъ, сдѣлали сильную вылазку, напали внезапно на Хивинцевъ, и почти всѣхъ ихъ успѣли перерѣзать. Наконецъ, послѣдній походъ Мухаммедъ-Эмина на Мервъ и Серахсъ, въ началѣ 1855 года, кончился тѣмъ что онъ былъ разбитъ Туркменами и Персїанами, и голова его явилась выставленною, какъ трофей, въ Тегеранѣ.

24. Тоже самое читаемъ у Борса: »Миръ-Хайдеръ показалъ себя на престолѣ болѣе духовнымъ лицомъ нежели свѣтскимъ правителемъ, и строгое со стороны его соблюденіе заповѣдей Корана, чѣмъ онъ весьма прославился въ мусульманскомъ мірѣ, не мало содѣйствовало къ усиленію святошества и фанатизма въ его владѣніяхъ. Титулъ свой »Новелителя Правовѣрныхъ« (Эмиръ-эль-Муменинъ) понималъ онъ буквально, и большую часть своего времени употреблялъ на исправленіе и улучшеніе нравовъ своего вѣка. Онъ не царскія, а поповскія отправлялъ обязанности: читалъ молитвы за упокой души при погребеніи умершихъ, всту-

палъ въ богословскіе споры въ мечетяхъ, управлялъ церковнымъ служеніемъ, и преподавалъ въ семинаріяхъ» (Travels into Bokhara, II, 266 и III, 286).

Весьма живо является намъ образъ Миръ-Хайдера въ разсказѣ Иззетулаха, посѣщавшаго Бухару въ 1813 году. «Миръ-Хайдеру — пишетъ онъ — около тридцати-двухъ лѣтъ. Онъ высокъ ростомъ, и хорошо сложенъ. Цвѣтъ лица у него отъ природы прекрасный; но горячность съ которою онъ предается отпращиванію религиозныхъ обязанностей, постъ который соблюдаетъ онъ постоянно черезъ два дня въ третій, наконецъ неутомимость съ какою творитъ онъ судъ поданнымъ, сдѣлали его блѣднымъ и вильымъ. Въ полночь онъ встаетъ и читаетъ приличную молитву; затѣмъ нравственныя и религиозныя занятія свои продолжаетъ до зари. Послѣ молитвы положенной въ это время, толкуетъ челоуѣкамъ пятидесяти студентовъ Коранъ и Хадисы (преданія о Магометѣ). Затѣмъ выходитъ въ пріемный залъ, садится на бархатной подушкѣ, и принимаетъ, въ обычной формѣ, *саламъ-алеікумъ* придворныхъ. Обратное *саламъ-алеікумъ* отдаетъ не самъ Эмиръ, а за него особый для должности этой чиновникъ. При выходѣ такого рода, люди пользующіеся репутаціею святости и учителя закона садятся по правую сторону Эмира, а ханы (высшіе военныя и гражданскіе чиновники) по лѣвую. Всѣ сидятъ на козлахъ; одинъ Хакимъ-Би (кушбиги) остается въ стоячемъ положеніи, прямо противъ Эмира. Дворцовые чиновники тоже располагаются по лѣвую руку. Законоуѣдцы и ханы, являясь ко Двору, одѣваются всѣ одинаковымъ образомъ; такимъ же образомъ и всѣ пріѣзжіе должны, для представленія къ Эмиру, одѣваться по узбекки. У дверей пріемной залы подхватываетъ ихъ чупдаръ, и ведетъ къ государю. Въ нѣкоторомъ разстояніи они останавливаются, произносятъ *саламъ-алеікумъ*, и дѣлаютъ еще нѣсколько шаговъ впередъ. Тогда двое изъ служителей Эмира берутъ ихъ за руки, и подводятъ къ сѣдалищу государя. Эмиръ протягиваетъ руку,

представляемый цѣлуетъ ее. Если государю угодно приказать ему сѣсть, придворные чиновники ведутъ представившагося, и указываютъ ему мѣсто соответственное его званію. Съѣвши, удостоенный этой чести обращается къ Эмиру съ привѣтствіемъ, и вѣзлагаетъ что ему нужно. Посланники получаютъ содержаніе на счетъ Эмира. — По окончаніи выхода и отпуска присутствовавшихъ, чупдаръ объявляетъ народу, собирающемуся каждое утро къ дверямъ Дворца, что имѣющіе надобность до Эмира могутъ войти. Ихъ выпускаютъ и сажаютъ въ присутствіи Эмира. Онъ прочитываетъ ихъ просьбы, и произноситъ рѣшеніе сообразно съ законамъ. Книги законовъ кладутся около него въ большомъ числѣ. Около полудня, являются ученые разсуждать и спорить передъ Эмиромъ, который часто принимаетъ участіе въ ихъ бесѣдѣ. Затѣмъ читается полуденная молитва, при чемъ Эмиръ отправляетъ должность пишь-имамъ, а тамъ обращается снова къ разбору просьбъ и жалобъ, что и продолжается до послѣполуденной молитвы. Послѣ этого, время до вечера проводится въ обычныхъ занятіяхъ, а по прочтеніи вечернихъ молитвъ подають обѣдъ. Затѣмъ читаются молитвы на ночь, и Эмиръ отходить ко сну, но болѣе четырехъ съ половиною часовъ не спитъ. — Если тяжба требуетъ долгаго разслѣдованія, Эмиръ отсылаетъ тажущихся къ кадю, который и рѣшаетъ дѣло непремѣнно по закону, болясь Эмира, и зная какъ легко всякій имѣть къ нему доступъ. Всѣ молитвы за упокой души умершихъ Эмиръ читаетъ самъ, а въ соборной городской мечети самъ же по пятницамъ читаетъ хутбѣ и отправляетъ обязанности пишь-имамъ».

» У Эмира четыре жены, кромѣ невольницъ. Изъ братьевъ его одинъ, Насиреддинъ-Ханъ, живеть теперь въ Мешгедѣ, получая пенсію, по три тумана въ мѣсяцъ, отъ правителя тамошняго Мохаммедъ-Мирзы, сына Фетхъ-Али-Шахова; другой — Мухаммедъ-Хусейнъ-Ханъ, живеть въ Шегрисебѣ у тамошняго владѣтеля, Ніазъ-Али-Би, но содержаніе получаетъ отъ Миръ-Хайдера».

»Мирь-Хайдеръ наследовалъ отцу своему Мурадъ-Бию (Шахъ-Мураду). Тотчасъ же началъ онъ бить монету съ своимъ именемъ, титулуясь *Сейидъ Эмиръ Хайдеръ, падишаи кази*, просилъ себѣ утверженія у Константинопольскаго Двора, и облечся во всѣ знаки верховной власти. Но чрезъ два года отказался отъ всякой царской пышности, и, подражая смиренію отца своего, принявъ титулъ *Эмиръ-эль-Муменинъ* (повелителя правовѣрныхъ). Съ тѣхъ поръ, во всѣхъ отношеніяхъ показывалъ онъ себя государемъ разумнымъ, правосуднымъ, благочестивымъ и способнымъ; только въ отношеніи къ окружающимъ его онъ нѣсколько капризенъ и вспыльчивъ, и когда недоволенъ бѣмъ изъ нихъ, тотчасъ лишаетъ своихъ милостей, и даже предаетъ смерти безъ всякаго разслѣдованія дѣлае (Magasin Asiatique. II, 178 — 180 и 185).

А вотъ и другой портретъ того же лица, рисованный, черезъ восемь лѣтъ, живописцемъ съ инымъ взглядомъ на вещи: »Ханъ (Мирь-Хайдеръ) — пишетъ Мейендорфъ — ведетъ себя по наружности благочестиво, но не имѣя нужды владѣть собою, предается всѣмъ крайностямъ распутства, и соблазнительнымъ примѣромъ своимъ увлекаетъ къ тому же и сановниковъ своихъ. Не стану упоминать о жестокостяхъ сопровождавшихъ его вояженіе: онѣ до того въ духѣ азіатскихъ правительствъ, что никого не удивляютъ, и слѣдствія ихъ повсюду одинаковы. Страхъ, этотъ ужасный бичъ деспотовъ, который не даетъ имъ покоя иначе какъ въ чувственномъ упоеніи или самозабвеніи, преслѣдуетъ также и бухарскаго хана. Онъ довѣряется одному Кушбегію, который и приготовляетъ на собственной кухнѣ всѣ кушанья для ханскаго стола. Поварь, приготовляющій эти блюда, отвѣдываетъ отъ каждаго въ присутствіи Кушбегі; потомъ самъ Кушбегі отвѣдываетъ каждое блюдо, ставитъ ихъ въ ящикъ, запираетъ замокъ у ящика, и прикладываетъ къ замку печать свою. Лишь послѣ этихъ формальностей, блюда подають Хану, и онъ ѣстъ ихъ. . . . а когда Ханъ почуветъ вѣхъ Бухары, онъ и сыну своему приказываетъ выгнать изъ го-

рода: такъ велика его недовѣрчивость» (Voyage à Boukhara, pp. 237 - 239).

Въ заключеніе характеристики Миръ-Хайдера помѣщаемъ слѣдующій отрывокъ изъ разсказовъ о Средней-Азій Муртазы Фейзуллина (ненапечатанныхъ). » У хана Миръ-Хайдера женъ множество, именно около 75, сколько о томъ можно знать. Когда онъ провѣдаетъ что у кого изъ подданныхъ есть дочь красивая собою, онъ тотчасъ же беретъ ее, женится на ней по магометанскому обряду, а на другой день ужъ даетъ ей разводную, но изъ дворца не выпускаетъ. Для виду, онъ будто и предлагаетъ ей свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обнадеживаетъ что можетъ быть опять будетъ съ нею вѣчатся, и совѣтуетъ въ ожиданіи этого оставаться у него. — Эмиръ Хайдеръ любитъ также и крѣпкіе напитки, и, какъ говорятъ, зачастую ими увивается. Его въ Бухарѣ не любятъ, и явно желаютъ чтобы Тюря-Ханъ (Миръ-Хусейнъ-Тюра) принялъ правленіе. Эмира считаютъ слабоумнымъ или, по крайней мѣрѣ, слабымъ человѣкомъ; особенно не нравится народу то, что онъ даетъ управлять собою Кушбигію (Хакиму), человѣку развратному и злому, и другимъ приближеннымъ ».

25. Въ Бухарскихъ медресѣ (семинаріяхъ или духовныхъ академіяхъ) профессоръ (мудеррисы) науки или преподаваемые проходить съ студентами по известнымъ для каждой руководствамъ, излагающимъ основанія науки; руководства-же, заключающія въ себѣ развитіе и объясненіе началъ, студенты большею-частью должны сами читать. Такихъ руководствъ, которые должны быть изучены въ теченіе полного курса наукъ, считается болѣе 137 книгъ. Кто »закончилъ« эти книги, тотъ кончаетъ учиться. Любопытныя подробности объ этихъ руководствахъ и вообще объ ученѣ въ Бухарѣ, о числѣ студентовъ (конхъ въ одномъ этомъ городѣ было въ 1840 году отъ девяти до десяти тысячъ, а во всемъ ханствѣ должно быть отъ 15,000 до 16,000), ихъ образъ жизни и проч. см. у Н. В. Ханьшова, въ »Описаніи Бухарскаго Ханства«, стр. 212 - 223.

26. Подъ *Урнечемъ* Мирза-Шемъ разумѣеть *Новый-Урнечъ*, находящійся въ 31 верстѣ къ С.В. отъ Хивы, важнѣйшій торговый и ремесленный городъ Ханства. Подробности объ немъ см. у Давидовскаго въ «Описаніи Хивинскаго Ханства» (Записки II. Русск. Географ. Общества. Книга пятая, стр. 109).

27. Названіе *Міанкал* носитъ часть Зерэфшанской Долины, между Самаркандомъ и Керминѣ, заключающая въ себѣ городки и крѣпостцы *Кэттѣ-Курганъ*, *Катарчи*, *Пенджшембѣ*, *Митанъ*, *Нура-торъ*, *Янгы-Курганъ* и *Чалакъ*. См. Борнса: *Travels into Bokhara*, III, 294.

28. Обѣ крѣпостцы эти расположены въ долинѣ р. Зерэфшана, не подальку одна отъ другой, и принадлежать къ Міанкальскому Округу, плата ежегодно поземельной подати: *Янгы-Курганъ* — 6000, *Чалакъ* — 5000 тиллей, (см. Борнса: *Travels into Bokhara*. London. 1839. II, 294): Кромѣ упомянутого, есть въ Бухаріи другой *Янгы-Курганъ*, къ С.В. отъ Самарканда. Для отличія отъ этого, *Янгы-Курганъ* что въ Міанкалѣ прозывается *Кипчацкимъ Янгы-Курганомъ*.

29. *Чакрымъ* — мѣра пути татарская, въ Бухаріи неупотребительная, которою Мирза-Шемъ обозначаетъ протяженіе равное нашей верстѣ, какъ это принято вообще въ Оренбургскомъ Краю.

30. *Каракалпакы* — тюркское племя, весьма близкое къ *Киргизъ-Кайсакамъ*, и отличающееся въ Хивѣ расположеніемъ въ земледѣлію, въ бухарскихъ предѣлахъ ведетъ кочевую жизнь, обитая преимущественно между *Джизахомъ* и *Уратионѣ*.

31. Въ *фарсахъ* считается 12,000 шаговъ, стало быть по нашему 8 верстѣ; но персидскій *фарсахъ* принимается обыкновенно за протяженіе равное 7 верстамъ нашей мѣры.

32. Крѣпость *Кэттѣ-Курганъ* находится въ Міанкальскомъ Округѣ, и лежитъ по пути изъ Керминѣ въ Самаркандъ, отстоя отъ послѣдняго въ 67, а отъ Керминѣ въ 83 верстахъ. Поземельной подати платитъ 12,000 тиллей. См. Борнса: *Travels*

into Bokhara. II, 294; Ханькова »Описание Бухарскаго Ханства«, стр. 98; и Леманово Reise nach Bokhara und Samarkand. St. Petersburg. 1852. S. 99.

33. Бунтъ Хагайцевъ и Кипчаковъ имѣлъ мѣсто, — это извѣстно изъ современныхъ разспросныхъ свѣдѣній, — осенью 1821 года. Причиною бунта было, какъ рассказывали, неудовольствіе этихъ Узбековъ на то, что Миръ-Хайдеръ отдался совершенно въ руки Хакимъ-Кушбигія, человека алчнаго и скупаго, возведеннаго имъ въ это званіе изъ ничтожества, тогда-какъ Узбеки не имѣли никакого вѣса въ правленіи. — Тою же осенью и Хивинцы подступали къ Чегарджию, но не подъ предводительствомъ Пльтезеръ-Хана, котораго въ это время давно уже не было на свѣтѣ. Съ какого и по какое именно время властвовалъ въ Хивѣ Пльтезеръ-Ханъ, неизвѣстно. Изъ записокъ маіора Митковеннагеля, посѣщавшаго Хиву въ 1793 - 4 годахъ, и митрополита Хрисанфа, бывшаго тамъ въ 1795 году, знаемъ только что въ это время Ханство Хивинское управлялось еще Эйвазъ-Инакомъ, отцемъ Пльтезера; а въ 1810 году на Ханствѣ Хивинскомъ сидѣлъ уже несомнѣнно братъ Пльтезера, Мухаммедъ-Рахимъ.

34. *Хисаръ*, главный городъ независимаго и значительнаго узбекскаго владѣнія того же имени, лежащаго на юго-востокъ отъ Шегрисеба, находится при впадающей въ Аму-Дарью рѣкѣ Кафиръ-Ниганъ. См. у Мейендорфа (*Voyage etc.*, стр. 130 - 131).

35. О нынѣшнемъ состояніи *Балха* см. Муркрофта (*Travels*. II, 493 - 494) и Борнса (*Travels into Bokhara*. II, 204 - 208). *Мейменѣ*, *Андхой*, *Акчѣ* и *Шебурганъ* — главные мѣста небольшихъ узбекскихъ владѣній по лѣвую сторону Аму-Дарьи, между Балхомъ и Мервомъ. Владѣнія эти, до послѣдняго времени, признавали надъ собою власть бухарскаго эмира; но вѣсколько лѣтъ уже, они, какъ и Балхъ, подчинились Достъ-Мухаммеду, хану кабульскому. По свѣдѣніямъ собраннымъ Мейендорфомъ, городъ Анху, въ разстояніи 100 верстъ отъ Балха, заключаетъ въ

себѣ до 4000 домовъ, и населенъ частію Узбеками и Таджикими, но болѣе всего Арабами. Въ Мейменѣ до 1000 домовъ, и населенъ онъ Узбеками (Voyage à Boukhara, p. 143). По свѣдѣніямъ собраннымъ Борисомъ въ 1837 — 1838 годахъ, Мейменѣ есть самое сильное изъ этихъ владѣній: ханъ его можетъ выставить въ поле до 6000 всадниковъ, тогда-какъ владѣтель Андху — не болѣе 500. Шебурганъ — сильнѣйшее укрѣпленіе въ тѣхъ мѣстахъ: цитадель его построена изъ сжеганаго кирпича, и окружена земляными валами. Владѣлецъ можетъ выставить въ поле отъ 500 до 600 всадниковъ (Sabool, p. 225 - 228). По свѣдѣніямъ собраннымъ П. Ф. Бзарамбергомъ, въ Мейменѣ считается Узбековъ до 5000 семействъ, въ Андху — 3700, въ Шебурганѣ — 3500 семействъ (»Статистическое Обзорѣніе Персіи«. Сиб. 1853. Стр. 289). Объ Акчѣ неизвѣстно ничего.

36. *Кошунъ* — контингентъ, который, по росписи о народонаселеніи, ставится городомъ или областію; иногда-же слово это употребляется просто въ значеніи »войско«, »рать«.

37. Имя рѣки Аму Мирза-Шемсъ пишетъ вездѣ *آمويه* или, увлекаясь произношеніемъ, *عامويه*, то-есть *Амуѣ*, а не *Амо*, т. е. Аму.

38. *Туманъ* есть собственно имя числительное, означающее 10,000. Кочевые народы, незнакомые съ административно-территориальною терминологіею осѣдлыхъ, не имѣющіе въ языкахъ своихъ даже словъ для означенія понятій »область«, »округъ«, »уѣздъ«, и т. п., покоряя власти своей страны съ осѣдлымъ народонаселеніемъ, по-необходимости должны были за основаніе административнаго дѣленія сихъ странъ брать единственно численность обитателей, и потому дѣлили страну, при первомъ покореніи ея, на туманы, »тумы«; со временемъ-же, при постепенной привычкѣ кочевниковъ къ осѣдлому быту, слово туманъ теряло мало-по-малу въ глазахъ ихъ свое арифметическое значеніе, и приобрѣтало въ за-

мѣтъ административное — уѣзда, округа, волости; такъ теперь въ Бухаріи отъ тумана вовсе не требуется чтобы онъ заключалъ въ себѣ десять тысячъ жителей. По Борису, округъ города Бухары состоитъ изъ семи тумановъ: Рамитанскаго, Зенданійскаго, Ваккендскаго, Варданзійскаго, Хайрабадскаго, Вагазійскаго и Гиджуванскаго; округъ Самарканда заключаетъ въ себѣ пять тумановъ, округъ Каршійскій — тоже пять, округъ Мيانкальскій — семь, и т. д. (Travels into Bokhara. III, 293 - 294).

39. Это пораженіе Хивинцевъ Бухарцами подъ начальствомъ самаго Миръ-Хайдера произошло въ концѣ 1822 года, дѣйствительно около Аму-Дарьи. По современнымъ рассказамъ ханъ хивинскій Мухаммедъ-Рахимъ шелъ на Бухару съ 15,000 войска, изъ коихъ, впоследствии означеннаго пораженія, 8000 легло на мѣстѣ, а 7000 утонуло въ рѣкѣ, при чемъ самъ Рахимъ-Ханъ былъ раненъ, но успѣлъ спастись, а братъ его, сопутствовавшій ему въ походѣ, лишился жизни.

Событіе это Мираа-Шемъ смѣшалъ съ другимъ, которое произошло тоже въ правленіе Миръ-Хайдера, но лѣтъ 14 - 16 ранѣе. Тогда вторгнувшійся въ предѣлы Бухаріи ханъ хивинскій Пльтнезеръ дѣйствительно утонулъ при переправѣ черезъ Аму-Дарью. — Лѣтъ 14 или 16 ранѣе, говорю я, потому-что одиѣ извѣстія походъ Пльтнезеръ-Хана на Бухарію, и гибель его въ водахъ Аму, относятъ къ 1808, другія къ 1806 году. Во всякомъ случаѣ, сынъ и преемникъ Пльтнезеръ-Хана, Мухаммедъ-Рахимъ не могъ вступить на престолъ около 1802 года, какъ читаемъ у Н. Н. Муравьева («Путешествіе въ Туркменію и Хиву», Москва 1822. Часть II, стр. 41), а вступилъ позже. До послѣдняго времени, съ именемъ Мухаммедъ-Рахимъ-Хана и обозначеніемъ года битвы извѣстна была только одна монета — 1236 года гиджры (= 1820 по Р. X.). См. Френс Nova Supplementa ad Resensionem, etc. p. 135). У меня нашлась гораздо старѣйшая, именно съ означеніемъ 1225 года гиджры; но и это доводитъ

насъ несомнѣнно только до 1810 года по Р. Х. Монета эта описана мною въ статьѣ »Неизданныя Бухарскія и Хивинскія Монеты«, помѣщенной въ »Извѣстіяхъ« Имп. Археологическаго Общества, т. II, стр. 160.

40. Слово *تورہ* *тюря* употребляется у тюркскихъ племенъ въ разнообразныхъ значеніяхъ. Въ Бухаріи *тюря* есть титулъ ханскихъ сыновей и въ-особенности наслѣдника престола, совершенно соотвѣтствующій персидскому *میرزا*, и, въ этомъ смыслѣ, такъ же какъ и слово *میرزا*, ставится послѣ собственнаго имени. Въ Киргизской Степи *тюрями* называютъ потомство прежнихъ хановъ, которое мы, неизвѣстно почему, титулуемъ »султанами«.

41. Это не тотъ Девлетъ-Кушбегі, о которомъ упоминаютъ Негри и Мейендорфъ, какъ о первомъ министрѣ Абуль-Гази-Хана (у Сенковского, въ Supplement etc. p. 120 et 129), а тотъ, который былъ правителемъ Самарканда въ проѣздъ черезъ этотъ городъ, въ 1813 году, Миръ-Иззетуллаха (Magasin Asiatique. II, 166).

42. Это въ Средней-Азійи обычный образъ дѣйствій противу враговъ, чтобы принудить ихъ къ покорности. Такъ Евремовъ разсказываетъ о походахъ Даніаль-Аталыка: »Если кто изъ сосѣдей сдѣлается непріателемъ, тогда Аталыкъ выѣзжаетъ со всѣмъ войскомъ, и, приближась къ непріятельскому городу, велитъ палить изъ всѣхъ пушекъ и мартиръ, гдѣ по непривычкѣ отъ одного звуку страшатся, сдаются и платятъ дань Аталыку. Буде-же симъ образомъ не устрашить, то велитъ войску лошадьми скормить посѣянный хлѣбъ, а траву сжечь, и все то мѣсто отравить. На другое лѣто вторично приходитъ. Такимъ образомъ всѣ тамошніе города подъ владѣніе Бухаріи пришли («Десятилѣтнее Странствованіе«, и проч. Стр. 73 - 74).

43. Аллахъ-Кули-Ханъ вступилъ на престолъ въ 1825 году, тотчасъ же по смерти отца своего Мухаммедъ--Рахимъ-Хана.

44. Этотъ Мирь-Музафферъ властвуетъ нынѣ въ Бухаріи, вступивъ на престолъ по кончинѣ отца своего Насруллаха, послѣдовавшей осенью 1860 года.

45. *Туй* — пиршество въ кочевомъ вкусѣ, заключающееся въ угощеніи присутствующихъ, конской скачкѣ съ призами, борьбѣ, стрѣльбѣ въ цѣль и т. д.

46. *Гуламъ* — такъ называются молодые люди, служащіе при господинѣ своемъ въ родѣ тѣлохранителей, оруженосцевъ, гошцевъ. Иногда-же слово это означаетъ просто «рабъ». *Хизмет-кларъ* — «слуга»; но такъ зовутся только слуги изъ вольныхъ людей, а не изъ рабовъ.

47. Значить, авторъ самъ былъ актеромъ въ разыгрывавшейся драмѣ. Съ этого времени, онъ уже нерѣдко упоминаетъ о себѣ, и былъ личнымъ свидѣтелемъ тѣхъ происшествій, о которыхъ рассказываетъ.

48. Такъ перевожу я слово *اندر*, которымъ обозначаются люди, въ поступкахъ и образѣ жизни совершенно сходные съ нашими «юрюдивыми».

48 bis. Такъ перевелъ я, чтобы остаться вѣрнымъ грамматической постройкѣ фразы, но смыслъ требуетъ перевести иначе, а именно: «все это пошаталось, а если-бы выйти изъ нихъ хотя 10 — 15 человекъ, они могли бы убить и Мирь-Хусейна, и его свиту».

49. *Миманъ-Ханѣ*, «гостиная-пазата», комната или зданіе для приѣма пословъ и другихъ пріѣзжихъ.

50. Дѣдушкой, *баба*, называетъ любовно Мирь-Хусейнъ Хавимъ-Кушбигія, потому-что выросъ на его глазахъ, и съ дѣтства привыкъ уважать этого человѣка, несмотря на коварство свое, пользовавшагося въ Бухарѣ всеобщимъ уваженіемъ. Въ 1820 году, по прибытіи къ Бухарѣ нашего посольства, Хавимъ-Кушбиги выѣхалъ къ нему на встрѣчу, и вотъ какъ г. Мейендорфъ описы-

васть наружность этого бухарскаго сановника: »Кущбигію лѣтъ пятьдесятъ отъ роду. Его длинная и темноволосая борода начинается сѣдѣть; ростомъ онъ высокъ, имѣеть пріятное и доброе выраженіе лица. Чалма на немъ была изъ бѣлой кашмирской шали, халатъ изъ той же матеріи съ большими букетами, а шуба соболья, крытая полосатымъ кашемиромъ (Voyage à Boukhara, p. 82). Борисъ, имѣвшій сношенія съ этимъ же лицомъ въ 1832 году, остался имъ чрезвычайно-доволенъ. Въ третьей части Борисова путешествія въ Бухару, на стр. 232 - 233, 248 - 249, 267 - 270 и 277 - 279, желающіе могутъ прочесть о длинныхъ бѣсѣдахъ его съ Кущбиги, въ которыхъ мы, признаемся, не находимъ ничего особеннаго. »21 Июля — пишетъ Борисъ — мы съѣзжали прощальный визитъ бухарскому визирю, и при этомъ случаѣ характеръ этого добраго человѣка выказался въ еще болѣе благопріятномъ свѣтѣ чѣмъ въ предшествовавшія свиданія, когда онъ изъявилъ столько расположенія къ намъ. Кущбигію лѣтъ шестдесятъ; борода его побѣлѣла уже отъ лѣтъ, но глаза живы и блестятъ. Въ чертахъ лица его видѣны умъ и даже хитрость, составляющая, какъ говорятъ, отличительный его характеръ. . . . Я разстался съ этимъ достойнымъ человѣкомъ, растроганный«. — Достойный человѣкъ достойный и конецъ получилъ: въ 1837 году эмиръ Насруллахъ сослалъ его сначала въ Карши, потомъ въ Нуръ-Ата, потомъ призвалъ въ Бухару, и заключилъ въ дворцовую темницу, гдѣ, въ 1840 году, велѣлъ зарѣзать, вмѣстѣ съ товарищемъ его по сдачѣ Бухары Насруллаху, Эйязомъ топчи-баши. См. Ханькова »Описаніе Бухарскаго Ханства«, стр. 229 - 230.

51. Развалины каравансарая *Ходжа-Мубарекъ* находятся, по маршруту Н. В. Ханькова, въ 6½ фарсахъ отъ Карши, и въ 10½ фарсахъ отъ Бухары.

52. چاشتъ есть утрення пора, когда тѣнь бросаемая человекомъ бывасть равна дѣйствительному его росту.

53. Въ подлинникѣ *مع كوج*: бухарское выраженіе, означающее «со всѣмъ, съ чѣмъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, съ пожитками, съ семействомъ, со скотомъ».

54. Собственно не «дары», а поклонное, ибо употребленное въ подлинникѣ тюрское слово *تارتوق* означаетъ всякаго рода предметъ, который представляется отъ младшаго къ старшему, когда первый явится къ послѣднему, по какой-либо надобности, на поклонъ. Въ такомъ случаѣ, въ Азіи, какъ извѣстно, съ пустыми руками явиться нельзя. Самый обыкновенный *тартыкъ* между кочующими есть лошадь.

55. *Тилла* — золотая бухарская монета, неизмѣющая постоянного вѣса. При гг. Мейендорфѣ и Эверманѣ, посѣщавшихъ Бухару въ 1821 году, т. е. около того времени, о которомъ идетъ рѣчь у Мирзы Шемса, 74 - 75 тиллей равнялись 100 голландскимъ червонцамъ. См. *Voyage à Boukhara* первого, р. 212, и *Reise nach Buchara* послѣдняго, s. 108.

56. По маршруту Изветуллаха, станція *Ханъ-Робатъ* отстоитъ отъ Бухары въ разстояніи 15 часовъ пути (*Magasin Asiatique*, II, 48).

57. Развалины *Маликъ*, по маршруту Н. В. Ханькова, отстоятъ отъ Бухары въ 75, а отъ Керманѣ — въ 15 верстахъ. Подробное описаніе ихъ, съ рисункомъ, см. у Лемана (*Reise* и s. w. Стр. 86 - 89).

58. По маршруту Изветуллаха, урочище *Утазы-Киндакъ* находится отъ Бухары въ 39, а уроч. *Утазы-Киндакъ* — въ 34 верстахъ.

59. На планѣ г. Бухары, приложенномъ къ «Описанію Бухарскаго Ханства» П. В. Ханькова, селеніе *Базарни* расположено подъ самыми стѣнами Бухары, противъ Имамскихъ-Воротъ; по Мейендорфу-же находится оно въ двухъ верстахъ отъ нел. Въ этомъ селеніи русское посольство въ Бухару жило нѣсколько дней, по выѣздѣ изъ города 10 марта 1821 года (*Voyage à Boukhara*, р. 83 et 89).

60. *جين* *джиень*, или *джиань*, есть киргизско-узбекское слово, перешедшее и въ бухарское нарѣчіе персидскаго языка. Въ словарѣ къ Татарской Хрестоматіи Кукляшева (Казань, 1859) оно написано *جیان* и истолковано «племянникъ съ женвиной стороны; неродной, сводной». *Ишань*-же, по Н. В. Ханькову, есть прозваніе даваемое простымъ народомъ въ Бухарѣ шейхамъ или монахамъ отличающимся подвигами святости. По Малькольму (*The History of Persia, London. 1833. II, 255*), *Ишань-Накибъ* былъ сынъ *Ишань-Махдума*, правителя джизакскаго, женатаго на дочери *Даніаль-Аталыка*. Если такъ, то онъ приходился племянникомъ *Шахъ-Мураду* и дядею *Насруллаху*. — Въ Оренбургѣ *Ишань-Накибъ* женился на татаркѣ, которая плѣнила его своимъ искусствомъ печь пироги, и отправился съ нею въ Хиву, а изъ Хивы въ Персію, пробираясь къ Меккѣ, но издержался дорогою, принужденъ былъ нищенствовать, и погибъ безъ вѣсти въ Багдадѣ. Это тоже одна изъ жертвъ образцовой неблагодарности и жестокосердія эмира *Насруллаха*. Какимъ важнымъ значеніемъ пользовался *Ишань-Накибъ* при особѣ эмира *Шахъ-Мурада*, видно изъ разсказа о поѣздкѣ къ сему—последнему посланца отъ владѣтеля чинаранскаго *Маминъ-Хана* (въ 1794 году). Разсказъ этотъ такъ любопытенъ по заключающимся въ немъ подробностямъ относительно образа жизни *Шахъ-Мурада*, что мы считаемъ нелишнимъ привести его здѣсь изъ Малькольма (II, pp. 256 - 260). *Маминъ-Ханъ* велъ пріазнь съ *Ишань-Накибомъ*; потому, въ одинъ изъ набѣговъ *Шахъ-Мурада* на Хорасанъ, чтобы отвратить отъ себя грозу, послалъ одного чиновника своего съ письмомъ къ *Ишань-Накибу*, и подарками ему и его повелителю, въ лагерь сего-послѣдняго. «Я былъ введенъ, — пишетъ чиновникъ, — къ *Ишань-Накибу*, который сидѣлъ въ глубинѣ великолѣпнаго шатра. Это былъ человекъ замѣчательно — красивой наружности, но съ рѣдкою бородою. Онъ спросилъ меня о здоровьѣ, потомъ о здо-

ровѣ Мамишъ - Хана, и прибавилъ: »да зачѣмъ самъ онъ не прѣхалъ? Я пустился было въ извиненія, но онъ перебилъ меня, сказавши: »А, понимаю. Кабы я былъ одинъ, онъ-бы навѣстилъ меня, а теперь боится Шахъ-Мурада«. Затѣмъ всталъ и вышелъ, пригласивши меня отдохнуть въ той же палаткѣ. Мнѣ принесли богатое ночное платье, и всѣ присутствующіе удалились. Но только что я легъ, какъ меня позвали къ Ишанъ-Накибу, который благосклонно пригласилъ меня отобѣдать съ собою. Обѣдъ былъ великолѣпнъ. Послѣ обѣда подали чай, и хозяинъ мой пилъ его изъ золотой чаши, осыпанной драгоценными камнями. Мнѣ подали чашу серебряную съ золотою настьчкою. Въ три часа по полудни онъ повелъ меня въ большую палатку о пяти столбахъ, гдѣ мы нашли много народу на молитвѣ. Сотворивъ тоже, мы возвратились въ его шатеръ, и только что успѣли войти, какъ слугитель доложилъ объ Эльхуръ-Суфи. Съ прибытіемъ этой духовной особы, Ишанъ-Накибъ заваялся ею исключительно, оказывая въ обращеніи съ нею глубочайшее уваженіе: когда подали чай и кофе, онъ самъ держалъ чашу, пока пилъ изъ нея Эльхуръ-Суфи. Не долго мы просидѣли такимъ образомъ, какъ вошелъ чиновникъ, и объявилъ Ишанъ-Накибу что Шахъ-Мурадъ желаетъ видѣть у себя его, и его гостя. Мы тотчасъ встали, сѣли на лошадей и послѣдовали за чиновникомъ. Проѣхавши нѣсколько, мы остановились около палатки объ одномъ столбѣ, которую, по малому объему ея и дурному виду, принялъ я за помѣщеніе какихъ-нибудь кашеваровъ или водоносовъ. Подъ тѣнью ея сидѣлъ на травѣ человекъ пожилыхъ лѣтъ. Мы всѣ сѣлишились, и подошли къ этому человѣку, на которомъ была зеленая, но очень засаленная одежда. Приблизившись, всѣ сложили руки на груди и привѣтствовали его почтительнѣйшимъ образомъ. Онъ каждому изъ насъ отдалъ привѣтъ, и пригласилъ сѣсть насупротивъ его. Съ Ишанъ-Накибомъ обходился онъ весьма ласково, но рѣчь обращалъ преимущественно къ Эльхуръ-Суфию, разговаривая то съ важностію, то шуточно.

» Через нѣсколько минутъ зашла рѣчь и о предметѣ моего посольства. Я подалъ письмо Мамишъ-Хана Ишанъ-Накибу, а онъ передалъ его человѣку въ зеленомъ платьѣ. Тутъ только догадался я что замаарашка этотъ — самъ Шахъ-Мурадъ. Онъ раскрылъ письмо, прочелъ его, сунулъ въ карманъ, и, помолчавши съ минутой, сказалъ: » Должно быть добраго коня прислалъ мнѣ Мамишъ-Ханъ«, и тотчасъ же велѣлъ привести лошадь. Осмотрѣвши внимательно животное, онъ заговорилъ съ окружающими шопотомъ и смѣясь; потомъ обратился ко мнѣ: » Зачѣмъ господиной твой не прислалъ мнѣ своего карагѣза: мнѣ-бы хотѣлось его имѣть? — « Карагѣзъ съ пороками, отвѣчалъ я: иначе онъ былъ-бы непременно присланъ къ Вашему Величеству«. — » Со всѣми своими пороками, онъ во сто разъ лучше этой лошади, что ты привелъ«, замѣтилъ Шахъ-Мурадъ«.

» Пока мы разговаривали, прѣхало много разныхъ чиновниковъ. Я не могъ не любоваться чрезвычайнымъ богатствомъ и великолѣпиемъ ихъ одежды и оружія. Шахъ-Мурадъ на привѣтствіе каждаго изъ нихъ отвѣчалъ кротко и ласково, и приказалъ имъ садиться; но, по малости его палатки, тѣмъ ея не могла защитить отъ лучей солнца и половины присутствовавшихъ. Вскорѣ по прибытіи ихъ, Государь погрузился въ раздумье, и до самой вечерней молитвы былъ, казалось, совершенно-поглощенъ внутреннимъ созерпаніемъ. Наступило время молитвы. Онъ всталъ и удалился. Я ночевалъ въ шатрѣ у Ишанъ-Накиба. Съ разсвѣтомъ войско двинулось въ путь, и прошло въ нѣсколькихъ фарсахъ отъ Чинарана. Прибывши на мѣсто, гдѣ располагалъ стать лагеремъ, Шахъ-Мурадъ позвалъ меня, удостоилъ аудіенціи, и былъ чрезвычайно-ласковъ. » Сказывали мнѣ, — началъ онъ, — что господиной твой Мамишъ-Ханъ все продолжаетъ пьянствовать«. — » Я не видалъ чтобъ онъ пилъ вино, и ничего не могу сказать объ этомъ Вашему Величеству«. — » И хорошо дѣлаешь что не болтаешь о томъ чего не видалъ своими глазами. Скажи Мамишъ-

Хану что я весьма расположенъ къ нему; что касается до Надиръ-Мирзы (владѣтеля мешгедскаго), это сумасбродъ. Передай еще Мамишь-Хану чтобы онъ написалъ Джаферъ-Хану нишабурскому, посоветывалъ тоже исгнать моей дружбы, если хочетъ сохранить земли свои отъ разоренія». Засимъ принесли для меня богатое одѣяніе и денежный подарокъ. Всѣ части одежды были очень хороши, за исключеніемъ чалмы, которая никуда не годилась. Увидавъ это, Шахъ-Мурадъ взялъ ее себѣ, а мнѣ далъ въ-замѣнъ свою — которая была еще хуже. Я распрощался тогда съ нимъ, и, возвратившись въ шатеръ къ Ишанъ-Накибу, рассказалъ ему о происшедшемъ. Тотъ посмѣялся отъ души, и далъ мнѣ хороший подарокъ. Я уже собрался уѣхать, какъ прискакали во весь духъ два человѣка съ письмомъ ко мнѣ отъ Мамишь-Хана: онъ писалъ что, несмотря на обѣщанное ему покровительство, нѣскольکو человѣкъ его поданныхъ захвачены были въ плѣнъ Узбеками. Ишанъ-Накибъ опять повелъ меня къ Шахъ-Мураду, котораго застали мы сидящимъ въ его маленькой палаткѣ на козлиной шкурѣ. Онъ велѣлъ привести плѣнниковъ, и передалъ ихъ мнѣ. У него было уже написано письмо къ Мамишь-Хану; онъ распечаталъ его, чтобы прибавить о томъ что сдѣлалъ относительно плѣнниковъ, и отдалъ его мнѣ обратно. Когда онъ копчалъ письмо, вошелъ въ палатку его поваръ, низенькой, подслѣповатый человѣкъ. »Что-же ты не подумаешь объ обѣдѣ«, обратился къ нему Шахъ-Мурадъ, »вѣдь уже скоро часъ молитвы«. Поваръ тотчасъ же притащилъ большой закопченный горшокъ, сдѣлалъ очагъ изъ нѣсколькихъ камней, положилъ въ горшокъ разныхъ, сортовъ четырехъ-пяти, зеренъ и немного вяленаго мяса, назвалъ это водою, и оставилъ кипятиться пока приготавливалъ посуду — деревянныя блюда, какія употребляетъ самый простой народъ. Принеся три такихъ блюдъ, онъ поставилъ ихъ на землю, и снялъ съ огня свое варево. Шахъ-Мурадъ посматривалъ на него тѣмъ временемъ, и видно было что поваръ по глазамъ господина пони-

малъ сколько надо положить на каждое блюдо. Когда все было готово, онъ постлалъ на землю какую-то грязную тряпицу, и принесъ кусокъ засохшаго ячменнаго хлѣба, который Аллаху извѣстно въ какомъ году гиджры былъ испеченъ. Шахъ-Муратъ, чтобы размягчить его, обмакнувъ въ воду. Первое блюдо подано было владыкѣ Узбековъ, второе поставлено между Ишанъ-Навибомъ и мною, третье взялъ себѣ поваръ, и утѣлся съ нимъ насупротивъ своего господина. Я ужъ былъ пообѣдавши, и потому только отвѣдалъ съ блюда: ужасъ что это такое было — говядина почти совсѣмъ прогнившая. Со-всѣмъ-тѣмъ, нѣсколько сановниковъ, вошедшихъ въ палату пока мы такимъ образомъ обѣдали, съѣли все что оставили мы на блюдѣ, показывая видъ что находять кушанье превосходнымъ. Можетъ быть оно и дѣйствительно казалось имъ такимъ — отъ удовольствія обѣдать вмѣстѣ съ своимъ благочестивымъ владыкою».

»Послѣ обѣда мнѣ дано было позволеніе уѣхать. По возвращеніи моемъ въ Чиваранъ, Мамишъ-Ханъ пришелъ въ восторгъ отъ успѣшности моего посольства, но потомъ сказывалъ мнѣ что, несмотря на обѣщанія Шахъ-Мурата, Узбеки его все-таки утащили въ этомъ году въ плѣнъ восемьдесятъ-два человѣка изъ поданныхъ его, Мамиша».

61. Крѣпость *Инджешембѣ*, или *Инджешембѣ-Базаръ*, находится въ Мянъкальскомъ Округѣ на р. Акъ-Дерьѣ, рудавѣ Зерь-Эшана, недалеко отъ Кеттѣ-Кургана.

62. Это свѣдѣніе приписано Мирзою-Шемсомъ на полѣ его рукописи, и потому не вошло въ текстъ. По письму бухарца Сейфуллаха изъ Бухары къ таковому же Мирзѣ-Саадудлаху въ Оренбургѣ, писанному отъ 6 мая 1827 года, и напечатанному В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ въ *Bulletin historico-philologique de l'Académie Imp. des sciences de St-Petersbourg*, tome XVI, pp. 279 — 282, осада Бухары Насруллахомъ продолжалась 51 день,

и вступилъ онъ въ городъ 27 числа рамазана 1242 года гижры (24 апрѣля 1827 года).

По тому же письму Миръ-Хайдеръ умеръ 4 числа ребуль-звелъ 1242 года (6 октября 1826 года), а Миръ-Хусейнъ, вступивъ тогоже числа на престолъ, властвовалъ 75 дней (по 19 декабря 1826 года). Правленіе Омаръ-Хана продолжалось слѣдовательно съ 19 декабря 1826 по 24 апрѣля 1827 года.

63. Тоже самое рассказываетъ объ Омаръ-Ханѣ и Борнсъ, съ прибавкою, что по взятіи Бухары Насруллахомъ, онъ посаженъ былъ въ темницу, но успѣлъ бѣжать (Travels into Bokhara. III, 287). Потому слова Сейфуллаха (въ письмѣ о которомъ только-что шла рѣчь), будто Омаръ-Ханъ былъ отправленъ на богомолье въ Мекку самимъ Насруллахомъ, не заслуживаютъ вѣроуя, равно какъ и то, что Насруллахъ взялъ Бухару силою, а не благодаря измѣнѣ.

64. Городъ *Кундузъ*, главное мѣсто небольшого узбекскаго владѣнника того же имени, лежитъ при слияніи рѣкъ Гори и Феруха, которыя образуютъ одинъ потокъ, впадающій въ Аму-Дарью съ лѣвой ея стороны, между рр. Хулумомъ съ запада, и Кокъ-Су съ востока. Жителей здѣсь, по словамъ Борнса и Вуда, было въ 1830-хъ годахъ до 1500, размѣщавшихся въ 500-600 мазапкахъ; кромѣ того, имѣлся кремль и въ немъ ханскій дворецъ. Вся долина занимаемая Кундузскимъ Ханствомъ, и упирающааяся съ сѣвера въ Аму-Дарью, простирается, по Борнсу, не болѣе какъ на 45 верстъ отъ В. къ З., и на 60 отъ С. къ Ю., и отличается отвратительнымъ лихорадочнымъ климатомъ, вслѣдствіе обилія болотъ. Изъ владѣтеля этой землицы, Мохаммедъ-Мурадъ-Бикъ, силою характера и безчеловѣчной политики, умѣлъ сдѣлаться, съ 1820-хъ годовъ, грозю и повелителемъ всѣхъ странъ въ верховьяхъ Аму. Подчинивъ себѣ сосѣдніе округа: Ташъ-Курганъ (Хулумъ), Гейбакъ, Гори, Индерабъ, Талиханъ и Хазретъ-Имамъ, ограбивъ Балхъ, покоривъ Бедахшанъ, распространилъ онъ власть

свою и на часть земель лежащих какъ по правому берегу Аму, такъ и на югъ отъ Гиндукуша. Этотъ Чингисъ-Ханъ въ малыхъ разбѣрахъ, достигалъ цѣлей своихъ тремя средствами: 1) заставлялъ покоренныя области ставить людей своихъ въ его войско, и такимъ образомъ загребалъ жаръ чужими руками, усиливаясь съ каждымъ новымъ приобретениемъ; 2) гарнизоны свои въ покоренныхъ земляхъ заставлялъ продовольствовать мѣстныхъ жителей, такъ-что содержаніе этихъ гарнизоновъ ничего ему не стоило; и 3) въ тоже время значительную часть туземнаго населенія, чтобы оно и думать не могло о возстаніи и возвращеніи независимости, переводилъ насильно въ другія части своихъ владѣній, преимущественно въ Кундузскую Долину, гдѣ оно, впрочемъ, вымирало отъ лихорадокъ; съ 1830 по 1838 годъ сюда и на равнины Хазретъ-Имама, выселено было, по словамъ Вуда, изъ Бегдашана и владѣній по правому берегу Аму, куда производилъ постоянно набѣги свои Мурадъ-Бикъ, до 100,000 душъ, изъ которыхъ въ 1838 году едва-ли оставалось въ живыхъ тысячъ шесть. Виѣсть съ тѣмъ, безчеловѣчный узбекъ устроилъ себѣ и новую отрасль доходовъ, достойную его политики: завелъ постоянный торгъ людьми, которыхъ увлекалъ въ неволю при грабительскихъ набѣгахъ своихъ; эта торговля доставила ему, по Муркрофту, до 1825 года, около миліона р. асс. (44,000 фунтовъ стерлинговъ). См. Борнса Travels into Bokhara, III, 175 - 176 и 275 - 281; Муркрофта Travels, II, 413 - 489; и Вуда Journey to the Oxus, p. 214, 392 и вообще съ 211 по 244, и съ 386 по 408.

65. *Каратенинъ* — горная страна, совершенно неизвѣстная, на западномъ склонѣ Белуръ-Тага, къ сѣверу отъ Дерваза, и на С. В. отъ Хисара, населенная Гольчами, или горными Таджикими. Въ 1830-хъ годахъ она была завоевана хокандскимъ ханомъ Мухаммедъ-Али, который и занялъ своимъ гарнизономъ главный городъ ея Калай-Хумъ. См. Записки И. Русск. Географическаго Общества. Книга III, стр. 196.

66. Мухаммедъ-Али, старшій сынъ Омаръ-Хана, вступилъ на престолъ Хокандскаго Ханства, по смерти отца, въ 1822 году, и властвовалъ по 1842, въ которомъ, съ большею частию семейства своего, былъ умерщвленъ бухарскимъ эмиромъ Насруллахомъ, занявшимъ Хокандъ вслѣдствіе измѣны собственныхъ сановниковъ Мухаммедъ-Али. Подробности о правленіи и смерти его см. въ Запискахъ П. Р. Географическаго Общества. III, 194 - 199, и въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія П. Археологическаго Общества. II, 329 - 338.

67. *Ярмазаръ* — крѣпость почитаемая значительною, охраняеть дорогу въ Каратегинъ, и лежитъ у подошвы горъ Кашгаръ-Даванъ, близъ главнаго въ нихъ прохода (Записки Имп. Русск. Географ. Общ. Книга III, стр. 214).

68. *Шагирдъ-пипъ*, شاکرد پيشه, есть въ Мавераннахрѣ название обнимающее все торговое, ремесленное и земледѣлствующее населеніе; Шагирдъ-пипъ — всякій, кто не принадлежитъ ни къ потомству Магомета и его родственниковъ, ни къ духовенству, ни къ знатымъ чиновнымъ родамъ, и наконецъ не узбекъ по происхожденію. Это весьма хорошо объяснено у Ханькова въ главѣ о сословіяхъ въ Бухарскомъ-Ханствѣ. См. указ. соч., стр. 182 и 185.

69. Слово *кошъ*, قوش, означаетъ всякое временное помѣщеніе въ пустомъ мѣстѣ или на дорогѣ: отдѣльную кибитку, нѣсколько кибитокъ вмѣстѣ, и цѣлый лагерь. Происходитъ отъ глагола *تونیق* «опускаться, садиться», а не отъ *کوچیک* «кочевать». Потому кошмъ называлась, по заимствованію отъ Татаръ, и главная квартира Запорожскаго Войска, состоявшаго изъ людей неосѣдыхъ, готовыхъ всегда переноситься съ мѣста на мѣсто.

70. Это была холера, вскорѣ послѣ того проникшая, чрезъ Степи Киргизскія и Оренбургъ, въ Россію.

71. *Мезари-Шерифъ* есть кладбище у гробницы знамени-таго магометанскаго святаго Бегауддина, находящейся недалеко отъ Бухары.

72. Вотъ что находимъ у Ефремова относительно Даниль-Аталыка, и событій его правленія:

» Данияръ-бекъ, родной Рахимовъ племянникъ (?), завѣстясь о смерти его, ласкалъ очень войско, чтобы преклонить оно къ своей сторонѣ, и объявляя что Ханъ умеръ, остался самъ Аталыкомъ, а на ханство посадилъ мальчика изъ хожей, бывшаго прежде па-стухомъ и именуемаго Абулгазою . . . Данияръ-бекъ въ Бухаринъ полновластенъ, и называется Аталыкъ, т. е. владѣтель . . . Правленіе здѣшнее самовластно, и зависитъ совершенно отъ воли и власти Аталыка, коему и самъ ханъ подвластенъ . . . Данияръ-бекъ имѣетъ четырехъ женъ и шесть наложницъ, калмычекъ и персія-нокъ, купленныхъ, и въ мою бытность отъ всѣхъ вообще женъ и наложницъ имѣлось у него десять сыновъ и десять дочерей . . .

Въ чинѣ пенджбаши (пятидесятникъ), Ефремовъ находился въ сраженіи подъ Самаркандомъ, затѣмъ въ чинѣ юзбаши (сотникъ), ходилъ, съ сыномъ Даниля Шамратъ-Беккомъ (Шахъ-Мурадъ-Бикъ), къ городу Мавру (Мерву), гдѣ властвовалъ ханъ Байрамъ-Али. При Шамратъ-Бекѣ войска было до 2000 человекъ, но онъ »вынгрыша никакого не получилъ, обратился въ бѣгство, и потерялъ на пути не мало людей и лошадей. Черезъ два года послѣ того, участвовалъ Ефремовъ въ походѣ на Хиву, подъ началь-ствомъ Бадалъ-Бека, въ числѣ 1500 человекъ. Шли отъ Чарджу на Питнякъ, Азаръ-Рестъ (Гезаръ-Аспъ) и Багаткалу (Багатъ), гдѣ имѣли сраженіе съ хивинскими Ямутами.

Простоту образа жизни Даниль-Аталыка доказываетъ самой способъ которымъ Ефремовъ освободился изъ Бухары. Онъ подкупилъ писаря чтобы тотъ написалъ на имя его посольскую грамоту въ Куканъ (Хокандъ). Къ грамотѣ этой нужно было при-ложить ханскую печать. Ефремовъ, бывшій въ любовной связи съ

ключницей Давидовой, просилъ чтобы она добыла ему эту печать. Та согласилась. »А какъ Аталыкъ имѣлъ привычку всегда послѣ полудни спать, то ключница, доставъ печать, принесла мнѣ ее, и я оную приложилъ къ своей грамотѣ» (Десятилѣтнее Странствование, и проч. Стр. 24—40, 97 и 110).

На кивжалѣ, который принадлежалъ Давидъ-Аталыку, и покойнымъ эмиромъ бухарскимъ присланъ, въ 1859 году, въ подарокъ Государю Императору, имя его изображено такъ: محمد دانيال آتالقی (Bulletin de la classe des sciences historiques etc. de l'Académie Imperiale des sciences de St. Pétersbourg. Tome XVI, N° 11—12, p. 185).

Извѣтуллахъ рассказываетъ что такъ-какъ дѣтей отъ Рахимъ-Хана не осталось, то власть по кончинѣ его захватилъ *оремно* одинъ изъ невольниковъ его по имени Даудъ-Би, который, давъ знать о случившемся Давидъ-Бю, дядѣ Рахимъ-Хана, находившемуся въ Кермизѣ, приглашалъ его пріѣхать въ Бухару, и занять праздный престолъ. Давидъ явился, но не захотѣлъ принять ханскаго титула, а оставилъ его одному изъ потомковъ Чингисъ-Хана, по имени Абуль-Гази (Magasin Asiatique. II, 184).

Кромѣ старшаго сына, Шахъ-Мурада, у Давидъ-Аталыка было, по словамъ Мирзы-Шемса, еще три: Султанъ-Мурадъ-Бикъ, Омаръ-Бикъ и Кинджали-Бикъ. По рассказамъ-же муллы Ахмедъ-Саида, бывшаго въ Оренбургѣ въ 1825-хъ годахъ, у Давидъ-Бика было не четверо, а деватеро сыновей, именно: Омаръ-Бикъ, Султанъ-Мурадъ-Бикъ, Махмудъ-Бикъ, Дервишъ-Бикъ, Рустемъ-Бикъ, Фазиль-Бикъ, Шахъ-Мурадъ-Бикъ, Кичкенъ-Бикъ и девятый полоумный, который былъ живъ еще въ 1825 году, но велъ жизнь нищенскую, не имѣя ни дома, ни пристанища постоянного, ночуя гдѣ случится, иногда на улицѣ, и голодая по дѣльнымъ недѣлямъ, такъ-что умеръ-бы съ голоду, если-бы не кормилъ

его иногда старший сын эмира Хайдера Мирь-Хусейн-Тюрк. Прочих дядьев своих эмир Хайдер почти всех умертвилъ.

73. Это, вѣроятно, есть та самая крѣпость, о которой Борнъ, исчисляя доходы Ханства, упоминаетъ подъ именемъ Nagazee, платящей 5000 тиллей поземельной подати; и которую, въ спискѣ городовъ и крѣпостей обязанныхъ поставлять пѣхоту, называетъ Nagasun, показывая что изъ нея поступаетъ 100 человекъ. См. Travels into Bokhara. III, 294 and 298.

74. Мирь-шебъ — полицмейстеръ города Бухары, наблюдающій за спокойствіемъ онаго только въ ночное время.

75. Точно такъ же рассказываетъ о гибели трехъ младшихъ братьевъ Насруллаха и Борнъ, восхищавшіяся правосудіемъ и великодушіемъ Эмира (Travels. III, 287). Впрочемъ, въ оправданіе Борнса надо сказать что онъ былъ въ Бухарѣ когда Насруллахъ не успѣлъ еще выказать себя вполнѣ, и прикидывался добрымъ, даже безпечнымъ.

76. Эмиръ Насруллахъ, изъ притворнаго смиренія, не билъ монеты съ собственнымъ именемъ. Всѣ извѣстныя монеты его царствованія биты имъ въ честь отца или дѣда, съ ихъ именами.

На первыхъ читаемъ: *امير حيدر مرحوم عانت محمود* «Покойный Эмиръ-Хайдеръ: да будетъ онъ славенъ въ будущей жизни». Такия монеты извѣстны съ 1242, 1245, 1246, 1248, 1252, 1257 и 1263 годами гиджры. На послѣднихъ изображено: *رحمت باد*

بر معصوم غازي «Милосердіе божіе да почіетъ надъ Маъсумъ-Гази». Изъ такихъ монетъ извѣстны битыя въ 1224, 1258 и 1269 годахъ гиджры. См. въ »Запискахъ« И. Археологическаго Общества, т. XIII, стр. 425 - 427, и въ »Пзвѣстіяхъ« тогоже Общества, т. II, стр. 160.

Исторію царствованія эмира Насруллаха, со времени назначенія его правителемъ въ Карши до завоеванія Хокандскаго Хайства весною 1842 года, желающіе могутъ прочесть въ »Описа-

ни Бухарскаго Хаства» Н. В. Ханькова, стр. 224—237. Дѣла его въ Хокандскомъ-Ханствѣ изложены въ статьѣ В. В. Вельяминова—Зернова: »Историческія извѣстія о Хокандскомъ-Ханствѣ отъ Мухаммедъ-Али до Худояръ-Хана«, помѣщенной въ Трудяхъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Археологическаго Общества. II, 328—343. О покореніи имъ Шегрисеба сказано выше, въ примѣчаніи 21-мъ. Въ заключеніе, сообщаемъ нѣкоторыя подробности о его кончинѣ, сдѣлавшіяся извѣстными въ Оренбургѣ въ концѣ 1860 года. Смерть Эмира послѣдовала 5 октября, по возвращеніи изъ Самарканда, куда отправился онъ въ сентябрѣ. Дорогою туда почувствовалъ онъ боль въ животѣ, и подозрѣвая что причиною этой боли — отравы, посѣщилъ возвратиться въ Бухару, и здѣсь, клятвою прощенія, выпыталъ отъ любимой жены своей, родной сестры бывшаго шегрисебскаго владѣтеля Пскевдера—Веллами, жившаго въ Каракулѣ, сознаніе что ова, по убѣжденіямъ этого брата, успѣла склонить эмирскаго лейбъ-медика изъ Евреевъ Цобрагима, дать ему въ лекарство продолжительный ядъ. Несмотря на данную клятву, Эмиръ тотчасъ же казнилъ всѣхъ трехъ преступниковъ и всѣхъ Себаинцевъ участвовавшихъ въ этой тайнѣ, а чрезъ нѣсколько дней умеръ и самъ. Сынъ и наслѣдникъ его Миръ-Музафферъ, жившій въ Кермизѣ, прибылъ въ Бухару уже послѣ погребенія отца, вступилъ на престолъ безо всякаго кровопролитія, и, какъ слышно, не удалилъ отъ важныхъ должностей никого изъ лицъ занимавшихъ оныя при покойномъ эмирѣ.

77. Въ генеалогіи властвовавшихъ надъ Восточнымъ-Туркестаномъ Ходжей, приложенной къ »Описанію Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана«, изданному отцомъ Іакимовомъ Бичуринымъ, зотъ *Махдумъ-Азлемъ* упоминается подъ именемъ *Мяту-Азлмъ*, и стоитъ 24-мъ по происхожденію отъ пророка Магомета (пегамберъ). Стр. 257.

78. То-есть Восточнаго-Туркестана, или, какъ называли его прежде, Малой-Бухаріи. Самыми подробными и вѣрными свѣдѣ-

ниями объ этой странѣ обязаны мы Китайцамъ, и въ-особенности одному маньчжурскому чиновнику бывшему здѣсь на службѣ въ 1760-хъ годахъ. Записки его подъ заглавіемъ *Си-Юй-Вань-Дзянь-Лу*, «Описание Западнаго Края», переведены на русскій языкъ отцомъ Іакинѣомъ Бичуринымъ, и напечатаны въ книгѣ его «Описание Джунгаріи и Восточнаго Туркестана». Спб. 1829. Историческія-же статьи, заключающіяся въ сказанныхъ запискахъ, были еще прежде того переведены и напечатаны въ «Сибирскомъ-Вѣстникѣ» на 1823 годъ, подъ заглавіемъ: «О возмущеніяхъ бывшихъ въ Джонгаріи и Малой-Бухаріи». Донесенія китайскаго военачальника Чжао-Хой завоевывавшаго Туркестанъ, напечатанныя во французскомъ переводѣ въ *Histoire générale de la Chine, par Mailla* (vol. XI), и въ *Lettres édifiantes* (vol. XXIV, p. 25—34), составляютъ также существенный источникъ свѣдѣній объ этомъ краѣ, равно — какъ и статьи къ нему относящіяся въ официальномъ описаніи Китайской Имперіи подъ заглавіемъ «*Да-Цинь-И-Тхунь-Джэ*», напечатанныя по-французки Клапротомъ въ его *Magasin Asiatique* (I, 81—122). Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ изъ этихъ источниковъ, имѣемъ мы о Восточномъ-Туркестанѣ, за послѣдующее время, извѣстія очевидцевъ: рускаго землепроходца Ефремова — изъ 1780-хъ годовъ («Десятилѣтнее Странствованіе» и проч. стр. 117—120), грузина Данибегова («Путешествіе въ Индію». Москва. 1815) и индустанца Мнръ Изетуллаха (*Voyage dans l'Asie Centrale*, въ *Magasin Asiatique* Клапрота. II, 19—38) — изъ 1810-хъ, казанскаго купца Муртазы Фейзулина — изъ 1820-хъ (въ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens*. В. XII, s. 80—82 и 95—101), паломниковъ тунганскихъ — изъ 1825-хъ годовъ (изложенныя въ *Journal de St. Petersbourg* за 1827 годъ, № 107), и паломниковъ индійскихъ — изъ 1830-хъ годовъ (изложенныя Уатеномъ въ *Journal of Asiatic Society of Bengal*. vol. IV, p. 653—664). Кроме того — извѣстія изъ вторыхъ рукъ собранныя Тимковскимъ

(«Путешествіе въ Китай», II, 76 - 119), Мейендорфомъ (Voyage à Bokhara, p. 121 - 130) и Борнсомъ (Travels into Bokhara, III, 191 - 199; и Cabool, 221 - 224). Въ Erdkunde Риттера (VII Theil, III Buch, s. 320 - 531) находится превосходный сводъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, за исключеніемъ неважныхъ извѣстій Ефремова и Давибегова, и разказовъ Фейзулина. Наконецъ, не вошли въ Erdkunde матеріалы о Китайскомъ-Туркестанѣ заключающіеся въ «Путешествіи изъ Кашмира въ Яркендъ» Ахмедъ-Шаха Накшбенди, переведенномъ съ персидскаго г. Доусономъ (Dawson). Объ этомъ послѣднемъ путешествіи см. Географическія Извѣстія, издаваемые отъ И. Р. Географическаго Общества, на 1849 годъ. Стр. 141 - 142.

По астрономическимъ наблюденіямъ католическихъ миссіонеровъ, по порученію Китайскаго Правительства опредѣлившихъ въ 1760-мъ году положеніе важнѣйшихъ пунктовъ въ Восточномъ-Туркестанѣ, Джунгаріи и сосѣднихъ съ запада странахъ (д'Арохи, Эспиньи и Халлерштейна), города Хотанъ, Яркендъ, Кашгаръ и Аксу находятся подъ:

	сѣверной широты	восточ. долготы (отъ Ферро)
Хотанъ	37°	98°13'
Яркендъ	58°19'	93°35'
Кашгаръ	39°25'	91°40'
Аксу	41°9'	96°50'

Взаимное разстояніе этихъ городовъ, по военнымъ станціямъ между ними учрежденнымъ, таково:

отъ Яркенда до Хотана . .	650 ли = 348 верстъ
— — — Кашгара . .	415 ли = 222 —
— — — Аксу	1165 ли = 624 —

Показанныя разстоянія, заимствованныя изъ »Статистическаго Описанія Китайской Имперіи«¹ И. Бичурина (Спб. 1842, II, 135) разнятся нѣсколько отъ показаній о томъ же предметѣ заключающихся въ его же »Описаніи Джунгаріи и Восточнаго Туркестана« (Спб. 1829, стр. 239—240).

79. Этотъ сынъ Махмудъ-Аъзема, котораго Мирза-Шемсѣ не называетъ по имени, въ упомянутой выше генеалогіи Ходжей (примѣчаніе 77-е) значится подъ № 25, съ именемъ *Махмудъ-Эмина*.

80. Въ магометанскихъ странахъ вовсе не рѣдкость, что лица свискавшія себѣ приверженцевъ какъ духовныя наставники, захватывали потомъ въ свои руки, при помощи преданныхъ послѣдователей ихъ ученія, государственную власть, и изъ учителей вѣры обращались въ государей — основателей новыхъ династій. Таково было начало персидскихъ Сефевидовъ; такъ, на глазахъ нашихъ, Шамиль изъ муршида сдѣлался владыкою нагорнаго Дагестана, и не положи русское оружіе конца его владычеству, дѣти Шамиля конечно наслѣдовали-бы его власть.

81. *Или* есть названіе: 1) рѣки вытекающей изъ Тянь-Шаньскаго Хребта, и впадающей въ озеро Балкашъ; потомъ 2) цѣлой страны по верховьямъ этой рѣки (нынѣ особаго китайскаго округа) въ бывшей Джунгаріи, сопредѣльной съ Восточнымъ-Туркестаномъ; наконецъ 3) города, построеннаго здѣсь Китайцами въ 1764 году, который мы, Русскіе, неосновательно называемъ *Кульджею*, потому-что городокъ собственно называемый *Гульджа* находится въ 65 ли (35 верстахъ) къ В. отъ города Или. См. въ »Сибирскомъ Вѣстникѣ«² на 1819 годъ, стр. 69—83.

82. О существованіи въ Восточномъ-Туркестанѣ двухъ враждебныхъ племенъ, Акъ-Таклыицевъ »Бѣлогорцевъ«, и Кара-Таклыицевъ »Черногорцевъ«, и враждѣ между ними, упоминаютъ, кромѣ Мирзы-Шемса, и другіе магометанскіе землепроходцы. Изъ

азуллахъ, называя эти племена *آق طاغلیق* и *قرا طاغلیق*, Кара-Таклынцевъ помѣщаетъ въ Яркендѣ, и называетъ поколѣніемъ союзнымъ съ Калмыками; Акъ Таклынты-же, по словамъ его, живутъ въ Или. Когда Калмыки, господствовавшіе надъ всѣмъ Восточнымъ-Туркестаномъ, ослабѣли вслѣдствіе свирѣяствовавшей эпидеміи, Акъ-таклынты напали на Кара-Таклынцевъ, и овладѣли страной. Эти послѣдніе призвали на помощь Китайцевъ. Ходжи акътаклынтскіе оказали мужество, и нѣсколько разъ прогнали китайскія войска, но, наконецъ, должны были уступить многочисленности непріятелей, и искать убѣжища въ Бедхшаиѣ, владѣтель котораго Султаны-Шахъ умертвилъ ихъ, и головы убитыхъ отправилъ къ китайскому военачальнику. Будетъ около 60 лѣтъ тому какъ это произошло, заключаетъ Изветуллахъ, и потомство Ходжей находится теперь въ Бухарѣ (*Magasin Asiatique*, II, 30 - 31). Мекскіе паломники, доставившіе Уатену изданнаго имъ свѣдѣнія о Средней-Азій, говорили что туземное народонаселеніе Восточнаго-Туркестана состоитъ изъ Узбековъ двухъ отраслей: Акъ-Такъ и Кара-Такъ, которые враждуютъ другъ съ другомъ, и враждою своею навлекли на себя китайское иго; первые слѣдуютъ ученію Навшбендіевъ, послѣдніе принадлежатъ къ сектѣ Кадаріевъ, а послѣдователи этихъ противоположныхъ сектъ питаютъ взаимно смертельную ненависть (см. W. H. Wathen's Memoir on Chinese Tartary and Khoten, въ *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, 1835. vol. IV, p. 661).

83. Выше Мираа-Шемъ изъ числа семи городовъ, о которыхъ теперь говорить, упомянулъ о Кашгарѣ, Яркендѣ, Хотавѣ, Аксу и Или. Какіе еще два города входили въ составъ этой «Семиградской Области» Средней-Азій, неизвѣстно. Можетъ быть — Ушъ и Куча. Но вѣрнѣе, что онъ подъ Семиградіемъ разумѣетъ семь городовъ, входящихъ, съ округами ихъ, въ составъ Восточнаго-Туркестана по нынѣшнему китайскому раздѣленію этой

страны, т. е. Кашгаръ, Яркендъ, Аксу, Хотанъ, Ушъ, Кучу и Харашаръ. См. »Статистическое Описаніе Китайской Имперіи« Іакинва Бичурина. II, 129.

84. *Бедакшанъ* — названіе страны лежащей въ верховьяхъ Аму-Дарьи, по лѣвому берегу этой рѣки, и въ бассейнѣ южнаго притока Аму, рѣки Кукъ-Су, »Голубой-рѣки« (которая на картахъ нашихъ является съ какимъ-то мордовскимъ именемъ *Кукши*). Страна эта, по отзывамъ туземцевъ и посѣщавшихъ ее иностранцевъ, просто рай земной. Тѣ и другіе, по словамъ Борнса, съ восхищеніемъ говорятъ объ ея долинахъ, источникахъ, живописныхъ мѣстоположеніяхъ, плодахъ, цвѣтахъ, соловьяхъ. Воздухъ здѣсь, земля, лѣса, травы и воды добротою своею превосходятъ всякое описаніе. Пастбища въ-особенности до такой степени тучны и кормны, что лошадей не держать на нихъ долѣе 40 дней, подлѣ опасеніемъ неизбежной гибели въ противномъ случаѣ. Рѣки и рѣчки, обилующія форелью и другими вкусными рыбами, катятъ прозрачныя воды свои по золотоносному песку. Горы бедакшанскія природа наполнила самыми рѣдкими сокровищами: онѣ доставляютъ не только золото, серебро, мѣдь и свинецъ, но великолѣпнѣйшіе рубины, аметисты, тяжеловѣсы, бирюзу и лазурь. Рубиновыми и лазуревыми (лапись-лазули) колами своими Бедакшанъ славленъ издревле и повсюду. Жители здѣшніе — первобытные насельники страны, Таджики, говорящіе чистымъ персидскимъ языкомъ, съ успѣхомъ занимаются хлѣбопашествомъ и садоводствомъ. Гостепрѣимство ихъ и дружелюбіе было таково что дало существованіе пословицъ: »въ Бедакшанѣ нѣтъ покушпаго хлѣба«. Столицею Бадахшана былъ городъ Фейзабадъ на р. Кукъ-Су, съ 4000 домовъ, по свѣдѣніямъ собраннымъ Тимковскимъ въ 1820-хъ годахъ. Кромѣ этого Фейзабада, другаго города, по имени Бедакшанъ, о которомъ упоминаетъ Фрезеръ (*Narrative of a Journey into Khorasan. London. 1825. App. V. P. IV, p. 105*), и который на картѣ Оренбургскаго-Края съ прилегающими къ нему

землями Средней-Азии (составленной при Генеральномъ Штабѣ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, въ масштабѣ 4,200,000 настоящей величины) поставленъ на той же р. Кукъ-Су, выше Джерма — нѣтъ, и никогда не было. Это чистое изобрѣтеніе картографин. Со вторженіемъ Узбековъ въ Мавераннагръ, Бедакшанъ и Балхъ составляли нѣкоторое время одно, зависѣвшее отъ Бухары, вассальное владѣніе; потомъ Бедакшанъ отдѣлился отъ Балха, и имѣлъ особыхъ правителей, которые сдѣлались независимы. Таковъ былъ Султанъ-Шахъ въ эпоху завоеванія Китайцами Восточнаго-Туркестана. Официальная географія Китая Дай-Цинь-И-Тхувъ-Джи говоритъ что въ это время полководецъ Фу-Де, преслѣдуя бѣжавшихъ изъ Туркестана Ходжей, подошелъ съ войскомъ къ столицѣ Бедакшана, и заставилъ владѣльца этой страны, со 100,000 семействъ ея жителей, признать надъ собою власть императора Цянъ-Луна, вслѣдствіе чего будто-бы въ 1760 и слѣдующихъ годахъ являлись въ Пекинъ посольства съ дарами отъ Султанъ-Шаха. Зная китайскій обычай принимать ивоземныя посольства съ дарами за депутаціи съ податью, этому извѣстію официальной географинъ нельзя много довѣрять. Какъ-бы то ни было, вслѣдъ за симъ завязалась у Султанъ-Шаха война съ афганскимъ Тимуръ-Шахомъ, послѣдствіемъ которой было страшное опустошеніе Бедакшана Афганами, уведшими въ плѣнъ значительное число тамошнихъ жителей. По свѣдѣніямъ находимымъ у Эльфинстона, и относящимся къ 1809 году, доходы Бедакшанскаго Владѣльца простирались до 6 лаковъ рупій (до 400,000 р. сер.), а военная сила состояла изъ 7,000 — 10,000 отличныхъ пѣшихъ стрѣлковъ, которые однакоже не въ силахъ были защитить страну отъ постоянныхъ грабительскихъ набѣговъ Кяфировъ-Сялгушей съ юга и таидханскихъ Узбековъ съ запада (Account of the Kingdom of Cabul, London. 1815, p. 618). Тоже относительно числа войскъ въ Бедакшанѣ читаемъ и у Тимковскаго, собиравшаго свои свѣдѣнія въ 1820-хъ годахъ (въ Путешествіе въ Китай с. II, 123). Но всѣ

ужасы афганскаго разоренія и кяфирскихъ набѣговъ блѣднѣютъ передъ бѣдствіями, которыя обрушилъ на Бѣдахшанъ кундузскій Мурадъ-Бикъ. Послѣ нѣсколькихъ опустошительныхъ вторженій въ эту страну, соединившихся постоянно съ уведомъ людей въ плѣнъ и продажою ихъ въ рабство, въ 1829 году ему удалось окончателно покорить ее своей власти, и почти совершенно обезлюдитъ, большую часть и безъ того уже малочисленнаго народонаселенія Бѣдахшана выселивъ насильственно въ свои Кундузскія болота, гдѣ оно перемерло отъ лихорадокъ, или сбывъ, въ видѣ невольниковъ, въ сосѣднія страны. Къ довершенію несчастій, въ январѣ 1832 года, страна, пишетъ Борнсъ, подверглась страшному землетрясенію, жертвою котораго сдѣлались многія селенія и значительная часть жителей. Дороги во многихъ мѣстахъ завалило камнями, и теченіе рѣки Кукъ-Су пять дней было преграждено обрушившеюся въ нее горою. Эти ужасныя конвульсіи природы произошли въ полночь, и почти не осталось семейства которому бы не пришлось оплакивать гибели кого-либо изъ своихъ членовъ». (Travels into Bokhara III, p. 176 - 177) Послѣдними и самыми подробными свѣдѣніями о положеніи Бѣдахшана обзаваны мы Вуду, посѣтившему эту страну, на пути къ истоку Аму-Дарьи, въ 1837 - 1838 годахъ. Страшно читать его путешествіе. Въ очаровательной, орошаемой широкою рѣкою долинѣ Мешидъ, которая служила лѣтнимъ мѣстопребываніемъ прежнимъ бѣдахшанскимъ владѣтелямъ, и заключала въ себѣ густое населеніе (однихъ работниковъ, занимавшихся выдѣлкою мелкихъ желѣзныхъ издѣлій, считалось болѣе 10,000 душъ), не нашель онъ и сотни семействъ. На равнинѣ Аргу жило прежде 6000 семей: Вудъ не только человѣка, даже животнаго не видѣлъ здѣсь. Отъ Фейзабада остались только деревья, украшавшія прежде сады его, но разрушенныя стѣны кремля еще держатся. Джермъ, нынѣшняя столица Бѣдахшана, не болѣе какъ деревня съ 1500 душъ населенія, или и того менѣе; но кремль здѣшній выстроень прочно и представляется

лучшимъ укрѣпленіемъ въ кундузскихъ владѣніяхъ (A personal Narrative of a Journey to the Source of the River Oxus, by the Route of the Indus, Kabul and Badakhshan, in the years 1833 — 1838. By Lieutenant John Wood. London. 1841. Pp. 247 — 248, 249, 251 and 254). Кромѣ Вуда, изъ европейцевъ былъ въ Бѣдахшанѣ, и прожилъ тамъ довольно времени, въ концѣ XIII столѣтія извѣстный путешественникъ Марко-Поло: его описаніе этого края доселѣ остается лучшимъ. Миссіонеръ Goës тоже былъ въ Бѣдахшанѣ въ началѣ XVII столѣтія, но проѣздомъ.

85. *Уратіонѣ* находится въ трехъ дняхъ пути отъ Самарканды по дорогѣ въ Ходжендъ, и въ полутора дняхъ пути отъ Хоканда. Вотъ какъ описываетъ ее Назаровъ, бывший здѣсь въ 1814 году: »Городъ Уратіюна прилегаеть къ горѣ Кашкаръ Даванъ, и расположенъ на ключахъ вытекающихъ изъ упомянутой горы, между двухъ сопокъ; весьма обширенъ, обнесенъ высокими двумя стѣнами, между коихъ выкопанъ глубокой ровъ; въ стѣнахъ сдѣланы окошки, дабы, въ случаѣ необходимости, можно было стрѣлять въ нихъ. Городъ чрезвычайно многолюденъ; улицы въ ономъ тѣсны, домъ сложены изъ глины; есть фабрики, на коихъ выдѣлываются пуховыя шали. Жители имѣютъ торговлю съ Трухменцами, Персіянами и кочевыми Арапами, принадлежащими Бухаріи« (Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи. Спб. 1821. стр. 78 — 79). Уратіонѣ, вмѣстѣ съ Джизахомъ, составляла прежде особую, независимую область, владѣлецъ которой въ послѣдней трети прошлаго столѣтія, славный воинскими подвигами Худояръ-Бекъ, оспаривалъ даже у Нарбуты-Бія хокандскаго богатую Ходжендскую Область. По смерти Худояръ-Бека въ концѣ прошедшаго столѣтія, владѣніе его сдѣлалось предметомъ спора между Хокандомъ и Бухарою, кончившагося тѣмъ что Уратіонѣ заняли Хокандцы, а Джизахъ Бухарцы. Но затѣмъ, поддерживаемый Бухарцами, Махмудъ-Ханъ, одинъ изъ сыновей Ходояръ-Бека, снова овладѣлъ Уратіюною, и, признавъ себя по имени

вассаломъ Бухарскаго Эмира, сталъ править въ ней независимо. Таково было положеніе дѣлъ въ Уратіонѣ когда, въ 1813 году, былъ здѣсь Иззетуллахъ. По словамъ его, уратіонивскій владѣтель могъ выставить въ поле отъ 15 до 16 тысячъ конницы изъ окрестныхъ Узбековъ. Но вскорѣ по отъѣздѣ Иззетуллаха, Хокандцы овладѣли Уратіоною посредствомъ измѣны, и въ 1840 годахъ Тюр-абекъ—Тюра сынъ Махмудъ—Хана жилъ въ Хокандѣ, занимая почетную должность при ханѣ Мухаммедъ—Али. По смерти послѣд-наго, Уратіонѣ опять нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки между Бухарцами и Хокандцами. Въ настоящее время она принадлежитъ первымъ, и правителемъ въ ней поставленъ отъ эмира Насруллаха Худояръ—Бекъ, бывшій ханъ хокандскій, бѣжавшій изъ своихъ владѣній въ Бухару. Уратіонѣ славится своими шалами изъ козьяго пуха, и въ 1840 годахъ доставляла въ казну хокандскаго хана 2000 тиллей таможенныхъ пошлинъ, 1000 тиллей поземельной подати, и 200,000 чариковъ пшеницы, всего до 1,318,400 р. ассигнаціями на наши деньги. См. Ефремова »Десятилѣтнее Странствованіе« и проч. стр. 114; Magasin Asitique. II, 50 и 162—163; »Записки И. Р. Географическаго Общества«, книга III, стр. 192, 194, 213 и 215; также Nachrichten über Chiwa, Bukhara, Chokand u. s. w. gesammelt von Gr. von Gens und bearbeitet von Gr. von Helmersen. St. Petersburg. 1839. S. 73—76.

86. Братья *Ай-Ходжа* и *Гулъ-Ходжа*, объ исторіи которыхъ, Иззетуллахъ упоминаетъ, какъ видѣли мы выше (примѣчаніе 82), не называя ихъ по именамъ, суть, извѣстные намъ весьма хорошо изъ китайскихъ источниковъ, братья *Боролиду* и *Хоцичжсанъ*, или *Джеганъ-Ходжа* и *Ханъ-Ходжа*, дѣти Ходжа-Махмуда, потомка Ходжей управлявшихъ Восточнымъ—Туркестаномъ до покоренія его Джунгарями. Эти братья ходжи, по китайскимъ извѣстіямъ, дѣйствительно, въ 1755—1758 годахъ, послѣ того какъ Китайцы покорили Джунгарію, подняли знамя независимости, и боролись съ Китайцами, пока эти, вытѣсняя ихъ изъ города въ городъ, не заставили

изъ Яркенда бѣжать въ Хотанъ, а изъ Хотана въ Бѣдахшанъ, гдѣ ханомъ этой страны Султанъ-Шахомъ были они разбиты, и головы ихъ отосланы въ китайскую армию. Такъ разсказывается дѣло въ цитированныхъ выше запискахъ Си-Юй-Вынъ-Цзынь-Лу. См. »Сибирскій Вѣстникъ« на 1823 годъ, стр. 110 – 121, и »Описание Джунгарии и Восточнаго-Туркестана«, стр. 166 – 177. Г. Тимковскій, объясняя происхожденіе властвовавшихъ въ Восточномъ Туркестанѣ Ходжей, говоритъ, не знаю на основаніи какихъ источниковъ, что при завоеваніи этой страны Китайцами въ половинѣ прошлаго столѣтія, изъ семи Ходжей, четверо были убиты въ сраженіяхъ, двое попались Китайцамъ въ плѣнъ и съ торжествомъ отведены были въ Пекинъ, а седьмой — Сарымсакъ-Ходжа, имѣлъ случай спастись бѣгствомъ въ Бухарію. (Путешествіе въ Китай черезъ Монголію. II, 77). Въ другомъ-же мѣстѣ того же сочиненія, именно въ описаніи Бѣдахшана, читаемъ слѣдующее: »Ай-Хочжа, преслѣдуемый несчастіемъ и Китайцами, прибѣгъ съ сыномъ своимъ подъ покровительство Бадахшанскаго хана, своего единовѣрца, обѣщавшаго ему всевозможную защиту. Но безразсудный бадахшанецъ, прельстясь коварными обѣщаніями и подарками Китайцевъ, предалъ имъ несчастную жертву въ самую Бадахшанъ имъ пораженную. Сынъ уюманутаго Ходжи, спасаясь отъ убійства, разгласилъ всюду о вѣроломномъ поступкѣ хана, который нынѣ, обще съ своимъ народомъ, находится за то подъ проклятіемъ у сосѣдственныхъ магометанъ; и сей предлогъ всегда даетъ имъ поводъ разграблять и подвергать неволѣ всякаго бадахшанца. Отъ такихъ измѣреній бадахшанскій народъ пришелъ въ крайнюю бѣдность и слабость« (тамъ же, стр. 124).

Въ извѣстномъ историко-географическо-статистическомъ описаніи Китайской Имперіи, подъ заглавіемъ Да-Цинъ-И-Тхунъ-Джи, исторія бѣгства Ходжей въ Бѣдахшанъ разсказывается, весьма подробно, слѣдующимъ образомъ: »Ханъ Бадахшанскій назывался Султанъ-Шахъ. Въ 1758 году, Китайцы, преслѣдуя возмущившихся маго-

метанъ Борниду и Хоцзичжана, разбили ихъ при Ешилъ-Кулъ; оба начальника эти бросились искать спасенія въ Бадахшанскую-Землю. Военачальникъ Фу-Де преслѣдовалъ ихъ съ своимъ отрядомъ, и послалъ одного изъ офицеровъ своихъ къ Султанъ-Шаху съ требованіемъ выдать бѣглецовъ. Борониду и Хоцзичжанъ скрылись въ Сикнанъ (Шагнанъ), въ Бадахшанской же Землѣ, принадлежащій Шамуръ-Беку. Султанъ-Шахъ не исполнилъ требованія китайскаго военачальника, а удовольствовался тѣмъ что задержалъ Борониду, и приставилъ къ нему стражу. Хоцзичжанъ направился къ горѣ Аткуль-Чука, разграбилъ ея окрестности, и затѣмъ ушелъ далѣе, за рѣку Боо-Цинаръ. На него сдѣлано было нападеніе, но самого его захватить не могли. Наконецъ, однакоже, онъ былъ взятъ и заточенъ въ Чайджагъ. Фу-Де, недовольный поступками Султанъ-Шаха, повторилъ свое требованіе о выдачѣ бунтовщиковъ, и, чтобы заставить требованіе свое исполнить на дѣлѣ, вступилъ въ Ваханъ, край населенный индѣйскимъ племенемъ, и оттуда приблизился къ самому городу Бадахшану, съ намѣреніемъ захватить хитростью братьевъ Хоцзичжана, а также и Тарбаджу (?). Но эти возмутители, проникнувъ его замыселъ, направилась съ войсками своими тоже къ Бадахшану. Султанъ-Шахъ радъ былъ бы выдать ихъ Китайцамъ, но какъ они происходили изъ рода Пайгамбарова (т. е. пророка Магомета), то боялся навлечь на себя ненависть другихъ магометанскихъ народовъ. Между-тѣмъ китайское войско подошло къ самымъ стѣнамъ столицы, и Фу-Де, именемъ императора, объявилъ что требованіе его должно быть непременно исполнено, а отказъ въ томъ повлечетъ за собою гибельныя послѣдствія. Нечего было дѣлать Султанъ-Шаху: онъ умертвилъ обоихъ братьевъ-возмутителей. Тѣло Борониду было украдено, и онъ отправилъ, для представленія императору, только ящикъ съ головою Хоцзичжана («Magasin Asiatique. I, 91 - 92).

По указанію самихъ Бадахшанцевъ, мѣстомъ гибели Ходжин-

цевъ въ Бѣдахшанѣ былъ холмистый, лежащій на скатахъ хребта Дженасдера въ долину р. Кукъ-Су округъ Реишханъ. »Около ста лѣтъ тому, — рассказывали Бѣдахшанцы Вуду, — Ханъ-Ходжа, магометанскій правитель Кашгара и Яркенда, отличавшійся свято-стію, будучи изгнанъ Китайцами изъ владѣній своихъ, исскалъ съ 40,000 сопутниковъ убѣжища въ Бѣдахшанѣ. Съ нимъ было много богатствъ, и обстоятельство это, равно-какъ и красота гарема Ходжи, возбудили жадность Султанъ-Шаха, властвовавшаго въ Бѣдахшанѣ когда прибылъ туда Ходжа. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ, со всѣмъ народомъ своимъ, по направленію къ Кундузу, но въ Реишханѣ Султанъ-Шахъ настигъ бѣглецовъ; приверженцы Ходжи были разбиты, самъ онъ взятъ въ плѣнъ. Мольбы его о сохраненіи жизни были напрасны; тогда святой человѣкъ про-клялъ Бѣдахшанъ, прося небо чтобы страна эта была трижды опустошена, чтобы даже собаки живой въ ней не осталась«. Съ именемъ Реишхана, говорить Вудъ, неразлучна въ душѣ бѣдахшанца мысль о всѣхъ бѣдствіяхъ его отечества (Journey to the source of the Oxus. P. 249 — 50).

Относительно спасенія потомства Ходжей, у Риттера въ Erdkunde (2-te Ausgabe. Berlin 1837), VII-г Theil, III-s Buch, s. 792, читаемъ что »хотя Ходжи эти и погибли въ Бѣдахшанѣ, однако сыну одного изъ нихъ, по имени Пузатувъ, удалось, съ 1000 человекъ приверженцевъ, бѣжать въ Кабулъ къ Тимуръ-Шаху, который и приналъ его самымъ дружескимъ образомъ. Вслѣдствіе этого возгорѣлась между Кабуломъ и Бѣдахшаномъ продолжавшаяся два года война, въ теченіе которой Бѣдахшанцы понесли жестокое пораженіе, и страна ихъ была совершенно опустошена Афганамъ«. Риттеръ говоритъ что это извѣстіе заимствовано имъ изъ китайскаго сочиненія Си-Юй-Винь-Цзянь-Лу; но сколько разъ ни перечитывалъ я это сочиненіе въ переводѣ отца Іакинна, и въ извлеченіяхъ изъ него помѣщенныхъ въ »Сибирскомъ Вѣстникѣ«, и въ Magasin Asiatique Клапрота, нигдѣ не нашелъ я означеннаго извѣстія.

своихъ, Шень-Цауну, лишить жизни себя и семейство свое; исполнивши это, Шень-Цаунъ убилъ собственную жену и дѣтей, и закололся. Всѣ сановники города, за исключеніемъ двухъ, и большое число военныхъ и жителей послѣдовали примѣру своего начальника: одни побросались въ колодцы, другіе повѣсились или отравились, такъ-что Монголы, вступивъ въ крѣпость, были весьма удивлены, найдя ее почти пустою. (Histoire des Mongols, par C. D'Ohsson. II, 422-423).

90. *Ябями* называются слитки серебра, употребляемые Китайцами вмѣсто монеты, такъ-какъ серебряной монеты въ Китаѣ не чеканится.

91. Покоривъ Восточный-Туркестанъ, Китайцы не поселились въ городахъ его, а поставили гарнизоны свои въ особыхъ фортахъ около тѣхъ городовъ. Эти форты мѣстные магометане называютъ *гулбагъ*, словомъ заимствованнымъ, вѣроятно, изъ китайскаго или монгольскаго языка, потому-что по-персидски значить оно »садъ съ розами«, а это значеніе вовсе не соответствуетъ понятію соединяемому съ китайскимъ фортомъ. Описаніе кашгарскаго гульбага см. у Борнса: *Cabool*, p. 224.

92. *Фейзъ-Абадъ* лежитъ въ 30 ли отъ Кашгара на востокъ. См. »Описаніе Джунгаріи и Восточнаго Туркестана«, стр. 142, гдѣ городъ этотъ, по китайскому произвошенію, названъ Бейцзу-Абагъ.

93. *Кяи-Куришимъ* значить »свинцовый рудникъ«. Объ этой мѣстности Иззетуддахъ упоминаетъ подъ именемъ *Шорбулакъ-Куришимъ*, полагая ее въ 24 часахъ пути отъ Кашгара (*Magasin Asiatique*. II, 39).

94. Вотъ что говорится о военныхъ дѣйствіяхъ въ Восточномъ-Туркестанѣ со стороны ховандскаго хана Мухаммедъ-Али, въ статьѣ »Обозрѣніе Коканскаго Ханства«, помѣщенной въ III книгѣ »Записокъ Русскаго Географическаго Общества« (стр. 195 - 196):

»Потомки узбекской династии, управлявшей кашгарскими городами, изгнаны были в 1756 году Китацами, покорившими весь Восточный-Туркестанъ, и жили при Коканскомъ Дворѣ подъ нѣкотораго рода присмотромъ. Китайское правительство ежегодно платило Коканскому Владѣльцу 1000, а по другимъ свѣдѣніямъ, только 250 ямбъ серебра, чтобы препятствовать имъ вторгнуться въ прежнія свои владѣнія. Несмотря на это, Джаугыръ-Ходжа, одинъ изъ семей Ашпаковъ, изгнанныхъ Китацами, бѣжалъ тайно изъ Кокана, собралъ шайку приверженцевъ, и, благопріятнымъ расположеніемъ магометанскихъ жителей Кашгаринъ, произвелъ общее возстаніе противъ Китайцевъ. Завязалась продолжительная война, въ которой Мухаммедъ-Гали (ханъ коканскій) принялъ самое дѣятельное участіе, и, несмотря на то что Китацы употребили огромныя силы для возвращенія Кашгаринъ, нѣсколько лѣтъ съ честью поддерживалъ борьбу, и кончилъ ее не только безъ потери, но даже успѣвъ выговорить для себя нѣкоторыя выгодныя условія. Видя невозможность удержать Кашгарію за собою, Мухаммедъ-Гали-Ханъ рѣшился перевести отсюда въ свои владѣнія всѣхъ мусульманъ. До 70,000 семействъ, оставивъ свою родину, перешли на западную сторону Белуръ-Тага, и разсѣлились по Коканин, гдѣ искусство и трудолюбіе ихъ уже начинають приносить пользу. По заключеніи мира, весьма многіе изъ этихъ переселенцевъ возвратились на прежнія мѣста. Городъ Шегериханъ и его окрестности почти исключительно населены Кашгарцами. Ихъ считаютъ тутъ 20,000 семей въ одномъ мѣстѣ. Кромѣ того, Китацы платятъ Мухаммедъ-Гали 10,000 тилей ежегодно за городъ Кашгаръ, для сбора которыхъ живетъ тамъ акакаль, присылаемый изъ Коканин.

Последнее обстоятельство подтверждается и свѣдѣніями собранными Борисомъ въ 1837 - 1838 годахъ. »Въ Кашгарѣ — пишетъ онъ — стоитъ китайскій гарнизонъ, а подати собираются въ пользу хана коканскаго, который содержитъ здѣсь своихъ ма-

гометанскихъ офицеровъ. Такой порядокъ произошелъ вслѣдствіе пелавныхъ несогласій между Коканомъ и Небесною Имперією («Cabool», p. 221).

Въ разъясненіе и дополненіе приведеннаго извѣстія, неизлишнимъ будетъ сказать что вторженіе Джангырь (правильнѣе Джегангырь) Ходжи въ Восточный-Туркестанъ имѣло мѣсто въ 1826 — 1827 годахъ. Съ помощію Хокандцевъ и Дикокаменныхъ Киргизовъ произведя возстаніе магометанскаго населенія въ этой странѣ, онъ быстро овладѣлъ городами Капшаромъ, Хотаномъ, Яркендомъ и Аксу; но съ приближеніемъ 60-тысячнаго китайскаго войска, бѣжалъ съ союзниками своими, обогатившимися добычею, въ горы Белуръ-Тага, былъ однако же врагами своими измѣнически схваченъ и выданъ китайскому военачальнику въ Аксу, который отправилъ его въ Пекинъ, гдѣ Джегангырь-Ходжа и былъ казненъ. Такъ разсказывали Уатену меккскіе паломники (*Journal of the Asiatic Society of Bengal*, vol. IV, p. 660).

За этимъ вторженіемъ послѣдовало, въ 1829 — 1830 годахъ, другое — описываемое Мирзою-Шемсомъ — подъ предводительствомъ старшаго брата Джегангырова, Мохаммедъ-Юсуфъ-Ходжи. Въ этотъ разъ преимущественно, произошло выселеніе въ хокандскіе предѣлы тѣхъ 70,000 туркистанскихъ семействъ, о которомъ упоминается, какъ видѣли мы выше, авторъ «Описанія Коканскаго Ханства» въ Запискахъ П. Р. Геогр. Общества.

Но этимъ не кончились дѣйствія Мухаммедъ-Али-Хава хокандскаго противу Китайцевъ. Ему и поданнымъ его было весьма выгодно вторгаться въ Туркестанъ, грабить его, и потому, когда Китайцы собирались съ силами, удалаться безнаказанно, съ пріобрѣтенною добычею, въ свои предѣлы. Потому, онъ еще два или три раза, послѣ описаннаго Мирзою Шемсомъ похода 1829 — 1830 года, помогалъ сыновьямъ Юсуфъ-Ходжи проникать въ Туркестанъ, и производить тамъ смуты. Китайцамъ, хотя побѣда оставалась постоянно за ними, надоѣло наконецъ такое положеніе

вещей, и они рѣшились упрочить за собою спокойное обладаніе странною, обуздавъ, прикрывавшееся религіознымъ фанатизмомъ, корыстолюбіе Мухаммедъ-Али — уступкою въ его пользу торговыхъ пошлинъ собираемыхъ въ туркестанскихъ городахъ, съ тѣмъ чтобы онъ, съ своей стороны, не допускалъ болѣе Ходжей вторгаться въ китайскіе предѣлы. Мухаммедъ-Али согласился на эти условія, и съ тѣхъ поръ для сбора означенныхъ пошлинъ и посылался отъ него въ Кашгарь аксакалъ съ помощниками, о коихъ упоминаютъ Борнсъ и авторъ »Описаніе Коканскаго Хавства«.

Выше мы привели извѣстіе Тимковскаго о томъ, что при покореніи Китаичами Восточнаго-Туркестана въ половинѣ прошедшаго столѣтія, четверо изъ Ходжей были убиты въ сраженіяхъ, двое взяты въ плѣнъ, а седьмой, Сарымсакъ, имѣлъ случай спастись бѣгствомъ въ Бухару. Считаемо не лишнимъ замѣтить здѣсь что Риттеръ отнесъ ошибочно это извѣстіе къ возстанію Восточнаго Туркестана въ 1826 году (Erdkunde, VII-г Theil. Berlin. 1837, s. 529), тогда-какъ подобный недосмотръ былъ-бы, кажется, невозможенъ потому уже что самая книга Тимковскаго вышла въ свѣтъ прежде 1826 года, именно въ 1824.

95. Эта готовность Кашгарцевъ возставать противу Китаичевъ подъ знаменемъ Ходжей проявилась въ послѣдній разъ два съ половиною года тому. Въ 1857 году, поддерживаемые Хокандцами, Ходжи снова вторгнулись въ Восточный-Туркестанъ, заняли Кашгарь, перерѣзали тамъ, съ помощію самихъ Кашгарцевъ, какъ Китаичевъ, такъ и тѣхъ изъ жителей города которые держали ихъ сторону, и господствовали мѣсяца четыре или пять; когда-же услышали что идетъ сильное китайское войско, бѣжали обратно въ Хокандскія Владѣнія, а съ ними до 30,000 жителей Кашгара и окрестныхъ селеній, помогавшіе имъ противу Китаичевъ, и потому боявшіеся мести послѣднихъ. Это коротенькое извѣстіе составляетъ все, что удалось вызнать отъ одного изъ упомянутыхъ кашгарскихъ бѣглецовъ, попавшаго случайно въ Орен-

бургъ. Кашгарецъ этотъ, по имени Ахунъ Авазбековъ, малый лѣтъ тридцати, былъ до того простъ что не могъ отвѣчать на самые обыкновенныя вопросы. — Хокандскій ханъ допустилъ Ходжей вторгнуться въ Восточный-Туркестанъ, въ противность обязательства заключеннаго Китайцами съ Мухамедъ-Гали, вѣроятно потому что, по смерти послѣдняго, Китайцы, пользуясь смятеніями въ Хокандскомъ Ханствѣ, перестали платить преемникамъ его условленную дань.

96. Борись также слышалъ объ особенномъ уваженіи кашгарскихъ и яркендскихъ магометанъ къ роду властвовавшихъ тамъ Ходжей. »Жители тамошніе, — пишетъ онъ, — вѣруютъ что людей изъ этого рода не беретъ въ бою никакое оружіе, что они обладаютъ особыми средствами побѣждать своихъ враговъ, что кто оскорбитъ Ходжу тому не будетъ счастья на этомъ свѣтѣ. Магометанскіе святоши даже вывѣшныя несчастія бедахшанскаго владѣльца приписываютъ коварному поведенію одного изъ его предшественниковъ въ отношеніи къ этимъ кашгарскимъ Ходжамъ (Travels into Bokhara. III, 192).

97. Мѣсяцъ ребіу-сави 1276 года гижры продолжался съ 28 Октября по 26 Ноября 1859 года. (См. Вюстенфельдовы Vergleichungs-Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung. Leipzig. 1854. 4°.
